ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ.

Издательство „СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ“.
С.-Петербургъ.
1906 г.

Оглавленіе.

Анархизмъ. Малатеста 1
Государство, его роль въ исторіи. П. Кропоткинъ 45
Этика анархизма. П. Кропоткинъ 107
Милитаризмъ. Домела Ньюванюи. 159
Парламентаризмъ и всеобщая забастовка. D-r Фридбергъ . 189

Положеніе рабочаго 192
Парламентское завоеваніе 197
Экономическая побѣда. Всеобщая забастовка 207
Резолюція 116

Синдикатъ. Эмиль Пуже. 219
Преисподняя заработной платы 221
Какъ образуется капиталъ 224
Эквивалентность собственности и авторитета. 225
Какъ освободиться? 227
Существенно важная организація 228
Союзъ по сродству 230
Автономія профессіональнаго союза 231
Синдикатъ—школа воли 234
Задача профессіональныхъ союзовъ. 237
Современное назначеніе 238
Переустройство будущаго 240

Приложеніе:
Функціи синдиката 243

Основы синдикализма. Э. Пуже.
Опредѣленіе синдикализма 247
Борьба рабочихъ въ XIX вѣкѣ 250
Группировка по производству. Зародышъ общества 260
Патріотическая узда 263
Демократическая узда 244
Право профессіональныхъ союзовъ 268
Заключеніе. 272

Тип. Смильго. Гороховая, 17.

МАЛАТЕСТА.

АНАРХИЗМЪ.

Перев. съ фран. Скр—ва.

„Пров 38“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1268
27

Слово Анархія (греч. anarchia) обозначаетъ безвластіе, т. е. такое состояніе народа, когда онъ управляется безъ установленной власти, безъ правительства.

Но прежде чѣмъ цѣлая категорія мыслителей сочла подобную организацію возможной и желательной, прежде чѣмъ она была принята, какъ цѣль, партіей, которая отнынѣ является однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ современной соціальной борьбы,— слово Анархія въ большинствѣ случаевъ понималось въ смыслѣ безпорядокъ, хаосъ; его еще и теперь понимаютъ въ этомъ смыслѣ невѣжественныя массы и наши противники, скрывающіе истину.

Мы не будемъ вступать въ филологическія отступленія, ибо здѣсь вопросъ не филологіи, а исторіи. Вульгарное пониманіе этого слова находится въ тѣсной связи съ тѣмъ значеніемъ, которое ему придаютъ: такое пониманіе происходитъ отъ существованія предразсудка, что правительство есть необходимый органъ соціальной жизни и что, слѣдовательно, общество безъ правительства должно быть жертвой безпорядка, всемогущества однихъ и слѣпого мщенія другихъ.

Существованіе этого предразсудка и его вліяніе на то значеніе, которое народъ далъ слову Анархія, объясняется легко.

Какъ всѣ животныя, человѣкъ примѣняется, привыкаетъ къ условіямъ своего существованія и пріобрѣтенныя привычки передаетъ по наслѣдству.

Родившись и живя въ рабствѣ, наслѣдникъ отродья рабовъ, человѣкъ, лишь только началъ мыслить, считалъ, что рабство было необходимымъ условіемъ его жизни: свобода ему казалась невозможной. Точно также работникъ, принужденный, уже вѣка, ожидать работы, иначе хлѣба, отъ доброй воли хозяина, привыкнувъ видѣть свою жизнь постоянно во власти того, кто владѣетъ землей и капиталомъ, кончилъ тѣмъ, что сталъ вѣрить, что хозяинъ даетъ ему ѣсть; наивный, онъ говоритъ себѣ: какъ я сталъ бы жить, если бы не было хозяевъ?

Таково было бы положеніе человѣка, который имѣлъ бы ноги уже съ дѣтства связанными, но такъ, что онъ могъ бы даже немного ходить; онъ могъ бы присвоить себѣ право двигаться со своими цѣпями, которыя только уменьшаютъ и парализуютъ мускульную энергію ногъ.

И если къ естественнымъ дѣйствіямъ привычки я прибавлю воспитаніе, данное патрономъ, священникомъ, учителемъ и т. д., которые всѣ участвуютъ въ проповѣди, что правительство и господа—необходимы, если вы присоедините судью и полицію, которые стараются заставить молчать тѣхъ, кто иногда мыслитъ и желалъ бы распространять свои мысли,—тогда будетъ понятно, какимъ образомъ въ головѣ малообразованной массы принятъ въ корнѣ предразсудокъ пользы и необходимости хозяина и правительства.

Теперь представьте себѣ, что человѣку съ закованными ногами (какъ мы уже сказали) докторъ излагаетъ цѣлую теорію и даетъ тысячи примѣровъ искусно — подобранныхъ, что бы убѣдить, что со свободными ногами онъ не могъ бы ни ходить, ни жить; этотъ человѣкъ яро защищалъ бы свои цѣпи и смотрѣлъ-бы, какъ на враговъ, на тѣхъ, которые хотѣли-бы разбить ихъ.

И такъ какъ люди стали считать правительство необходимымъ, такъ какъ допустили, что безъ правительства можно имѣть только безпорядокъ и раздоры, то естественно и даже логично, что терминъ Анархія, который означаетъ отсутствіе правительства, означаетъ также отсутствіе порядка.

Этотъ фактъ—не безъ примѣра въ исторіи словъ. Въ тѣ времена и въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ считалъ необходимымъ правленіе одного (монархію), слово республика, которая означаетъ правленіе большинства, понималось въ смыслѣ безпорядокъ и раздоры; такое значеніе находится еще въ народномъ языкѣ почти всѣхъ странъ.

Измѣните мнѣніе, убѣдите народъ, что правительство не только не необходимо, но даже опасно и вредно, и тогда слово Анархія, и это справедливо, потому что означаетъ отсутствіе правительства, будетъ понимаемо всѣми, какъ естественный порядокъ, гармонія потребностей и интересовъ всѣхъ, полная свобода въ совершенной солидарности.

Тѣ, которые говорятъ, что анархисты избрали себѣ плохое названіе, ибо оно невѣрно понято массой,—не правы, потому что не въ названіи дѣло, а въ сущности; и трудность пропаганды анархизма зависитъ не отъ названія, а отъ дѣла, въ которомъ идея анархизма затрагиваетъ всѣ закоренѣлые предразсудки, которыми поддерживается связь народа съ правительствомъ или, какъ обычно говорятъ, съ Государствомъ.

Прежде чѣмъ идти далѣе, слѣдуетъ объяснить это послѣднее слово, которое, по нашему мнѣнію, служитъ причиной многочисленныхъ недоразумѣній.

Анархисты пользуются словомъ „Государство“ обыкновенно для того, что-бы выразить однимъ словомъ всѣ политическіе, законодательные, судебные, военные, финансовые и т. п. институты, посредствомъ которыхъ отнимается у народа управленіе своими собственными дѣлами, управленіе своимъ собственнымъ поведеніемъ, забота о своей собственной безопасности, что-бы довѣрить это нѣсколькимъ лицамъ, которыя или посредствомъ узурпаціи или делегаціи облечены правами составлять законы на все и для всѣхъ, принуждая народъ приноравливаться къ нимъ, пользуясь при этомъ силою всѣхъ.

Въ этомъ случаѣ слово „Государство“ означаетъ правительство или, если хотите, безличное, абстрактное выраженіе такого состоянія вещей, олицетвореніемъ котораго является правительство: выраженія уничтожить Государство, Общество безъ Государства, и т. п. вполнѣ отвѣчаютъ той идеѣ, которую анархисты проводятъ, когда говорятъ о разрушеніи всякой политической организаціи, основанной на авторитетѣ, и объ учрежденіи общества людей свободныхъ и равныхъ, основаннаго на гармоніи интересовъ и на добровольной помощи всѣхъ для удовлетворенія соціальныхъ нуждъ.

Однако жъ слово „Государство“ имѣетъ много другихъ значеній, изъ которыхъ нѣкоторыя двусмысленны, въ особенности, когда имѣешь дѣло съ людьми, которые вслѣдствіе своего печальнаго соціальнаго положенія не сумѣли привыкнуть къ тонкимъ различіямъ научнаго языка, или, что хуже, когда имѣешь дѣло съ безчестными противниками, въ интересахъ которыхъ скрывать или затушевывать ясное пониманіе.

Эти лица берутъ, напримѣръ, слово „Государство," что-бы показать такое общество, такое человѣческое собраніе, которое соединено въ данной территоріи и составляетъ, такъ называемое, моральное тѣло, независимо отъ способа группировки членовъ и отношеній между ними; такимъ образомъ, это слово понимается просто какъ синонимъ общества.

Давая эти значенія слову Государство, противники считаютъ, серьезно или притворно, что анархисты желаютъ уничтоженія всякой соціальной связи, всякаго коллективнаго труда и стараются вернуть людей къ разобщенности, иначе къ состоянію хуже, чѣмъ первобытному.

Подъ „Государствомъ" иногда понимаютъ высшую администрацію страны, центральную власть, отличную отъ власти провинціальной или коммунальной, и на этомъ основаніи нѣкоторые убѣждены, что анархисты хотятъ просто территоріальной децентрализаціи, оставляя неприкосновеннымъ принципъ правительства: итакъ, они смѣшиваютъ анархизмъ съ кантонизмомъ и коммунизмомъ.

Государство понимается, наконецъ, какъ состояніе, форма жизни, соц. режимъ и т. д. Такъ, мы говоримъ, напр., что нужно измѣнить экономическое положеніе (Etat) рабочаго класса, или что анархическое Государство (Etat) есть единственное соціальное Государство (Etat) (мы, которые, съ другой стороны, говоримъ о желаніи уничтоженія Государства), основанное на принципѣ солидарности, и другія подобныя опредѣленія, которыя на нашихъ устахъ могутъ, съ перваго взгляда, показаться странными и противорѣчивыми.

Поэтому мы считаемъ, что лучше возможно рѣже употреблять выраженіе уничтоженіе Государства и ставить вмѣсто него другое болѣе ясное и конкретное: уничтоженіе правительства, что и будемъ дѣлать на страницахъ этого небольшого сочиненія.

Мы говорили уже, что анархія есть общество безъ правительства.

Но развѣ возможно упраздненіе правительства? Развѣ это желательно? Развѣ можно это предвидѣть?

Разсмотримъ.

Что такое правительство?

Вліяніе метафизики (умственной болѣзни, вслѣдствіе которой человѣкъ, абстрагировавъ логическимъ процессомъ качества отъ существа, подвергается галлюцинаціи, принимая абстрактное за реальное [1]), вліяніе метафизики, говоримъ мы, которая, несмотря на удары позитивнаго знанія, имѣетъ еще глубокіе корни въ умѣ большинства людей нашего времени, заставляетъ многихъ понимать правительство, какъ моральную сущность, надѣленную извѣстными аттрибутами разума, справедливости, равенства, независящими отъ лицъ, которыя состоятъ въ правительствѣ.

Для нихъ правительство или, лучше, Государство есть абстрактная соціальная власть; это — всегда отвлеченный представитель всеобщихъ интересовъ; это выразитель права всѣхъ, разсматриваемаго, какъ граница права каждаго. Такъ понимаютъ правительство лица, въ интересахъ которыхъ спасти принципъ авторитета и сдѣлать незамѣтными грѣхи и ошибки тѣхъ, которые стоятъ у власти.

Для насъ правительство есть собраніе правителей; и правители, короли, президенты, министры, депутаты и т. п., это—тѣ, которые имѣютъ возможность издавать законы, чтобы управлять отношеніями людей между собой, и принуждать выполнять ихъ; налагать и взимать налоги; принуждать къ военной службѣ; судить и наказывать идущихъ противъ законовъ; наблюдать и санкціонировать частные договоры, монополизировать извѣстныя (или по желанію—всѣ) отрасли производства и общественныя службы; благопріятствовать или препятствовать обмѣну продуктовъ; объявлять войну или заключать миръ съ правителями другихъ странъ, жаловать или отнимать льготы и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, правительство это тѣ, которые имѣютъ власть, большую или меньшую, пользоваться соціальной силой—физической, интеллектуальной, или экономической,—силою всѣхъ, чтобы заставить всѣхъ дѣлать то, что они желаютъ сами. Эта учрежденная власть и

[1]) «Человѣчество, гов. Милль, во всѣ вѣка было склонно думать, что всякой сложной идеѣ, которую умъ составилъ для себя, дѣйствуя на свои представленія объ единичныхъ вещахъ, соотвѣтствуетъ внѣшняя реальность».

есть, по нашему мнѣнію, принципъ правительства, принципъ авторитета.

Но развѣ желательно существованіе правительства?

Почему слѣдуетъ сложить съ себя въ руки нѣсколькихъ нашу собственную свободу, нашу собственную иниціативу? Зачѣмъ давать имъ возможность завладѣть, согласно или противъ желанія каждаго, силою всѣхъ и располагать ею по своему желанію? Или они настолько надѣлены, что могутъ занять мѣсто массы и предусматривать интересы людей лучше, чѣмъ это сумѣли бы сдѣлать сами заинтересованные? Развѣ они непогрѣшимы и неподкупны, что имъ можно довѣрить судьбу каждаго и всѣхъ?

И даже если бы въ мірѣ существовали люди съ безконечной добротой и знаніемъ, если бы даже,—гипотеза чего еще никогда не подтверждалась въ исторіи и что, мы полагаемъ, невозможно провѣрить,—власть правленія перешла бы къ наиболѣе способнымъ и лучшимъ, то владѣніе властью ничего не прибавило бы къ ихъ благотворному вліянію или, скорѣе, парализовало бы его по необходимости, такъ какъ лучшую часть своей энергіи они потеряли бы на то, что бы удержать за собой власть, чтобы удовлетворить друзей, чтобы обуздать недовольныхъ и непокорныхъ.

Впрочемъ, хорошіе или дурные, умные или невѣжественные, кто такіе правители?

Кто назначилъ ихъ на такую высокую обязанность? поставили ли они сами себя по праву войны, завоеванія или революціи? Но тогда, какую гарантію имѣетъ народъ, что они внушатъ себѣ желаніе удовлетворять требованіямъ всеобщей пользы? Вѣдь это—прямой вопросъ присвоенія; и для подданныхъ, если только они недовольны, остается силой освободить себя отъ ига. Можетъ быть, они избраны однимъ классомъ, одной партіей? Но тогда интересы и идеи этого класса будутъ торжествовать, тогда какъ желанія и интересы другихъ будутъ приноситься въ жертву. Быть можетъ, они избраны всеобщей подачей голосовъ? Но тогда—критеріемъ будетъ только число, которое, какъ извѣстно, не доказываетъ ни справедливости, ни пониманія, ни способности. Въ такомъ случаѣ избранными будутъ тѣ, которые лучше умѣютъ обманывать массу, и меньшинство, которое можетъ быть однимъ менѣе половины, будетъ приноситься въ жертву: и это, не счи-

тая того, что опытъ показалъ невозможность найти избирательный механизмъ, посредствомъ котораго были бы избираемы дѣйствительные представители большинства.

Есть много различныхъ теорій, посредствомъ которыхъ пытались объяснить и оправдать существованіе правительства. Всѣ онѣ, въ общемъ, основаны на предвзятой мысли, что люди имѣютъ противоположные интересы и что нужна внѣшняя, высшая сила, что-бы принудить однихъ уважать интересы другихъ, предписывающая и налагающая такія правила поведенія, которыя привели бы въ гармонію, насколько возможно, борющіеся интересы такъ, что бы каждый получилъ самое великое удовлетвореніе съ возможно меньшими жертвами.

Если, говорятъ теоретики, отстаивающіе необходимость власти, интересы, стремленія, желанія одного индивида противуположны интересамъ, стремленіямъ, желаніямъ другого индивида или даже всего общества, то кто будетъ имѣть право и силу принудить одного уважать интересы другихъ? Кто можетъ помѣшать такому гражданину нарушать всеобщую волю? Свобода каждаго, говорятъ они, имѣетъ предѣломъ свободу другихъ; но кто установитъ эти границы и кто станетъ уважать ихъ? Естественный антагонизмъ интересовъ и влеченій создаетъ необходимость правительства и оправдываетъ власть, которая опирается на умѣренность въ соціальной борьбѣ и опредѣляетъ права и обязанности каждаго.

Такъ говоритъ эта теорія; но, что бы быть правильными, теоріи должны быть основаны на фактахъ и быть въ состояніи ихъ объяснить; а извѣстно, что теоріи часто придумываются, что бы оправдать факты, иначе, что бы защитить привиллегіи и что бы заставить спокойно ихъ принять.

Поэтому, разсмотримъ раньше факты.

Исторія намъ показываетъ, что всегда, какъ и нынѣ, правительство— это грубое, жестокое, своевольное господство нѣсколькихъ надъ массой—орудіе, назначенное для укрѣпленія господства и привиллегій тѣхъ, которые силою или хитростью или по наслѣдству отняли всѣ средства къ жизни, въ особенности землю,— господство, служащее для того, чтобы держать народъ въ рабствѣ и принуждать работать на нихъ.

Угнетаютъ людей двумя способами: или прямо, посредствомъ грубой силы, физическаго насилія или косвенно, крадя у нихъ

всѣ средства къ существованію и покоряя ихъ, такимъ образомъ, своей власти. Первый способъ есть начало власти или политической привиллегіи, второй—начало экономической привиллегіи.

Можно еще угнетать людей, дѣйствуя на ихъ умъ и чувства; это—религіозная власть; но какъ умъ—только результатъ матеріальныхъ силъ, такъ и ложь и учрежденія устроенныя, что бы размножать ее, (церковь, школа и т. д.) не имѣютъ въ оправданіе своего существованія ничего, кромѣ того, что они—результатъ политическихъ и экономическихъ привиллегій, средство для защиты и укрѣпленія ихъ.

Когда въ первоначальныхъ обществахъ, не очень многочисленныхъ, въ соціальныхъ отношеніяхъ, не очень усложненныхъ, одно какое-нибудь обстоятельство препятствовало тому, что бы образовались привычки, обычаи солидарности, или уничтожало тѣ, которые уже существовали, и утверждало господство человѣка надъ человѣкомъ, — тогда двѣ власти, политическая и экономическая, соединялись въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, которыя, при случаѣ, могутъ быть руками одного человѣка. Тѣ, которые силою побѣдили и устрашили другихъ, располагаютъ и самими побѣжденными и ихъ имуществомъ и принуждаютъ ихъ служить себѣ, работать на себя и дѣлать все по своей волѣ. Они — въ одно и тоже время — и владѣтели и законодатели, короли, судьи и палачи.

Но съ ростомъ общества, съ увеличеніемъ числа потребностей, съ усложеніемъ соціальныхъ отношеній долгое существованіе такого правительства сдѣлалось невозможнымъ. Господствующіе, чтобы себя обезопасить или ради выгоды, или по невозможности поступать иначе,—необходимо должны, съ одной стороны, опереться на одинъ привиллегированный классъ или на извѣстный классъ индивидовъ, заинтересованныхъ въ ихъ господствѣ, съ другой стороны, сдѣлать такъ, чтобы каждый заботился по мѣрѣ силъ о своемъ собственномъ существованіи, откладывая для нихъ высшее господство, т. е. право эксплоатировать всѣхъ и въ тоже время удовлетворять честолюбіе властью. Вотъ такимъ образомъ, подъ эгидою власти, вмѣстѣ съ ея покровительствомъ и соучастіемъ, а часто и безъ ея вѣдома, вслѣдствіе недостатка контроля развивается частная собственность, иначе говоря, классъ собственниковъ. Послѣдніе мало—по—малу концентрируютъ въ своихъ рукахъ средства производства, истинныя начала жизни, земледѣліе,

промышленность, торговлю и т. д.,—кончая тѣмъ, что устанавливаютъ власть, которая, благодаря превосходству средствъ и множеству выгодъ, которыми она пользуется, достигаетъ того, что всегда подчиняетъ, болѣе или менѣе открыто, политическую власть, правительство, дѣлая его своимъ жандармомъ.

Это явленіе повторялось нѣсколько разъ въ исторіи. Каждый разъ, когда во время нашествія или военнаго предпріятія грубая физическая сила брала верхъ въ обществѣ, побѣдители выказывали стремленіе сконцентрировать въ своихъ рукахъ правленіе и собственность. И всегда необходимость для правительства примиряться съ участіемъ въ немъ могущественнаго класса, требованія производства, невозможность за всѣмъ услѣдить и всѣмъ управлять возстановляли частную собственность, дѣленіе двухъ властей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительную зависимость тѣхъ, которые владѣли силой—правителей, отъ тѣхъ, которые владѣли средствами силы, собственниковъ. Правительство всегда кончало роковымъ образомъ тѣмъ, что дѣлалось стражемъ собственности.

Но никогда это явленіе не было такъ замѣтно, какъ въ наши дни. Развитіе производства, огромное распространеніе торговли, чрезмѣрное могущество, пріобрѣтенное серебромъ и всѣ экономическіе факты, вызванные открытіемъ Америки, изобрѣтеніемъ машинъ и т. п. такъ упрочили верховное могущество за классомъ капиталистовъ, что онъ, не довольствуясь тѣмъ, что располагалъ поддержкой правительства, хотѣлъ, чтобы правители были изъ его среды. Правительство, которое брало свое происхожденіе изъ права завоеванія (изъ права божественнаго, говорятъ короли и ихъ священники), поскольку обстоятельства подчиняли его классу капиталистовъ, постоянно сохраняло горделивую осанку и пренебрежительное отношеніе къ своимъ бывшимъ рабамъ, обогатѣвшимъ и желавшимъ одного—независимости и господства. Это правительство было хорошимъ защитникомъ, жандармомъ собственниковъ, но было изъ тѣхъ жандармовъ, которые много думаютъ о себѣ и дѣлаются высокомѣрными по отношенію къ тѣмъ, которыхъ они должны сопровождать и защищать, если только на первомъ поворотѣ дороги не обираютъ и не убиваютъ ихъ. Классъ капиталистовъ избавлялся и избавляется отъ него болѣе или менѣе насильственнымъ способомъ, подставляя вмѣсто него пра-

вительство, избранное имъ же самимъ, состоящее изъ членовъ его класса, постоянно находящееся подъ его контролемъ.

Таково происхожденіе современной парламентарной системы.

Теперь правительство, составленное изъ собственниковъ и лицъ, состоящихъ у нихъ на службѣ, все—въ распоряженіи собственниковъ; оно таково, что часто сами богатые даже презираютъ быть частью его. Ротшильдъ не имѣетъ нужды быть ни депутатомъ, ни министромъ: ему достаточно имѣть въ своемъ распоряженіи депутатовъ и министровъ.

Во многихъ странахъ пролетаріатъ номинально имѣетъ болѣе или менѣе широкое участіе въ избраніи правительства. Это—уступка, сдѣланная буржуазіей, чтобы получить помощь народа въ борьбѣ противъ королей и аристократіи или чтобы отвратить отъ народа мысль объ эмансипаціи, давая взамѣнъ того подобіе суверенитета.

Предвидѣла ли это буржуазія, когда уступала народу право голоса, или нѣтъ—неизвѣстно; извѣстно только, что оно хорошо только для укрѣпленія власти буржуазіи, давая самой энергичной части пролетаріата обманчивую надежду достичь власти.

Даже при всеобщей подачѣ голосовъ, мы могли бы сказать, въ особенности при всеобщей подачѣ голосовъ, правительство остается жандармомъ буржуазіи. Если бы это было иначе, если бы правительство угрожало сдѣлаться ей враждебнымъ, если бы демократія могла бы быть чѣмъ либо другимъ кромѣ какъ средствомъ обманывать народъ,—буржуазія, интересамъ которой оно угрожало, приготовилась бы къ бунту и употребила бы всю свою силу и все вліяніе, которыя даетъ ей владѣніе богатствами, что бы призвать правительство къ себѣ на службу для выполненія функцій простого жандарма.

И всегда, вездѣ, каково бы ни было названіе, которое принимаетъ правительство, каковы бы ни были его происхожденіе и организація, его существенная функція—постоянно угнетать и эксплоатировать массу, защищать угнетателей и монополистовъ; его главные, характерные и необходимые органы: жандармъ и взиматель налоговъ, солдатъ и тюремщикъ, къ которымъ неминуемо присоединяется торговецъ ложью — священникъ или профессоръ, получающій жалованье и покровительство со стороны

правительства за то, что бы порабощать умы и дѣлать ихъ покорными игу.

Извѣстно, что къ этимъ первоначальнымъ функціямъ, къ этимъ существеннымъ органамъ правительства, въ теченіе всей исторіи присоединялись и другія функціи, другіе органы. Правда, что ни въ одной даже мало цивилизованной странѣ никогда или почти никогда не существовало правительства, которое кромѣ функцій угнетенія и грабежа не присваивало бы себѣ также полезныхъ и необходимыхъ для соціальной жизни функцій. Но это ничуть не исключаетъ того факта, что правительство уже отъ природы угнетатель и грабитель, что оно вслѣдствіе своего происхожденія и положенія фатально влечется къ защитѣ и усиленію господствующаго класса; этотъ фактъ только подтверждаетъ то, что мы уже говорили.

Обычно, правительство принимаетъ на себя задачу защищать, болѣе или менѣе, жизнь гражданъ противъ прямыхъ и жестокихъ нападеній. Оно признаетъ и узаконяетъ извѣстное число правъ, первоначальныхъ обязанностей, обычаевъ, привычекъ, безъ которыхъ невозможно жить въ обществѣ. Оно организуетъ и управляетъ нѣкоторыми общественными учрежденіями, какъ то: почтами, дорогами, общественной гигіеной, водными путями, защитой лѣсовъ и т. п.; оно открываетъ пріюты для сиротъ и госпитали, такъ какъ ему пріятно показать себя (что вполнѣ понятно) защитникомъ и благодѣтелемъ бѣдныхъ и слабыхъ. Но достаточно разсмотрѣть, какъ и почему оно исполняетъ эти функціи, что-бы имѣть фактическое доказательство, что все, что правительство дѣлаетъ, постоянно внушено ему его стремленіемъ къ господству, что-бы защитить, увеличить, упрочить свои привилегіи, а также привилегіи того класса, представителемъ и защитникомъ котораго оно является.

Правительство не можетъ долго существовать, не скрывая своихъ стремленій подъ видомъ всеобщей пользы; оно не можетъ заставить уважать жизнь привиллегированныхъ, не показывая ясно, что желаетъ, что бы уважали всѣхъ; оно не можетъ заставить признать привиллегіи, не дѣлая вида, что стоитъ на стражѣ права всѣхъ. «Законъ», говоритъ Кропоткинъ, иначе тѣ, которые сдѣлали законъ или правители, «законъ утилизировалъ соціальныя чувства человѣка, чтобы провести вмѣстѣ съ правилами

морали, которыя человѣкъ принялъ, порядки полезные для меньшинства хищниковъ, противъ которыхъ онъ готовъ былъ бы возстать».

Правительство не можетъ желать, чтобы общество само защищалось, потому что тогда исчезъ бы для него и для господствующаго класса матеріалъ для эксплоатаціи. Правительство не можетъ позволить, чтобы общество само управлялось, потому что тогда народъ очень скоро замѣтилъ бы, что правительство ни къ чему не служитъ, развѣ только для защиты собственниковъ, которые его, т. е. народъ, изнуряютъ голодомъ, — и приготовился бы избавиться отъ правительствъ и собственниковъ.

Въ настоящее время, передъ настоятельными и угрожающими протестами пролетаріата, правительства выказываютъ стремленіе вмѣшаться въ отношенія между хозяевами и рабочими. Они пытались сбить съ пути рабочее движеніе, воспрепятствовать ему нѣсколькими обманчивыми реформами, чтобы бѣдные сами не взяли себѣ все то, въ чемъ они нуждаются, иначе сказать, часть жизненныхъ благъ, равную той, которой пользуются другіе. Сверхъ того, надо принять въ разсчетъ еще то, что, съ одной стороны, сами буржуа, иначе собственники, постоянно способны возбудить междоусобицы, погубить другъ друга, съ —другой,—правительство,—сынъ, рабъ и защитникъ буржуазіи, какъ и всякій холопъ, стремится къ эмансипаціи и, какъ защитникъ, стремится къ господству надъ находящимися подъ его покровительствомъ. Отсюда эти судороги, эти уступки, даваемыя и отнимаемыя, эти попытки консерваторовъ объединиться противъ народа, все, что для правителей является опытомъ, а для наивныхъ и вялыхъ — ожидающихъ блага всегда сверху —иллюзіей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство не мѣняетъ своей сущности, если оно поставило себя на стражу правъ и обязанностей каждаго; оно извратило чувство справедливости, признавая преступленіе и наказывая за всякій актъ, оскорбляющій или угрожающій привилегіямъ правителей и собственниковъ; оно объявляетъ справедливую, „легальную“, самую страшную эксплоатацію несчастныхъ, медленное и постоянное, нравственное и физическое убійство учиняемое владѣющими надъ не владѣющими.

Если оно дѣлаетъ себя администраторомъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, оно постоянно думаетъ объ интересахъ правителей

и собственниковъ, оно занимается интересами трудящихся массъ постольку, поскольку необходимо, чтобы массы были согласны имъ платить. Если правительство облекается въ тогу наставника, то препятствуетъ распространенію истины и старается подготовить умъ и сердце молодыхъ людей къ тому, чтобы они сдѣлались или неумолимыми тиранами или послушными рабами, сообразно съ классомъ, изъ котораго они вышли. Все въ рукахъ правительства является средствомъ для эксплоатаціи, все дѣлается полицейскимъ учрежденіемъ для удержанія народа въ оковахъ.

Должно быть такъ. Если жизнь человѣческая есть борьба между людьми, то естественны побѣдители и побѣжденные, и правленіе—которое является наградой въ борьбѣ или средствомъ упрочить за побѣдителями результаты побѣды и увѣковѣчить ихъ—конечно, никогда не будетъ въ рукахъ тѣхъ, которые погибли, все равно въ какой борьбѣ—физической, интеллектуальной или экономической. Тѣ, которые боролись, чтобы побѣдить, чтобы завоевать и упрочить за собой привиллегіи, начальство и власть, разъ побѣда одержана, конечно, не будутъ думать о томъ, чтобы защитить права побѣжденныхъ или чтобы положить предѣлъ желаніямъ своимъ, своихъ друзей и сторонниковъ.

Правительство или, какъ называютъ его, Государство—другъ правосудія, регуляторъ въ соціальной борьбѣ, безпристрастный администраторъ интересовъ общества—есть ложь, одна иллюзія, утопія, которая никогда не была и не будетъ реальной.

Если бы интересы людей должны были быть противоположны, если бы борьба между людьми была необходимый законъ человѣчества, если бы свобода однихъ должна была служить границей свободы другихъ,—тогда каждый стремился бы заставить торжествовать свои собственные интересы надъ интересами другихъ; каждый стремился бы увеличить свою свободу въ ущербъ свободѣ другихъ. Если должно было бы имѣть правительство не потому, что это было бы болѣе или менѣе полезно для всѣхъ членовъ общества, но потому, что побѣдители хотѣли бы упрочить плоды побѣды, вполнѣ покоряя побѣжденныхъ и освобождая себя отъ труда быть постоянно на стражѣ, поручая свою защиту людямъ спеціально пріученнымъ къ ремеслу жандарма,—тогда вѣдь человѣчеству пришлось бы погибнуть или биться между тиранніей побѣдителей и возмущеніемъ побѣжденныхъ.

Къ счастью, будущее человѣчества—болѣе свѣтло, потому что законъ, управляющій имъ, болѣе мягокъ.

Этотъ законъ—Солидарность.

Извѣстно, что человѣкъ имѣетъ два весьма глубокихъ инстинкта: „инстинктъ самосохраненія“, безъ котораго ни одно живое существо не можетъ существовать, и „инстинктъ сохраненія рода“, безъ котораго ни одинъ родъ не можетъ ни образоваться, ни продолжаться. Отсюда—человѣкъ невольно защищаетъ свое существованіе и благосостояніе, равно какъ и своего рода, противъ всего и всѣхъ.

Уже отъ природы живыя существа имѣютъ два способа упрочить и сдѣлать болѣе спокойнымъ свое существованіе: 1) индивидуальная борьба противъ стихій и другихъ индивидовъ своего или отличнаго рода. 2) взаимопомощь, кооперація, такъ сказать „ассоціація для борьбы“ противъ всѣхъ естественныхъ факторовъ, противодѣйствующихъ существованію, развитію и благосостоянію членовъ ассоціаціи.

Здѣсь, на этихъ нѣсколькихъ страницахъ, мы не будемъ останавливаться на исторіи развитія этихъ двухъ принциповъ въ эволюціи органической жизни: „борьбы„ и „кооперації“.

Для насъ достаточно констатировать въ исторіи человѣчества какъ то, что кооперація—насильственная или добровольная—сдѣлалась средствомъ прогресса, совершенствованія и безопасности, такъ и то, что борьба, остающаяся атавической, стала неспособна способствовать благосостоянію индивидовъ, но, напротивъ, принесла зло для всѣхъ, для побѣдителей и для побѣжденныхъ.

Опытъ многихъ поколѣній показалъ человѣку, что его безопасность болѣе вѣрна, его благосостояніе болѣе велико, если онъ соединяется съ другими людьми. И вотъ, вслѣдствіе этой самой борьбы за существованіе, веденной противъ окружающей природы, противъ индивидовъ своего рода, у людей развился соціальный инстинктъ, существенно измѣнившій условія его существованія. Силою этого инстинкта человѣкъ могъ выйти изъ животнаго состоянія, подняться на высшую степень могущества и столь возвыситься надъ другими животными, что спиритуалисты философы сочли необходимымъ изобрѣсти для него нематеріальную и безсмертную душу.

Много причинъ способствовало образованію этого соціальнаго инстинкта, который, исходя отъ животнаго инстинкта сохраненія рода,—что уже есть соціальный инстинктъ, ограниченный рамками естественной семьи,—установилъ теперь основаніе моральной природы человѣка.

Выйдя изъ состоянія дикости, человѣкъ былъ слабымъ и беззащитнымъ для индивидуальной борьбы съ плотоядными животными. Но имѣя мозгъ, способный развиваться, голосовой органъ, способный выражать различныя мозговыя ощущенія различными звуками, руки, способныя давать матеріалу желательную форму, онъ долженъ былъ очень скоро почувствовать необходимость и преимущества ассоціаціи; можно даже сказать, что онъ выдѣлился человѣчностью только, когда сдѣлался общественнымъ и что тогда же онъ пріобрѣлъ навыкъ къ рѣчи, что есть сразу и послѣдствіе и могущественный факторъ общественности.

Относительно ограниченное въ первобытную эпоху число людей, борьба человѣка съ человѣкомъ за существованіе менѣе острая, менѣе постоянная и менѣе необходимая,—все это сильно способствовало развитію чувствъ симпатіи и помогало констатировать и цѣнить пользу взаимной помощи.

Къ этому присоедините еще способность человѣка, пріобрѣтенную въ кооперації благодаря его природнымъ качествамъ измѣнять вмѣстѣ съ большимъ числомъ лицъ, участвующихъ въ ассоціаціи, окружающую среду и приспособлять ее къ своимъ потребностямъ; множество желаній, которыя росли вмѣстѣ со средствами ихъ удовлетворять и дѣлались необходимыми; раздѣленіе труда,—слѣдствіе методической эксплоатаціи природы въ пользу человѣка—все это дѣлало общественную жизнь для человѣка необходимой средой, внѣ которой онъ не можетъ жить, не впавъ въ животное состояніе.

И вотъ, благодаря утонченной чувствительности, вслѣдствіе разнообразія отношеній; благодаря привычкѣ, полученной въ роду по наслѣдственной передачѣ въ продолженіи тысячи лѣтъ,—эта потребность общественной жизни, обмѣна мыслями, чувствами между людьми сдѣлалась непремѣнной привычкой нашего организма. Она измѣняется въ симпатію, дружбу, любовь и существуетъ до того независимо отъ матеріальныхъ выгодъ ассоціаціи,

что для удовлетворенія ея люди переносятъ всѣ страданія и даже смерть.

Въ общемъ, огромныя выгоды, которыя ассоціація даетъ человѣку; физическая слабость (не пропорціональная его умственному превосходству), которая ставитъ его наравнѣ съ животными, если онъ остается внѣ общества; возможность для человѣка соединяться въ постоянно возрастающее число индивидовъ, входить въ самыя сложныя и близкія отношенія, вплоть до распространенія ассоціаціи на все человѣчество, на всю жизнь; и въ особенности, возможность для человѣка, работая въ сообществѣ съ другими, производитъ болѣе, чѣмъ необходимо для существованія; наконецъ, чувства симпатіи, которыя вытекаютъ изъ всего этого,—дали борьбѣ за существованіе среди людей совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ борьбѣ, существующей среди другихъ животныхъ.

Какъ бы тамъ ни было, но теперь извѣстно,—изслѣдованія современныхъ натуралистовъ каждый день приносятъ намъ новыя доказательства,—что кооперація имѣла и имѣетъ въ развитіи органическаго міра весьма большое значеніе, котораго не подозрѣвали тѣ, кто хотѣлъ оправдать—хорошо или худо — царство буржуазіи теоріями дарвинистовъ, ибо разстояніе между борьбой у людей и борьбой у животныхъ остается огромнымъ и пропорціональнымъ тому разстоянію, которое отдѣляетъ человѣка отъ другихъ животныхъ.

Другія животныя борятся или въ одиночку или маленькими, постоянными или временными группами, противъ всей природы, включая сюда и другихъ индивидовъ своего собственнаго рода. Даже самыя общественныя животныя, какъ муравьи, пчелы и т. п. —солидарны съ индивидами того же самаго муравейника или улья и индиферентны къ другимъ общинамъ ихъ рода (если не ведутъ борьбу съ ними). Человѣческая борьба, напротивъ, старается все болѣе расширить ассоціацію среди людей, сдѣлать солидарными ихъ интересы, распространить чувство любви каждаго человѣка на всѣхъ людей, побѣдить и господствовать надъ внѣшней природой съ человѣчествомъ и для человѣчества. Всякая же борьба, непосредственно направленная на завоеваніе преимуществъ, независимо отъ другихъ людей или даже противъ

нихъ, противорѣчитъ общественному инстинкту человѣка и пытается вернуть его къ животной жизни.

С о л и д а р н о с т ь, т. е. гармонія интересовъ и чувствъ, содѣйствіе каждаго благу всѣхъ и всѣхъ благу каждаго,—есть единственное состояніе, въ которомъ человѣкъ можетъ выразить свои природныя способности и достичь величайшаго развитія и наибольшаго благосостоянія. Это—цѣль, къ которой движется человѣчество, это—высшій принципъ, который разрѣшаетъ всѣ существующія противорѣчія, иначе неразрѣшимыя, и дѣлаетъ то, что свобода одного не имѣетъ предѣла, но дополненіе, необходимое для ея существованія, въ свободѣ другихъ.

„Ни одинъ человѣкъ, говорилъ Бакунинъ, не можетъ познать свою собственную человѣческую природу и, слѣдовательно, осуществить ея требованія не признавая ихъ также въ другихъ и не содѣйствуя ихъ осуществленію у другихъ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ себя эмансипировать, не эмансипируя вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ окружающихъ людей. Моя свобода есть свобода всѣхъ, потому что я только тогда могу быть дѣйствительно свободенъ, свободенъ не только въ мысляхъ, но и на дѣлѣ, когда моя свобода и мое право находятъ себѣ подкрѣпленіе, санкцію въ свободѣ и правѣ всѣхъ людей, мнѣ равныхъ.

„Положеніе другихъ людей для меня очень важно, потому что, какимъ бы независимымъ ни казалось мое общественное положеніе, будь я—папа, царь, императоръ или первый министръ,— я — всегда продуктъ того же, что и послѣдніе изъ людей; если они невѣжественны, несчастны, рабы — мое существованіе ограничено ихъ невѣжествомъ, ихъ нищетой, ихъ рабствомъ. Я, скажемъ, человѣкъ образованный и интеллигентный—и я глупъ вслѣдствіе ихъ глупости; я мужественъ—и я рабъ вслѣдствіе ихъ рабства; я богатъ—и я трепещу вслѣдствіе ихъ нищеты; я привиллегированный—и я блѣднѣю предъ ихъ правосудіемъ. Я, который хочу быть свободнымъ, не могу имъ быть, потому что вокругъ меня всѣ люди не хотятъ еще быть свободными и, нежелая этого, они становятся по отношенію ко мнѣ орудіями угнетенія.“

С о л и д а р н о с т ь является также условіемъ, при которомъ человѣкъ достигаетъ высшей степени безопасности и благоденствія, слѣдовательно, даже эгоизмъ (т. е. исключительная забота о своихъ личныхъ интересахъ) влечетъ человѣка и человѣческое

общество къ солидарности; или лучше сказать, эгоизмъ и альтруизмъ (забота объ интересахъ другихъ) сливаются въ одномъ чувствѣ подобно тому, какъ сливаются въ одномъ интересѣ интересы индивида и общества.

Но человѣкъ не могъ перейти черты отъ животности къ человѣчности, отъ жестокой борьбы человѣка противъ человѣка къ борьбѣ, связывающей всѣхъ людей, какъ братьевъ, противъ внѣшней природы.

Получая выгоды, которыя даетъ ассоціація съ раздѣленіемъ труда, человѣкъ двигался къ солидарности; но его эволюція встрѣтила препятствіе, которое измѣнило ея направленіе и которое заставляетъ ее, еще и нынѣ, сбиваться съ пути къ своей цѣли. Человѣкъ открылъ, что онъ могъ, до извѣстной степени, для своихъ первоначальныхъ матеріальныхъ, единственно которыя онъ тогда чувствовалъ, потребностей реализовать выгоды кооперації, подчиняя своей прихоти другихъ людей, вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ соучастниками; и такъ какъ дикіе, антисоціальные инстинкты, унаслѣдованные отъ предковъ, были еще сильны въ немъ, то онъ заставилъ самыхъ слабыхъ работать на себя, предпочитая господство ассоціаціи. Быть можетъ, эта эксплоатація, въ большинствѣ случаевъ, и была даже причиной того, что человѣкъ въ первый разъ понялъ пользу ассоціаціи, пользу, которую человѣкъ можетъ получать отъ помощи другого.

Знакомство съ пользой ассоціаціи, которое должно было привести къ торжеству солидарности во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ, — напротивъ, привело къ установленію частной собственности и правительства или эксплоатаціи труда всѣхъ горстью привиллегированныхъ.

Мы сказали—къ установленію частной собственности и правительства, т. е. опять таки къ ассоціаціи, кооперації, внѣ которой невозможна соціальная жизнь; но это была ассоціація, управляемая нѣсколькими въ ихъ частныхъ интересахъ.

Вотъ здѣсь и кроется то противорѣчіе, которое замѣтно во всей исторіи человѣчества, противорѣчіе между стремленіемъ къ ассоціаціи и братству для завоеванія и приспособленія внѣшняго міра къ потребностямъ человѣка и для удовлетворенія моральныхъ чувствъ и стремленіемъ раздѣлиться на столько отдѣльныхъ враждебныхъ группъ, сколько существуетъ группъ, опре-

дѣленныхъ географическими, этнографическими или экономическими условіями, сколько существуетъ людей, которые сумѣли завоевать привиллегіи и хотятъ удержать ихъ за собой и умножить, сколько существуетъ людей, которые еще надѣются захватить привиллегіи, сколько существуетъ, наконецъ, такихъ, которые, страдая отъ несправедливости и привиллегій, возстаютъ и хотятъ освободиться.

Принципъ—«каждый за себя» или, что тоже. борьба всѣхъ противъ всѣхъ,—возникъ, чтобы сбить съ пути, парализовать борьбу всѣхъ противъ природы, единственно способную дать счастье человѣчеству, потому что борьба, только основываясь на принципѣ «всѣ за одного и одинъ за всѣхъ», можетъ достичь своей цѣли.

Человѣчество перенесло безчисленныя бѣдствія вслѣдствіе вмѣшательства господства и эксплоатаціи въ человѣческую ассоціацію. Но, несмотря на жестокое угнетеніе массъ, несмотря на нищету, несмотря на пороки, преступленія, униженія, которыя нищета и рабство произвели среди рабовъ и хозяевъ, несмотря на накопившуюся ненависть, несмотря на истребительныя войны, несмотря на антагонизмъ искусственно созданныхъ интересовъ,—соціальный инстинктъ выжилъ и даже развился. Кооперація, будучи постоянно необходимымъ условіемъ успѣшной борьбы человѣка противъ внѣшней природы, остается причиной постояннаго единенія людей и развитія чувствъ симпатіи между ними. Само угнетеніе массъ сдѣлало угнетенныхъ братьями между собой. Только благодаря солидарности, распространившейся между угнетенными, послѣдніе могли переносить притѣсненія, только благодаря ей человѣчество сопротивлялось смерти, внѣдрившейся въ его существо.

Огромное развитіе производства, умноженіе такихъ потребностей, которыя могутъ быть удовлетворены только благодаря содѣйствію большого числа людей всѣхъ странъ, средства сообщенія, привычка къ путешествіямъ, наука, литература, торговля, даже войны соединяли, и всегда соединяютъ, человѣчество въ одно цѣлое, части котораго, солидарныя между собой, находятъ свою цѣлость и свободу развитія только въ нормальномъ существованіи другихъ частей и цѣлаго.

Житель Неаполя, напримѣръ, столь же заинтересованъ въ оздоровленіи плохой деревушки своей мѣстности, сколько въ улучшеніи гигіеническихъ условій народовъ береговъ Ганга, откуда къ нему приходитъ холера. Свобода, благосостояніе, будущность горца, затерявшагося въ Аппенинахъ, зависитъ не только отъ благосостоянія или нищеты жителей его деревушки или отъ общаго положенія итальянскаго народа, но также и отъ положенія рабочаго класса въ Америкѣ или Австраліи, отъ открытій шведскаго ученаго, отъ войны или мира гдѣ-нибудь въ Африкѣ, вообще, отъ всѣхъ обстоятельствъ, которыя, хотя бы въ одной какой либо точкѣ свѣта, вліяютъ на человѣческое существованіе.

При настоящемъ положеніи общества, эта широкая солидарность, объединяющая всѣхъ людей, по большей части,—безсознательна, потому что случайно возникаетъ изъ конфликтовъ частныхъ интересовъ, между тѣмъ какъ вообще люди мало заботятся объ общихъ интересахъ. Вотъ это—самое очевидное доказательство того, что солидарность—естественный законъ человѣчества, который существуетъ и дѣйствуетъ, несмотря на всѣ преграды, созданныя современными соціальными учрежденіями.

Съ другой стороны, угнетенныя массы, которыя никогда не были вполнѣ покорны угнетенію и нищетѣ и которыя теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, выказываютъ жажду справедливости, свободы и счастья, начинаютъ понимать, что онѣ могутъ добиться эмансипаціи только при единеніи, солидарности со всѣми угнетенными, со всѣми эксплоатируемыми цѣлаго міра. Они поняли наконецъ, что условіе «sine qua non» ихъ эмансипаціи есть владѣніе средствами производства, землей и орудіями труда, т. е. уничтоженіе частной собственности. Наука, наблюденіе за общественнымъ развитіемъ показываютъ, что это уничтоженіе принесло бы огромную пользу для самихъ же привиллегированныхъ, если бы только они захотѣли отказаться отъ господства и работать вмѣстѣ со всѣми для общаго блага.

Развѣ необходимо было бы существованіе правительства, если бы однажды угнетенныя массы отказались работать на другихъ, если бы онѣ взяли у собственниковъ землю и орудія производства и пожелали употребить ихъ для себя, въ свою пользу, т. е. для всѣхъ; если бы онѣ отказались переносить господство грубой силы и экономическихъ привиллегій; если бы братство

народовъ, чувство человѣческой солидарности, укрѣпленное общностью интересовъ, положили конецъ войнамъ и завоеваніямъ?

Когда частная собственность уничтожена, правительство, ея защитникъ, должно исчезнуть. Если бы оно пережило этотъ переворотъ, то всегда пыталось бы возстановить, въ какой бы то ни было формѣ, классъ привиллегированныхъ, угнетателей.

Уничтоженіе правительства не означаетъ и не можетъ означать уничтоженія соціальной связи. Скорѣе напротивъ, кооперація, направленная теперь непосредственно къ выгодѣ нѣсколькихъ, будетъ свободна, добровольна, выгодна для всѣхъ, и сдѣлается болѣе интенсивной и сильной.

Соціальный инстинктъ, чувство солидарности, разовьется въ самой высокой степени; каждый человѣкъ будетъ дѣлать все, что можетъ, для блага другихъ людей, чтобы удовлетворить своимъ лучшимъ чувствамъ, а также изъ вѣрно понятаго интереса.

И вотъ, изъ свободнаго содѣйствія всѣхъ, благодаря свободной группировкѣ людей сообразно ихъ потребностямъ и симпатіямъ, снизу до верху, отъ простого до сложнаго, исходя изъ самыхъ частныхъ интересовъ, чтобы прійти къ общимъ,—возникнетъ такая соціальная организація, которая поставитъ цѣлью величайшее благо и свободу всѣхъ, которая соединитъ все человѣчество въ одну братскую общину, которая будетъ измѣняться, улучшаться съ измѣненіемъ обстоятельствъ и по указанію опыта.

Это общество свободныхъ людей, это общество друзей— Анархія.

Въ предыдущемъ мы разсмотрѣли правительство такимъ, какъ оно есть, какимъ оно необходимо должно быть въ обществѣ, основанномъ на привиллегіи, на эксплоатаціи и угнетеніи человѣка человѣкомъ, на антагонизмѣ интересовъ, на борьбѣ, однимъ словомъ, на частной собственности.

Мы видѣли, что это состояніе, далеко не необходимое условіе человѣческой жизни, противорѣчитъ интересамъ индивида и человѣческаго рода; мы видѣли, что кооперація, солидарность, есть законъ человѣческаго прогресса, и изъ этого заключили, что съ уничтоженіемъ частной собственности и всякаго господства человѣка надъ человѣкомъ правительство теряетъ всякое „raison d'être“ и должно исчезнуть.

„Но, могутъ намъ возразить, измѣните принципъ, на которомъ основана въ настоящее время общественная организація, замѣните борьбу—солидарностью, частную собственность—общею, вы измѣните только характеръ правительства, которое будетъ уже не покровителемъ и представителемъ интересовъ одного класса, — ибо классы не существовали бы болѣе,—а представителемъ интересовъ всего общества. Оно имѣло бы своимъ назначеніемъ упрочить новое положеніе вещей и управлять, имѣя въ виду интересы всѣхъ, соціальной кооперацією, исполнять главныя общественныя обязанности, защищать общество отъ возможныхъ попытокъ возстановленія привиллегій, предупреждать и подавлять покушенія нѣсколькихъ на жизнь, благосостояніе и свободу каждаго".

Есть, де, въ обществѣ такія функціи, которыя требуютъ такой твердости и постоянства, что не могутъ быть оставлены на добрую волю индивидовъ безъ риска видѣть ихъ приведенными въ безпорядокъ.

Кто организуетъ, кто обезпечитъ, безъ правительства, организаціи: продовольственную, распредѣленія, гигіены, почтъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д.? Кто будетъ заботиться о всеобщемъ обученіи? Кто предприметъ тѣ великіе труды по изслѣдованію, по оздоровленію, тѣ научныя предпріятія, которыя измѣняютъ видъ земли и увеличиваютъ силы человѣка?

Кто будетъ неусыпно слѣдить за сохраненіемъ и умноженіемъ общественнаго капитала, чтобы передать его будущему человѣчеству?

Кто будетъ препятствовать истребленію лѣсовъ, нераціональной эксплоатаціи, а слѣдовательно, и истощенію почвы?

Кому будетъ поручено предупреждать пороки, т. е. антисоціальные акты?

А тѣ, которые, оставляя безъ вниманія законъ общественной солидарности, не пожелали бы работать? А тѣ, которые стали бы распространять въ странѣ заразу, отказываясь подчиняться правиламъ гигіены, признаннымъ наукой полезными?

А если бы были лица, безумцы или нѣтъ, которыя пожелали бы поднять возстаніе, насиловать дѣтей и употребить противъ самыхъ слабыхъ физическую силу?

Уничтожить частную собственность и существующія прави-

тельства, не возстановляя правительства, которое организуетъ коллективную жизнь и упрочитъ общественную солидарность, — не значитъ уничтожить привиллегіи и принести человѣчеству миръ и благополучіе: это будетъ уничтоженіемъ всякой соціальной связи, возвращеніе человѣчества къ варварвству, къ жизни для себя, что означаетъ сначала торжество грубой силы, а потомъ и экономическихъ привиллегій.

Вотъ возраженія, которыя намъ ставятъ авторитеты, даже и изъ соціалистовъ, т. е. тѣ, которые желаютъ уничтоженія частной собственности и правительства класса собственниковъ.

Отвѣтимъ:

Прежде всего неправда, что при измѣненіи соціальныхъ условій правительство измѣняется въ свойствахъ и въ функціяхъ. Органы и функціи — термины нераздѣлимые. Лишите органъ его функцій: или органъ умретъ или функціи возстановятся; поставьте армію въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни основанія, ни боязни внутренней или внѣшней войны: она провозгласитъ войну или, если это не удастся, разойдется. Тамъ, гдѣ нѣтъ преступленій, гдѣ нѣтъ преступниковъ, — полиція изобрѣтетъ ихъ или перестанетъ существовать.

Во Франціи существуетъ уже столѣтія одно учрежденіе, присоединенное нынѣ къ управленію лѣсами, такъ называемое, „Louveterie“, чиновники котораго обязаны руководить уничтоженіемъ волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей. И никто не удивится тому, что вслѣдствіе существованія этого учрежденія волки еще существуютъ во Франціи и зимой находятъ много жертвъ. Народъ мало занимается волками, потому что вѣдь есть „louvetiers“, которые должны этимъ заниматься. Послѣдніе устраиваютъ прекрасныя охоты, но устраиваютъ искусно, щадя гнѣзда и оставляя время для размноженія волковъ, чѣмъ устраняютъ рискъ уничтоженія столь интересной породы. Дѣйствительно, французскіе крестьяне мало питаютъ довѣрія къ этимъ истребителямъ волковъ, считая ихъ скорѣе хранителями. Да и понятно: что осталось бы дѣлать чиновникамъ, если бъ волки исчезли?

Правительство, т. е. опредѣленное число лицъ, которымъ поручено составлять законы, которые пользуются силою всѣхъ, чтобы принудить каждаго исполнять ихъ, устанавливаетъ

привиллегированный и отдѣльный отъ народа классъ. Оно инстинктивно старается, какъ и всякое тѣло (общество), устроенное для умноженія своихъ аттрибутовъ, избѣжать контроля народа, внушить свои желанія, заставить господствовать свои частные интересы. Поставленное въ привиллегированное положеніе, правительство находится въ антагонизмѣ съ массой, силой которой оно ежедневно пользуется.

Впрочемъ, если бы правительство даже и желало, оно не могло бы удовлетворить всѣхъ; если оно сумѣло бы удовлетворить нѣсколькихъ, оно должно было бы защищаться противъ недовольныхъ и для того покровительствовать одной части народа, чтобы быть ею поддержаннымъ. Итакъ, снова началась бы старая исторія привиллегированнаго класса, который образуется при соучастіи правительства и который, если на этотъ разъ не дѣлается собственникомъ земли, конечно, присваиваетъ мѣста, созданныя для этого случая и бываетъ не менѣе угнетателемъ, не менѣе хищникомъ, чѣмъ классъ капиталистовъ.

Правители, привыкнувъ къ власти, не пожелали бы возвратиться въ толпу; если бы они не могли сохранить власть, они, по крайней мѣрѣ, укрѣпили бы за собой привиллегированное положеніе для того момента, когда имъ пришлось бы уступить эту власть другимъ. Они употребили бы всѣ средства, которыя даетъ власть, чтобы заставить преемниками себѣ избрать своихъ друзей, которые, въ свою очередь, ихъ поддерживали бы и протежировали имъ. Правленіе все оставалось бы въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, и «демократія», т. е. «протяженное» правленіе всѣхъ, окончилось бы, какъ и всегда, «олигархіей», т. е. правленіемъ нѣсколькихъ, правленіемъ одного класса.

И какъ была бы всемогуща и репрессивна олигархія, которая имѣла бы по своей должности, т. е. въ своемъ распоряженіи весь общественный капиталъ, всѣ общественныя службы, начиная отъ продовольствія до фабрикаціи спичекъ, съ университетовъ до театровъ, оперетокъ!!!

Но допустимъ, что правительство само по себѣ не устанавливаетъ привиллегированнаго класса и что оно могло бы, не образуя около себя новаго класса привиллегированныхъ, оставаться представителемъ, если хотите рабомъ, всего общества. Что случилось бы тогда! Чѣмъ и какъ оно умножило бы силу, знаніе,

духъ солидарности, заботу о благѣ всѣхъ и будущаго человѣчества, которыя къ тому времени уже существовали бы въ обществѣ?

Все это—таже старая исторія человѣка въ цѣпяхъ, который существуетъ несмотря на цѣпи, считаетъ ихъ необходимымъ условіемъ жизни.

Мы привыкли жить подъ властью правительства, которое приспособило всѣ тѣ силы, знанія и стремленія, которыя можно направлять къ извѣстнымъ цѣлямъ, и ставитъ препятствія, парализуетъ, стѣсняетъ тѣ, которыя для него безполезны или враждебны—и мы воображаемъ, что все въ обществѣ—работа правительства, что безъ правительства не существовало бы въ обществѣ ни силы, ни знанія, ни благихъ стремленій. Такъ, (мы уже говорили это) собственникъ, который завладѣлъ землей, заставляетъ ее обрабатывать для своей личной пользы, оставляя работнику только самое необходимое, чтобы онъ могъ и хотѣлъ продолжать работать, и работникъ, какъ рабъ, думаетъ, что онъ не могъ бы жить безъ хозяина, какъ будто тотъ создалъ землю и силы природы.

Что можетъ правительство прибавить къ моральнымъ и матеріальнымъ силамъ общества? Не будетъ ли оно творить нѣчто изъ ничего? Но такъ какъ ничто не создавалось въ такъ называемомъ матеріальномъ мірѣ, то тѣмъ болѣе ничто не создается въ соціальномъ мірѣ—въ этой болѣе усложненной формѣ матеріальнаго міра. Вотъ почему правительство можетъ располагать только силами, существующими въ самомъ обществѣ, исключивъ изъ нихъ весьма многія силы, которыя имъ парализуются и уничтожаются, исключивъ также противодѣйствующія ему силы, и силы потерянныя въ треніяхъ, весьма частыхъ въ столь сложномъ механизмѣ.

И если правительства все-таки иногда что-нибудь даютъ, то это—какъ люди, а не какъ правители. Изъ всѣхъ матеріальныхъ и моральныхъ силъ, которыя остаются въ распоряженіи правительства, только незначительная часть ихъ употребляется дѣйствительно полезнымъ образомъ для общества. Остальное—тратится или для обузданія мятежныхъ силъ или для пользы нѣсколькихъ во вредъ большинству.

Давно уже сталъ спорнымъ вопросъ о томъ, какое значеніе въ жизни и прогрессѣ человѣческихъ обществъ имѣютъ личная

иниціатива и соціальный актъ; и, въ концѣ-концовъ, съ обычнымъ искусствомъ метафизиковъ, вопросъ этотъ запутанъ еще болѣе, причемъ считается наивнымъ, въ интересахъ лѣни и насилія, утвержденіе, что все управляется и движется въ обществѣ благодаря личной иниціативѣ. Въ дѣйствительности—это истина, которая становится вполнѣ очевидной, если уяснить и усвоить себѣ слѣдующее понятіе: «Истинное (реальное) бытіе, — человѣкъ. индивидъ»; общество или собраніе и государство или правительство, которое будто бы ихъ представляетъ, если не пустое абстрактное понятіе, то аггрегатъ индивидовъ. Въ организмѣ каждаго человѣка зарождаются всѣ мысли и человѣческіе поступки, которые изъ индивидуальныхъ дѣлаются коллективными, какъ скоро они суть или дѣлаются общими большинству индивидовъ. Итакъ, соціальное дѣйствіе есть не отрицаніе или дополненіе къ личной иниціативѣ, но результатъ мыслей, дѣйствій всѣхъ индивидовъ, которые составляютъ общество; результатъ, который—болѣе или менѣе великъ, сообразно съ силами или сходящимися для достиженія одной и той-же цѣли, или-же расходящимися и противодѣйствующими. Въ случаѣ-же, если сквозь соціальный актъ виденъ правительственный, то это—также результатъ индивидуальныхъ силъ, нѣкоторой части правительства или тѣхъ лицъ, которые вслѣдствіе своего положенія могутъ вліять на дѣйствія правительства.

. . . . . .

Отсюда, вѣковой споръ между «свободой» и «авторитетомъ» или, другими словами, между «соціализмомъ» и «классовымъ государствомъ» не есть вопросъ объ увеличеніи индивидуальной иниціативы для подавленія общественнаго вмѣшательства или наоборотъ. Вопросъ идетъ о томъ, чтобы помѣшать нѣсколькимъ индивидамъ быть въ состояніи угнетать другихъ; дать всѣмъ одни и тѣ же права и средства: установить иниціативу всѣхъ, что естественно даетъ всѣмъ выгоду, вмѣсто иниціативы нѣсколькихъ, что, неизбѣжно, ведетъ къ притѣсненію всѣхъ нѣсколькими. Вообще, всегда дѣло идетъ о томъ, чтобы уничтожить господство и эксплоатацію человѣка надъ человѣкомъ такимъ образомъ, чтобы всѣ были заинтересованы въ общемъ благосостояніи и чтобы индивидуальныя силы, вмѣсто того, чтобы быть угнетенными или бороться и уничтожать одна другую,

нашли бы возможность полнаго развитія и соединились бы между собой для самой великой выгоды—выгоды всѣхъ.

Выводъ изъ всего того, что мы сказали, это — правительство, даже если оно будетъ идеальнымъ правительствомъ соціалистовъ—авторитаристовъ, вовсе не увеличивало бы производительныя, организаторскія и попечительныя силы, но безмѣрно ихъ уменьшило бы, присваивая иниціативу нѣсколькимъ и давая этимъ нѣсколькимъ право все дѣлать, будучи не въ состояніи, конечно, имъ дать даръ—все знать.

И дѣйствительно, если вы отнимите изъ законодательства и всѣхъ трудовъ правительства все, что создано для защиты привиллегій и что представляетъ волю самихъ-же привиллегированныхъ, то, что останется, что не было бы результатомъ дѣятельности всѣхъ?

"Государство, говорилъ Сисмонди, это—всегда консервативная власть, которая санкціонируетъ, регулируетъ, организуетъ завоеванія прогресса (а исторія прибавляетъ, что оно управляетъ ими въ пользу привиллегированнаго класса); но оно никогда не создаетъ ихъ. Всегда идутъ они снизу. Они родятся въ глубинѣ общества, изъ индивидуальной мысли, которая затѣмъ популяризуется, становится мнѣніемъ большинства, но должна постоянно встрѣчаться на своемъ пути и бороться съ властью, учредившей традиціи, привычки, привиллегіи и страхъ.

Впрочемъ, чтобы понять, какъ общество можетъ жить безъ правительства, достаточно взглянуть нѣсколько вглубь нынѣшняго общества; мы увидимъ, какъ въ дѣйствительности самая великая, самая общественная часть соціальной жизни выполняется, и нынѣ, безъ вмѣшательства правительства и, какъ правительство вмѣшивается только для того, чтобы эксплоатировать массы, защищать привиллегіи и санкціонировать, безъ пользы, все то, что совершается безъ него и даже вопреки и противъ него. Люди трудятся, вступаютъ въ мѣновую связь, обучаются, путешествуютъ, слѣдуютъ по своему желанію правиламъ морали и гигіены, пользуются прогрессомъ науки и искусства, находятся между собой въ разнообразнѣйшихъ отношеніяхъ, безъ которыхъ они чувствовали бы потребность чего то, что налагало бы извѣстныя правила поведенія. По справедливости, это вещи, въ которыя правительство не вмѣшивается, которыя прекрасно идутъ, которыя меньше

всего вызываютъ раздоровъ и которыя согласуются съ желаніями всѣхъ такъ, что всѣ находятъ въ томъ пользу и удовольствіе.

Теперь уже нѣтъ необходимости въ правительствѣ для большихъ предпріятій, для такихъ общественныхъ организацій, которыя требуютъ регулярнаго содѣйствія многихъ лицъ, странъ и различныхъ условій. Тысячи подобныхъ предпріятій—теперь трудъ частныхъ ассоціацій, свободно устроенныхъ; по всеобщему мнѣнію, они то болѣе всего и преуспѣваютъ. Мы не говоримъ объ ассоціаціяхъ капиталистовъ, организованныхъ для цѣлей эксплоатаціи, хотя, впрочемъ, они и показываютъ возможность и могущество свободной ассоціаціи и то, какъ эта послѣдняя распространяется, охватывая людей всѣхъ странъ и огромные, крайне разнообразные интересы. Мы говоримъ, скорѣе, объ ассоціаціяхъ, которыя или воодушевленныя любовью къ себѣ подобнымъ, или благодаря влеченію къ наукѣ, или просто изъ желанія позабавиться и заставить себѣ апплодировать, представляютъ такія группы, которыя будутъ въ обществѣ, въ которомъ, по уничтоженіи частной собственности и борьбы между людьми, каждый найдетъ свои интересы въ интересахъ всѣхъ и наибольшее самоудовлетвореніе въ томъ, чтобы дѣлать добро и угождать другимъ.

Научныя общества, конгрессы, международныя общества подачи первой помощи потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, ассоціація Краснаго Креста, географическія общества, организаціи рабочихъ, отряды добровольцевъ, которые стекаются на помощь во всѣхъ величайшихъ общественныхъ несчастіяхъ—вотъ примѣры, а ихъ тысячи, этого могущественнаго чувства ассоціаціи, которое проявляется всегда, когда есть нужда въ этомъ или когда чувствуется истинное влеченіе и нѣтъ недостатка въ средствахъ. А то что добровольныя ассоціаціи не покрыли весь міръ, не обнимаютъ всѣхъ отраслей матеріальной и моральной дѣятельности, — такъ это слѣдствіе препятствій, воздвигнутыхъ правителями, слѣдствіе противорѣчій, созданныхъ частной собственностью слѣдствіе безсилія, униженія большинства, доведеннаго до этого присвоеніемъ богатствъ нѣсколькими лицами. Правительство беретъ на себя, напр., организацію почтъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Но чѣмъ, на самомъ дѣлѣ, оно помогаетъ этимъ организаціямъ? Когда народъ чувствуетъ потребность въ этихъ учрежденіяхъ и можетъ ихъ

имѣть,—тогда онъ рѣшаетъ ихъ организовать, и техники не имѣютъ нужды въ правительственномъ патентѣ, чтобы приняться за дѣло. Чѣмъ болѣе потребность является общей, насущной, тѣмъ болѣе находится желающихъ ее исполнить. Если бы народъ имѣлъ возможность заботиться о производствѣ и распредѣленіи продуктовъ производства, то нечего было бы бояться что онъ умеръ бы съ голоду въ ожиданіи правительственныхъ законовъ по этому вопросу. Если бы правительству надлежало себя возстановить, то оно должно было бы ждать, пока народъ все сперва не организовалъ бы, чтобы затѣмъ санкціонировать законами и эксплоатировать то, что уже сдѣлано. Указываютъ, что частный интересъ—великій факторъ всякой дѣятельности. Пусть такъ. Но когда интересы всѣхъ—интересы каждаго,—а это необходимо было бы, если бы не существовало частной собственности,—то всѣ трудятся: и веши, въ которыхъ всѣ заинтересованы, выдѣлывались бы въ гораздо большемъ количествѣ и лучше, чѣмъ тѣ, въ которыхъ заинтересованы только нѣкоторые, Трудно представить людей, которые убѣждены, что работа и регулярная дѣятельность общественныхъ организацій, неизбѣжныхъ въ соціальной жизни, лучше идутъ, если совершаются чиновниками правительства, а не прямо работниками, которые, по выбору или по соглашенію съ другими, избрали этотъ родъ труда и исполняютъ его подъ непосредственнымъ контролемъ всѣхъ заинтересованныхъ.

Справедливо, что во всякомъ коллективномъ трудѣ необходимо раздѣленіе труда, руководительство въ техникѣ, администрація и т. п. Но авторитеты злоупотребляютъ словами, чтобы оправдать существованіе правительства дѣйствительной необходимостью организаціи труда.

Правительство, я повторяю еще разъ,—это собраніе индивидовъ, которые получили или захватили право и средства составлять законы и принуждать людей повиноваться; администрація, инженеръ и т. п.—это, напротивъ, люди, которые получаютъ или берутъ на себя обязанность исполнять работу и исполняютъ ее.

„Правительство“ означаетъ полномочіе власти или сложеніе иниціативы и суверенитета всѣхъ въ руки нѣсколькихъ. „Администрація“ означаетъ полномочіе труда, или обязанность, возложенную и принятую, свободную перемѣну службы, основанной на свободномъ договорѣ. Правитель—это привиллегированный, по-

тому что имѣетъ право командовать другими и заставлять силы другихъ людей служить для господства своихъ идей и своихъ личныхъ желаній. Администраторъ, директоръ фабрики и т. п.— работники, какъ и другіе, когда дѣло идетъ (а это понятно) объ обществѣ, гдѣ всѣ имѣютъ равныя средства для своего развитія, гдѣ всѣ могутъ быть одновременно работниками и умственнаго и ручного труда, гдѣ всѣ работы, всѣ функціи даютъ равное право наслаждаться соціальными выгодами. Нельзя смѣшивать функцій правительства съ функціями администраціи, существенно различныхъ, такъ какъ, если теперь они и находятся слитыми, то по причинѣ экономическихъ и политическихъ привиллегій.

Однако, поскорѣй перейдемъ къ функціямъ правительства, функціямъ, которыя всѣми не—анархистами разсматриваются, какъ дѣйствительно необходимыя: внѣшняя и внутренняя охрана общества, т. е. «война», «полиція», «правосудіе».

Если правительства будутъ уничтожены, соціальныя богатства отданы въ распоряженіе всѣхъ, то всѣ противорѣчія между различными народами весьма скоро исчезнутъ, и война не будетъ имѣть своего «raison d'être. Прибавимъ еще, что при нынѣшнемъ состояніи общества, революція, вспыхнувшая въ одной странѣ, если не найдетъ непосредственнаго эха повсюду, то, конечно, встрѣтитъ столько сочувствія, что ни одно правительство не осмѣлится послать войска за границу безъ риска вспышки революціи въ своей собственной странѣ. Допустимъ, что правительства тѣхъ странъ, въ которыхъ народъ еще не завоевалъ полнаго равенства, хотѣли бы и могли бы попытаться вновь обратить въ рабство другой, свободный народъ? Развѣ этотъ послѣдній нуждался бы въ правительствѣ для своей защиты? Чтобы начать войну, нужны люди, имѣющіе необходимыя географическія и техническія свѣдѣнія и въ особенности массы, желающія сражаться. Правительство не можетъ увеличить ни способности однихъ, ни желанья и мужества другихъ. Историческій опытъ намъ показываетъ, какъ народъ, дѣйствительно желающій защищать свою страну, непобѣдимъ: въ Италіи, всѣ хорошо это знаютъ, передъ отрядами волонтеровъ (анархической формаціи) рушатся троны и уничтожаются регулярныя арміи, составленныя по принужденію или за плату.

«Полиція»? «Судъ»? Многіе представляютъ, что, если бы не

было жандармовъ, полицейскихъ и судей, каждый сталъ бы свободно убивать, насиловать и грубо обращаться съ ближними; что анархисты, во имя своихъ принциповъ, желаютъ, чтобы почиталась та странная свобода, которая насилуетъ и уничтожаетъ свободу и жизнь другихъ. Они почти убѣждены, что послѣ уничтоженія правительства и частной собственности мы стали бы спокойно возстановлять и то и другое изъ уваженія къ свободѣ тѣхъ, которые почувствовали бы потребность быть правителями и собственниками. Дѣйствительно, странный способъ понимать наши идеи!.. Правда, такимъ образомъ легче всего однимъ пожиманіемъ плечъ отклонить отъ себя трудъ опроверженія.

Свобода, которой мы хотимъ для себя и для другихъ, не есть свобода абсолютная, абстрактная, метафизическая, которая на дѣлѣ роковымъ образомъ влечетъ къ угнетенію слабыхъ; нѣтъ, это — дѣйствительная свобода, свобода возможная, которая представляетъ сознательную общность интересовъ, добровольную солидарность. Мы провозглашаемъ положеніе: „поступай такъ, какъ хочешь“ и въ немъ мы, такъ сказать, резюмируемъ нашу программу, потому что, — это легко понять, — мы убѣждены, что въ обществѣ, основанномъ на гармоніи интересовъ, въ обществѣ безъ правительства и собственности „каждый будетъ хотѣть того, что онъ долженъ (хотѣть).“

Но если кто-нибудь, благодаря воспитанію, полученному современнымъ обществомъ, или вслѣдствіе физіологическихъ или какихъ другихъ причинъ сталъ бы причинять вредъ намъ и другимъ, то мы употребили бы, да будетъ извѣстно, всѣ средства, допустимыя съ нашей точки зрѣнія, что бы помѣшать этому. Конечно, такъ какъ мы знаемъ, что человѣкъ есть продуктъ собственнаго организма и космической и общественной среды, въ которой онъ живетъ; такъ какъ мы не смѣшиваемъ священнаго права защиты съ мнимымъ и нелѣпымъ правомъ наказанія, такъ какъ въ преступникѣ, т.-е. въ томъ, кто учиняетъ антисоціальные акты, мы не видимъ раба мятежнаго, какимъ его дѣлаетъ судья нашихъ дней, но больного брата, нуждающагося въ заботахъ,—мы не вложимъ ненависти въ подавленіе, мы заставимъ себя не идти далѣе необходимой защиты, мы не будемъ мстить за себя, но лѣчить и исправлять несчастныхъ, употребляя всѣ средства, которыя намъ укажетъ наука.

Во всякомъ случаѣ, и какъ бы тамъ ни понимали это сами анархисты, которые, какъ и всѣ теоретики, могутъ потерять изъ виду дѣйствительность, гоняясь за кажущейся логичностью, — извѣстно, что народъ никогда не позволитъ безнаказанно посягать на свою свободу и благосостояніе и, если явится необходимость, онъ приметъ мѣры для защиты противъ антисоціальныхъ стремленій нѣсколькихъ. Но развѣ есть для этого нужда въ тѣхъ людяхъ, ремесло которыхъ фабрикація законовъ? Или въ тѣхъ, которые отыскиваютъ и выдумываютъ нарушителей законовъ? Когда народъ дѣйствительно отвергаетъ что-нибудь, находя вреднымъ, онъ всегда сумѣетъ этому воспрепятствовать и притомъ лучше, чѣмъ всѣ законосоставители, жандармы и судьи по ремеслу. Когда бы народъ пожелалъ, въ пользу или вовредъ остальнымъ, заставить уважать частную собственность, онъ заставилъ бы уважать ее, какъ не могла бы сдѣлать цѣлая армія жандармовъ.

Обычаи всегда слѣдуютъ за потребностями и чувствами большинства; и тѣмъ болѣе они уважаются, чѣмъ менѣе они санкціонированы законами; ибо всѣ въ нихъ видятъ, понимаютъ пользу, и заинтересованные, не дѣлая иллюзій относительно протекціи правительства, для себя же самихъ желаютъ, чтобы эти обычаи уважались. Для каравана, путешествующаго въ пустыняхъ Африки, лучшая экономія воды—вопросъ жизни и смерти, и вода при такихъ обстоятельствахъ дѣлается священной: никто не позволитъ себѣ злоупотребить ею. Конспираторы нуждаются въ секретѣ: тайна охраняется, и позоръ поражаетъ того, кто ее нарушаетъ. Игорные дома не гарантируемы закономъ, и среди игроковъ тотъ, кто не платитъ, считается самъ себя обезчещенымъ.

Быть можетъ, только благодаря жандармамъ не происходитъ убійствъ больше, чѣмъ могло бы быть? Но, большинство общинъ Италіи видитъ полицію лишь издалека; и милліоны людей идутъ черезъ горы и долы, далеко отъ охранительныхъ глазъ власти, такъ что на нихъ можно было бы напасть безъ малѣйшаго риска кары; а между тѣмъ, они въ неменьшей безопасности, чѣмъ въ самыхъ оберегаемыхъ центрахъ. Статистика показываетъ, что число приступниковъ очень мало зависитъ отъ дѣйствія репрессивныхъ мѣръ и очень быстро измѣняется съ измѣненіемъ экономическихъ условій и состоянія общественнаго мнѣнія.

Впрочемъ, репрессивные законы имѣютъ въ виду только экстраординарные, исключительные факты. Повседневная жизнь протекаетъ внѣ силы кодекса и, почти безсознательно, управляется молчаливымъ и добровольнымъ согласіемъ всѣхъ, множествомъ обычаевъ и привычекъ, болѣе важныхъ для общественной жизни, чѣмъ статьи уголовнаго закона, и болѣе почитаемыхъ, хотя и лишены всякой санкціи, кромѣ естественной санкціи презрѣнія по отношенію къ нарушителямъ и зла, проистекающаго изъ этого презрѣнія.

Когда наступаютъ распри между людьми, развѣ добровольно избранный посредникъ или общественное мнѣніе не были бы болѣе способны дать разумное рѣшеніе тѣмъ, которые нуждаются въ этомъ, чѣмъ неотвѣтственное судейское сословіе, которое имѣетъ право судить все и всѣхъ, которое по необходимости некомпетентно и поэтому несправедливо?

Такъ же, какъ правительство служитъ преимущественно для покровительства привиллегированнымъ классамъ, и полиція и судейское сословіе служатъ только для подавленія тѣхъ преступленій, которыя народомъ не разсматриваются какъ таковыя и которыя вредятъ только привиллегіямъ правителей и собственниковъ. Для истинно общественной защиты, для защиты блага и свободы всѣхъ нѣтъ ничего болѣе вреднаго, какъ этого рода классы, существующіе подъ видомъ «защиты всѣхъ», привыкшіе смотрѣть на каждаго, какъ на дичь, пригодную для клѣтки, и поражающія ее, не зная зачѣмъ, по приказанію начальства, какъ безсовѣстные и наемные убійцы.

Хорошо, пусть такъ! скажутъ: анархизмъ, быть можетъ, — совершенная форма общественной жизни, но мы не хотимъ дѣлать скачка въ потемки. Разъясните намъ, «en dètail», какъ будетъ организовано ваше общество. И вотъ, идетъ цѣлый рядъ вопросовъ, очень интересныхъ, если дѣло идетъ объ изученіи проблемъ, рѣшенія которыхъ будутъ возможны въ будущемъ обществѣ, и совершенно безполезныхъ, нелѣпыхъ или смѣшныхъ, когда предполагаютъ на нихъ получить отъ насъ окончательное рѣшеніе.

По какимъ методамъ будетъ производиться образованіе дѣтей? Какъ будутъ организованы производство и распредѣленіе? Будутъ ли еще большіе города или населеніе распредѣлится равнымъ образомъ по всей поверхности земли?

Что, если всѣ жители Сибири пожелаютъ провести зиму въ Ниццѣ? Если всѣ пожелаютъ ѣсть куропатокъ и пить лучшія вина? Кто будетъ рудокопомъ, кто морякомъ? Кто будетъ очищать отхожія ямы? Гдѣ будутъ находиться больные, дома или въ больницѣ? Кто установитъ росписаніе часовъ прихода и отхода поѣздовъ? Какъ будутъ поступать, если въ пути машиниста заберутъ колики? И такъ далѣе, какъ будто мы должны обладать знаніемъ и опытомъ будущаго и будто мы, отъ имени анархизма, обязаны предписать будущимъ людямъ, въ какой часъ они должны ложиться спать, въ какіе дни они должны срѣзать себѣ мозоли на ногахъ.

Право, если наши читатели ожидаютъ отъ насъ отвѣта на эти вопросы или, по крайней мѣрѣ, на тѣ изъ нихъ, которые серьезны и важны — отвѣта, который бы представлялъ не только наше личное мнѣніе и для одного момента,—то это только покажетъ, что мы не сумѣли объяснить, что такое анархія (измъ), а это было нашей цѣлью.

Мы не болѣе пророки, чѣмъ остальные: если бы мы претендовали на единственно вѣрное рѣшеніе всѣхъ проблемъ, которыя представятся въ жизни будущаго общества, то мы, значитъ, понимали бы очень странно уничтоженіе правительства. Или намъ объявить себя правительствомъ и предписать по примѣру религіозныхъ законодателей всеобщій кодексъ для настоящаго и будущаго, что-ли?! Къ счастью, такъ какъ мы не имѣли бы ни костра ни тюрьмы, чтобы навязать нашу Библію, то человѣчеству можно было бы безнаказанно смѣяться надъ нашими притязаніями!

Все же, мы много занимаемся проблемами соціальной жизни или въ интересахъ науки или потому, что мы надѣемся видѣть анархизмъ осуществленнымъ и сколько можемъ, содѣйствуемъ организаціи новаго общества. Поэтому мы имѣемъ извѣстныя рѣшенія, которыя въ различныхъ случаяхъ считаются нами или окончательными, или временными. Мы бы и еще сказали по этому предмету, если бы не недостатокъ мѣста.

Но тотъ фактъ, что теперь на основаніи данныхъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, мы думаемъ по этимъ вопросамъ такъ,—не говоритъ, что то же будетъ въ будущемъ. Да и кто можетъ предвидѣть будущую дѣятельность человѣчества? Когда всѣ будутъ имѣть возможность образоваться и развиться? Когда не будетъ ни рабовъ, ни господъ и когда борьба противъ

другихъ людей и ненависть и злоба, которыя отсюда являются, не будутъ болѣе существовать? Кто можетъ предвидѣть прогрессъ науки, новыя средства производства и сообщеній и т. д.

Существенно вотъ что: пусть устраивается такое общество, гдѣ немысли мы были бы эксплоатація и господство человѣка надъ человѣкомъ; въ которомъ всѣ имѣни бы свободное распоряженіе средствами существованія, развитія, труда; въ которомъ всѣ могли бы содѣйствовать, какъ они хотятъ и умѣютъ, организаціи соціальной жизни! Въ такомъ обществѣ все необходимо будетъ исходить изъ желанія возможно лучше удовлетворить всеобщія потребности, по мѣрѣ знанія и возможности момента; все будетъ измѣняться къ лучшему по мѣрѣ увеличенія знаній и средствъ.

Въ сущности, программа, которая колеблетъ основы общественнаго строя, должна указывать и методъ. И повсюду методъ то и различаетъ партіи и опредѣляетъ ихъ значеніе въ исторіи. Что касается метода,—то всѣ говорятъ, что желаютъ блага людямъ, и многіе дѣйствительно этого желаютъ; но партіи исчезаютъ, а съ ними исчезаетъ и всякая организованная и направленная къ одной опредѣленной цѣли дѣятельность. Поэтому надо особенно внимательно разсмотрѣть анархизмъ, какъ методъ.

Методы, отъ которыхъ различныя партіи, только не анархисты, ожидаютъ или увѣряютъ, что ожидаютъ, величайшаго блага каждаго и всѣхъ, могутъ быть сведены къ двумъ: «авторитету» и, такъ называемому. «либерализму». Первый поручаетъ нѣсколькимъ лицамъ управленіе общественной жизнью и ведетъ къ эксплоатаціи и притѣсненію массы со стороны нѣсколькихъ.

Второй основывается на свободной иниціативѣ индивидовъ и провозглашаетъ, если не уничтоженіе, то. по крайней мѣрѣ, уменьшеніе аттрибутовъ правительства до возможнаго минимума. Такъ какъ онъ уважаетъ частную собственность и самъ всецѣло основанъ на принципѣ «каждый за себя» и, вслѣдствіе этого, на соперничествѣ между людьми, то его свобода—свобода сильныхъ, собственниковъ, чтобы угнетать и эксплоатировать слабыхъ, тѣхъ, которые не владѣютъ ничѣмъ; далекая отъ стремленія къ гармоніи, она стремится къ постоянному увеличенію разстоянія между богатыми и бѣдными и ведетъ къ эксплоатаціи и господству, т. е. къ авторитету. Этотъ второй методъ, или либерализмъ, теоретически есть видъ анархизма безъ соціализма, и чрезъ это—

ложь, потому что свобода невозможна безъ равенства; истинный анархизмъ не можетъ быть безъ солидарности, внѣ соціализма. Критика либералами правительства сводится къ стремленію отнять отъ него извѣстное число аттрибутовъ, передать ихъ капиталистамъ, но либералы не могутъ стремиться къ уничтоженію репрессивныхъ функцій, которыя составляютъ сущность правительства; ибо безъ жандармовъ собственники не могутъ существовать, и даже сила правительственныхъ репрессій должна постоянно расти по мѣрѣ возрастанія подъ дѣйствіемъ свободной конкурренціи вражды и неравенства.

Анархисты предлагаютъ новый методъ: «свободная инициатива всѣхъ и свободный договоръ», когда всѣмъ, по уничтоженіи революціоннымъ путемъ частной собственности, будетъ возможно распоряжаться соціальными богатствами на равныхъ условіяхъ. Этотъ методъ, дѣлая невозможнымъ возстановленіе частной собственности, долженъ привести путемъ свободной ассоціаціи къ полному тріумфу принципа солидарности.

Разсматривая вещи такимъ образомъ, видно, что всѣ проблемы, поставленныя выше, чтобы разбить анархическія идеи, представляютъ, напротивъ, аргументы въ пользу анархизма, потому что онъ одинъ только указываетъ путь къ рѣшенію этихъ проблемъ сообразно съ данными науки, сообразно потребностямъ и чувствамъ всѣхъ.

Какъ будутъ воспитывать дѣтей? [1]) Мы этого не знаемъ. Такъ что?—Родители, педагоги и всѣ тѣ, которые интересуются судьбою новыхъ поколѣній, будутъ сообщаться, диспутировать, соглашаться или нѣтъ по разнымъ положеніямъ, практически разсматривать методы, признанные ими лучшими; на практикѣ дѣйствительно лучшій методъ восторжествуетъ.

То же самое произойдетъ и со всѣми проблемами, которыя представятся.

Въ результатѣ того, что мы говорили до сихъ поръ, это: анархія, какъ она понимается партіей анархистовъ и какъ она только и можетъ быть понята, основывается на соціализмѣ. И

---

[1]) Наши читатели, конечно, знаютъ опыты свободнаго воспитанія во Франціи въ послѣднее время, и теоріи Толстого по этому предмету и т. п.

если бы не было тѣхъ соціалистическихъ школъ, которыя искусственно раздѣляютъ естественное единство соціальнаго вопроса и разсматриваютъ только отдѣльныя части его, если бы не было экивоковъ, посредствомъ которыхъ стараются отрѣзать путь къ соціальной революціи, тогда мы могли бы подтвердить, что анархизмъ есть синонимъ соціализма, потому что и тотъ и другой означаютъ уничтоженіе господства и эксплоатаціи человѣка надъ человѣкомъ, все равно будутъ ли они осуществляться посредствомъ армій, силою ружей, или присвоеніемъ средствъ существованія.

Анархизмъ, такъ же какъ и соціализмъ, имѣетъ основаніемъ, точкой отправленія, необходимой средой равенство положеній; своимъ маякомъ—солидарность и методомъ—свободу. Онъ—не совершенство, онъ—не абсолютный идеалъ, который, какъ горизонтъ, удаляется по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся; но онъ—открытая дорога для всякаго прогресса, для всѣхъ усовершенствованій, выполняемыхъ въ интересахъ всѣхъ.

* * *

Установивъ, что анархія есть такой строй общественной жизни, который одинъ оставляетъ открытымъ путь, приводящій къ величайшему благу всѣхъ людей, потому что онъ одинъ разрушаетъ всякій классъ, стремящійся къ угнетенію и нищетѣ массъ; установивъ, что анархизмъ возможенъ, потому что дѣйствительно избавляетъ человѣчество отъ помѣхи—правительства, съ которымъ онъ всегда долженъ бороться, чтобы пройти свой тяжелый путь; установивъ все это, мы констатируемъ, что сторонники авторитета удаляются въ свои послѣдніе окопы, гдѣ усиляются извѣстнымъ числомъ индивидовъ, которые, будучи горячими партизанами за свободу и справедливость, боятся свободы и рѣшительно не могутъ понять человѣчество безъ опекуновъ и пастырей. Прижатые правдой, эти люди требуютъ отложить это дѣло на болѣе дальній срокъ. Вотъ сущность аргументовъ, которые намъ приводятъ на этой ступени дебатовъ:

«Это общество безъ правительства, которое управляется посредствомъ свободной и добровольной кооперації; это общество, которое во всемъ полагается на добровольную общность интересовъ и которое основано всецѣло на солидарности и любви,—не-

сомнѣнно, говорятъ они, прекрасный идеалъ, но, какъ и всѣ идеалы, онъ витаетъ въ облакахъ. Мы обрѣтаемся въ человѣчествѣ, которое искони вѣковъ раздѣлено на угнетателей и угнетенныхъ; эти послѣдніе—полны желанія господствовать и имѣютъ всѣ пороки тирановъ, а тѣ привыкли къ рабскому повиновенію и обладаютъ еще худшими пороками. Чувство солидарности—очень далеко отъ того, чтобы господствовать теперь среди людей; и если правда, что судьба людей быть и постоянно дѣлаться солидарными между собой, то не менѣе вѣрно и то, что говорятъ ученые и что оставляетъ глубочайшій отпечатокъ на человѣческомъ характерѣ,—это борьба за существованіе, которую ежедневно каждый поддерживаетъ противъ всѣхъ; это конкурренція, которая давитъ и рабочихъ и хозяевъ и которая дѣлаетъ каждаго человѣка волкомъ въ отношеніи другого. Какимъ образомъ тѣ люди, которые получили воспитаніе въ обществѣ, основанномъ на антагонизмѣ классовъ и индивидовъ, могутъ моментально перемѣниться и стать способными жить въ обществѣ, гдѣ каждый будетъ дѣлать то, что пожелаетъ, гдѣ каждый долженъ будетъ безъ всякаго принужденія, по влеченію собственной натуры, желать блага другимъ. Съ большей ли увѣренностью вы довѣрите судьбу революціи, судьбу человѣчества невѣжественной толпѣ, задыхающейся въ нищетѣ, оскотинившейся благодаря священнику, которая сегодня будетъ глупо кровожадной, а завтра позволитъ грубо издѣваться надъ собой денежному тузу или будетъ рабски гнуть шею подъ пятой перваго военнаго, который осмѣлится объявить себя господиномъ? Не будетъ ли болѣе разумно приближаться къ анархическому идеалу, проходя черезъ демократическую и соціалистическую республику? Не необходимо ли правительство лучшихъ, чтобы приготовить почву для размноженія идей?»

Если бы мы сумѣли заставить нашего читателя насъ понять и склонить къ тому, что мы говорили раньше, то не слѣдовало бы и приводить этихъ возраженій; но все таки лучше мы отвѣтимъ на это, несмотря на то, что намъ придется повторяться.

Мы постоянно находимся подъ вліяніемъ предразсудка, что правительство есть новая сила, вышедшая неизвѣстно откуда, которая сама собой прибавляетъ нѣчто къ суммѣ силъ и способностей тѣхъ, которые составляютъ его, и тѣхъ, которые ему

повинуются. Напротивъ, все, что дѣлается въ человѣческомъ обществѣ, дѣлается людьми, и правительство, какъ таковое, не вноситъ туда ничего своего, кромѣ стремленія монополизировать все въ пользу данной партіи или даннаго класса и препятствовать всякой иниціативѣ, зародившейся внѣ его партіи.

Уничтожить авторитетъ (власть), уничтожить правительство еще не означаетъ разрушить индивидуальныя и коллективныя силы, дѣйствующія въ человѣчествѣ, или вліяніе, которое люди оказываютъ другъ на друга; послѣднее и означало бы вернуть человѣчество къ массѣ отдѣленыхъ другъ отъ друга и энергичныхъ атомовъ; ну, а это вещь невозможная, и если бы была возможна, то означала бы разложеніе всего общества, смерть человѣчества.

Уничтожить власть—значитъ уничтожить монополію силы и вліянія; уничтожить власть—значитъ уничтожить такое положеніе вещей, когда соціальная сила или сила всѣхъ бываетъ орудіемъ ума, воли, интересовъ небольшого числа индивидовъ, которые, пользуясь силой всѣхъ, давятъ для своей собственной выгоды и выгоды своихъ идей свободу каждаго.

Уничтожить власть—значитъ разрушить тотъ строй соціальной организаціи, посредствомъ котораго, отъ революціи къ революціи, будущее присваивается въ пользу тѣхъ, которые были побѣдителями момента.

Въ изданіи, появившемся въ 1872 г., Михаилъ Бакунинъ, говоря о томъ, что великія средства дѣятельности Интернаціонала были пропаганда его идей и организація естественной дѣятельности его членовъ на массы, прибавляетъ:

„Всякому, кто утверждалъ бы, что такъ организованная дѣятельность была бы посягательствомъ на свободу массъ, попыткой создать новую авторитарную власть,—мы отвѣтимъ, что онъ никто иной, какъ софистъ и глупецъ. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не знаютъ естественныхъ и соціальныхъ законовъ человѣческой солидарности и воображаютъ, что абсолютная взаимная независимость индивидовъ и массъ была бы возможная или, по меньшей мѣрѣ, желательная вещь".

Ее желать—значитъ желать разложенія общества, потому что соціальная жизнь—ничто иное, какъ эта взаимная и постоянная зависимость.

Всѣ индивиды, даже если бы они были самыми интеллигентными и сильными, гораздо болѣе, въ особенности, если бы они были самыми умными и сильными, въ каждую данную минуту бываютъ и производителями и продуктами. Сама свобода каждаго индивида есть только слѣдствіе, постоянно—производная той массы матеріальныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ вліяній всѣхъ индивидовъ, его окружающихъ, общества, среди котораго онъ рождается, развивается и умираетъ. Желаніе избѣжать этого вліянія посредствомъ трансцедентальной, божественной, абсолютной, эгоистической и достаточной въ ней самой свободы—есть стремленіе къ небытію; желаніе отказаться вліять ею на другихъ значитъ отказаться отъ всякой общественной дѣятельности, даже отъ выраженія своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ и возвращаться опять таки въ небытіе. Подобная независимость, столь восхваляемая идеалистами и метафизиками, индивидуальная свобода, понимаемая въ этомъ смыслѣ—также небытіе.

„Въ природѣ, какъ и въ человѣческомъ обществѣ, которое ничто иное, какъ та же природа, все, что живетъ, живетъ только при высшемъ условіи вмѣшательства въ жизнь другихъ, столь положительнымъ образомъ и такъ могущественно, какъ позволяетъ это природа. Уничтоженіе этого взаимнаго вліянія было бы смертью; когда мы требуемъ свободы массамъ, мы не домогаемся уничтоженія всякаго естественнаго вліянія, которое индивиды или группы индивидовъ оказываютъ на нихъ; то, что мы желаемъ, это—уничтоженія искусственныхъ, привиллегированныхъ, законныхъ, офиціальныхъ вліяній“.

Извѣстно, что въ современномъ обществѣ, гдѣ огромное большинство людей, задавленное нищетой и оскотинившееся отъ суевѣрій, находится въ уничиженіи, человѣческая участь зависитъ отъ дѣйствій относительно незначительнаго числа индивидовъ.

Конечно, не можетъ случиться, чтобы всѣ люди вдругъ возвысились до проникновенія долгомъ гораздо болѣе, чѣмъ удовольствіемъ, и поступали такъ, чтобы было для другихъ елико возможно величайшее благо.

И если мыслящія и управляющія человѣчествомъ силы теперь еще малочисленны, то это, вѣдь, не доводъ въ пользу того, чтобы парализовать часть ихъ и тѣмъ подчинить многихъ нѣ-

сколькимъ изъ нихъ; это не доводъ, чтобы образовать такое общество, въ которомъ вслѣдствіе бездѣйствія—слѣдствіе упроченныхъ мѣстъ,—вслѣдствіе наслѣдства, протекціонизма, воспитанія и всякой правительственной механики,—самыя живыя силы и дѣйствительныя способности кончаютъ тѣмъ, что, находясь внѣ правительства, почти совсѣмъ лишены вліянія на общественную жизнь.

А тѣ, которые возвышаются до правительства, будучи перемѣщены изъ своей среды и, прежде всего, стараясь удержаться у власти, теряютъ всякую способность къ дѣятельности и служатъ только препятствіемъ для другихъ.

Уничтожьте эту отрицательную власть, т. е. правительство, и общество будетъ тѣмъ, чѣмъ оно могло бы быть сообразно съ силами и способными людьми даннаго момента.

Если здѣсь находятся свѣдующіе и желающіе распространять науку люди,—они организуютъ школы и употребятъ усилія, чтобы всѣхъ заставить почувствовать пользу и удовольствіе самообразованія; если ихъ нѣтъ, или ихъ мало, то правительство не можетъ ихъ создать; оно могло бы только взять, отвлечь этихъ людей отъ ихъ плодотворнаго труда, поставить ихъ составлять законы, которые необходимо внушить при помощи полицейскихъ и, такимъ образомъ, сдѣлать изъ интеллигентныхъ и страстныхъ, какими они были, наставниковъ—политиковъ, всегда занятыхъ внушеніемъ своей маніи и заботой остаться у власти.

Если есть медики и санитары, они организуютъ санитарную службу. Если же ихъ нѣтъ, то правительство не можетъ ихъ создать; оно могло бы только благодаря недовѣрію, на которомъ народъ вскормленъ, (недовѣрію, часто оправдывающемуся, по отношенію къ правительству), подорвать вѣру въ знанія врачей и тѣмъ дать возможность ихъ умерщвлять, какъ отравителей, когда они идутъ лечить во время эпидеміи.

Если есть инженеры, машинисты, они устроятъ желѣзныя дороги. А если ихъ не существуетъ, правительство опять-таки не можетъ ихъ создать.

Революція, уничтожая правительство и частную собственность, не создаетъ силъ, которыхъ de facto не существуетъ, но оставитъ свободнымъ поле для расширенія силъ, всѣхъ существующихъ способностей, разрушитъ всякій классъ, стремящійся удержать

массы въ скотскомъ состояніи, и сдѣлаетъ такъ, что каждый будетъ въ состояніи дѣйствовать и оказывать свое вліяніе пропорціонально своимъ способностямъ, своимъ влеченіямъ и интересамъ.

Это единственный путь, по которому масса могла бы подняться, такъ какъ, только владѣя свободой, можно научиться быть свободнымъ, также, какъ только работая, можно научиться работать.

Если бы правительство не имѣло другихъ затрудненій, то все же ему постоянно приходилось бы пріучать управляемыхъ къ подчиненію, и еще не малое затрудненіе, выказывать себя все болѣе и болѣе необходимымъ.

Съ другой стороны, если хотятъ правительства, чтобы оно воспитало массы и вело къ анархизму, тогда надо объяснить, какое будетъ происхожденіе, каковъ будетъ способъ образованія правительства!

Можетъ быть, что будетъ диктатура лучшихъ? И кто опредѣлитъ въ нихъ это качество? Большинство обыкновенно предано старымъ предразсудкамъ и имѣетъ идеи и инстинкты, уже пройденные меньшинствомъ, судьбой менѣе облагодѣтельствованнымъ; но кого изберутъ среди тысячей различныхъ партій меньшинства, изъ которыхъ каждая думаетъ, что она права— и всѣ могутъ быть правыми по извѣстнымъ пунктамъ? Посредствомъ какого критерія будутъ избирать, чтобы предоставить соціальную власть одной изъ нихъ, когда только будущее въ дебатахъ между партіями, можетъ рѣшить это?

Если примутъ свѣдующихъ въ диктатурѣ партизановъ, то вы увидите, что каждый изъ нихъ будетъ считать, что онъ долженъ быть, если не дѣйствительнымъ диктаторомъ или однимъ изъ диктаторовъ, то по крайней мѣрѣ близкимъ сосѣдомъ диктатуры. Итакъ, диктаторами были бы тѣ, которые такъ или иначе сумѣли бы возвести себя на эту высоту, и можно быть увѣренными, что съ теченіемъ времени всѣ ихъ силы были бы тѣ, которые такъ или иначе сумѣли бы возвести себя на эту высоту, и можно быть увѣренными, что съ теченіемъ времени всѣ ихъ силы были бы употреблены на борьбу, которую имъ пришлось бы выдерживать со своими соперниками, что они забыли бы свои

безсильныя желанія воспитанія массы къ анархизму, какъ будто они никогда и не имѣли этихъ желаній.

Можетъ быть, напротивъ, правительство будетъ избрано всеобщей подачей голосовъ—слѣдствіе болѣе или менѣе искренняго выраженія (lèmanation) воли большинства? Но если вы разсматриваете этихъ честныхъ избирателей, какъ неспособныхъ заботиться (опредѣлять) о своихъ собственныхъ интересахъ, то какимъ образомъ они когда-либо сумѣютъ избрать пастырей, которые должны ихъ вести? И какимъ образомъ они сумѣютъ рѣшить эту проблему соціальной алхиміи: выбрать генія посредствомъ подачи голосовъ массой глупцовъ. Что придется тогда дѣлать меньшинству, которое является самой интеллигентной, дѣятельной и передовой частью общества?

Чтобы рѣшить соціальную проблему на счастье всѣхъ, есть только одно средство: изгнать революціоннымъ путемъ правительство; экспропріировать революціоннымъ путемъ владѣтелей соціальныхъ богатствъ; предоставить все въ распоряженіе всѣхъ и сдѣлать такъ, чтобы всѣ силы, всѣ способности, всѣ добрыя воли, существующія среди, людей дѣйствовали для удовлетворенія потребностей всѣхъ.

Мы сразимся за анархизмъ и соціализмъ, потому что мы вѣримъ, что анархизмъ и соціализмъ должны имѣть непосредственное дѣйствіе, т. е. что должно въ моментъ революціи изгнать правительства, уничтожить собственность и поручить общественныя организаціи,—которыя въ этомъ случаѣ обнимутъ всю соціальную жизнь,—добровольному труду, свободному, не офиціальному, не „законному"; труду всѣхъ заинтересованныхъ, всѣхъ желающихъ что нибудь дѣлать. Конечно, будутъ тутъ трудности, неудобства; но они будутъ и могутъ быть рѣшены только анархически, т. е. посредствомъ непосредственной работы заинтересованныхъ и свободнаго соглашенія.

Мы не знаемъ, восторжествуетъ ли въ ближайшей революціи анархія и соціализмъ; но несомнѣнно, что если прог аммы, аппелирующія къ мировымъ сдѣлкамъ, приняты, то потому, что на этотъ разъ мы побѣждены, но отнюдь не оттого, что мы считаемъ полезнымъ оставить въ жизни часть плохого строя, подъ которымъ содрагается человѣчество.

Во всякомъ случаѣ, мы будемъ имѣть на событія вліяніе,

которое намъ дастъ наше число, наша энергія, наши познанія, наша непримиримость; и если даже мы будемъ побѣждены,—нашъ трудъ не будетъ безполезнымъ, потому что, чѣмъ болѣе мы будемъ стараться достигнуть реализаціи всей нашей программы, тѣмъ менѣе правительство, тѣмъ менѣе собственность будутъ существовать въ новомъ обществѣ. И мы сдѣлаемъ великое дѣло, потому что прогрессъ человѣчества вполнѣ точно измѣряется уменьшеніемъ давленія правительства и уменьшеніемъ частной собственности.

И если сегодня мы падемъ, не опуская нашего знамени то завтра мы можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ.

П. КРОПОТКИНЪ.

ГОСУДАРСТВО,

ЕГО РОЛЬ ВЪ ИСТОРІИ.

Переводъ подъ редакціей автора.

I.

Избирая предметомъ этого очерка Государство *) и ту роль, которую оно играло въ исторіи, я имѣлъ въ виду замѣчаемую теперь потребность въ серьезномъ изслѣдованіи самой идеи государства, его сущности, его роли въ прошломъ и того значенія, которое оно можетъ имѣть въ будущемъ.

Соціалисты разныхъ оттѣнковъ расходятся, главнымъ образомъ, по вопросу о государствѣ. Среди многочисленныхъ фракцій, существующихъ между ними и отвѣчающихъ [разницѣ въ темпераментахъ, въ привычкахъ мышленія и, особенно, въ степени довѣрія къ надвигающейся революціи,—можно прослѣдить два главныхъ направленія. На одной сторонѣ стоятъ всѣ тѣ, кто надѣется осуществить соціальную революцію посредствомъ государства, сохраняя большую часть его отправленій и даже расширяя ихъ и пользуясь ими для революціи. А на другой стоятъ тѣ, кто, подобно намъ, видитъ въ государствѣ,—и не только въ современной или какой нибудь другой его формѣ, которую оно можетъ принять, но въ самой сущности его,—препятствіе для соціальной революціи, самое серьезное препятствіе для развитія общества на началахъ равенства и свободы, такъ какъ государство представляетъ историческую форму, выработавшуюся и сложившуюся съ цѣлью помѣшать этому развитію. Люди, стоящіе на такой точкѣ зрѣнія, стремятся поэтому, не преобразовать, а совершенно уничтожить государство.

Различіе очевидно очень глубокое. Ему соотвѣтствуютъ два теченія, боряшіяся теперь повсюду—и въ философіи, и въ литературѣ, и въ общественной дѣятельности нашего времени. И если

*) Первоначально этотъ очеркъ былъ написанъ, какъ одна изъ лекцій, которыя я долженъ былъ прочесть весною 1896-го года въ Парижѣ. Прочесть ихъ мнѣ, однако, не удалось, такъ какъ при въѣздѣ въ Францію меня заарестовали и изгнали изъ страны. Тогда я нѣсколько разработалъ эту лекцію и составилъ изъ нея предлагаемый очеркъ. *П. К.*

ходячія понятія о государствѣ останутся такими же сбивчивыми, каковы они теперь, то вокругъ нихъ и произойдетъ ожесточенная борьба, едва только настанетъ то, надѣюсь, близкое время, когда коммунистическія идеи попытаются осуществить на практикѣ, въ жизни общества.

Поэтому мнѣ кажется, что для насъ, такъ часто нападавшихъ на современное государство, особенно важно выяснить теперь причину его зарожденія, изслѣдовать ту роль, которую оно играло въ прошломъ, и сравнить его съ предшествовавшими ему учрежденіями.

* * *

Условимся прежде всего въ томъ, что мы разумѣемъ подъ словомъ „государство". Извѣстно, что въ Германіи существуетъ цѣлая школа писателей, которые постоянно смѣшиваютъ государство съ обществомъ. Такое смѣшеніе встрѣчается даже у серьезныхъ нѣмецкихъ мыслителей, а также и у тѣхъ французскихъ писателей, которые не могутъ представить себѣ общества безъ государственнаго подавленія личной и мѣстной свободы. Отсюда и возникаетъ обычное обвиненіе анархистовъ въ томъ, что они хотятъ „разрушить общество" и проповѣдуютъ „возвращеніе къ вѣчной войнѣ каждаго со всѣми".

А между тѣмъ такое смѣшеніе двухъ, совершенно разныхъ понятій, „государство" и „общество", идетъ въ разрѣзъ со всѣми пріобрѣтеніями, сдѣланными въ области исторіи въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ; въ немъ забывается, что люди жили обществами многія тысячи лѣтъ, прежде чѣмъ создались государства, и что среди современныхъ европейскихъ народностей государство есть явленіе самаго недавняго происхожденія, развившееся лишь съ шестнадцатаго столѣтія,—причемъ самыми блестящими эпохами въ жизни человѣчества были именно тѣ, когда мѣстныя вольности и мѣстная жизнь не были еще задавлены государствомъ, и когда массы людей жили въ общинахъ и въ вольныхъ городахъ.

Государство есть лишь одна изъ тѣхъ формъ, которыя общество принимало въ теченіе своей исторіи. Какимъ же образомъ можно смѣшивать понятія объ обществѣ и государствѣ?

* * *

Съ другой стороны, государство нерѣдко смѣшиваютъ

съ правительствомъ. И такъ какъ государство не мыслимо безъ правительства, то иногда говорятъ, что слѣдуетъ стремиться къ уничтоженію правительства, а не къ уничтоженію государства.

Мнѣ кажется, однако, что государство и правительство представляютъ собою опять-таки два разнородныхъ понятія. Понятіе о государствѣ обнимаетъ собою не только существованіе власти надъ обществомъ, но и сосредоточеніе управленія мѣстною жизнью въ одномъ центрѣ, т. е. территоріальную концентрацію, а также сосредоточеніе многихъ или даже всѣхъ отправленій общественной жизни въ рукахъ немногихъ. Оно предполагаетъ возникновеніе совершенно новыхъ отношеній между различными членами общества.

Это характерное различіе, ускользающее на первый взглядъ, ясно выступаетъ при изученіи происхожденія государства. И для того, чтобы понять, что такое государство, есть только одинъ способъ: это прослѣдить его историческое развитіе.

* * *

Древняя Римская Имперія была государствомъ въ точномъ смыслѣ слова. До сихъ поръ она остается идеаломъ всѣхъ законниковъ. Ея органы, какъ сѣтью, покрывали ея обширныя владѣнія. Все сосредоточивалось въ Римѣ: экономическая жизнь, военное управленіе, юридическія отношенія, богатства, образованность и даже религія. Изъ Рима шли законы, судьи, легіоны для защиты территоріи, губернаторы для управленія провинціями, боги. Вся жизнь имперіи восходила къ Сенату, а позднѣе—къ кесарю, всемогущему, всевѣдающему богу имперіи. Въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ былъ свой Капитолій въ миніатюрѣ, своя частица римскаго самодержавія, отъ которой вся мѣстная жизнь получала свое направленіе. Единый законъ, законъ установленный Римомъ, управлялъ имперіей; и эта имперія была не союзомъ гражданъ, а сборищемъ подданныхъ.

Юристы и государственники, даже и въ наше время, восхищаются единствомъ этой имперіи, единымъ духомъ ея законовъ, красотой—говорятъ они—и гармоніей ея организаціи.

И, несмотря на это, внутреннее разложеніе съ одной стороны, и вторженіе варваровъ, съ другой,—т. е. смерть мѣстной жизни, потерявшей способность противостоять нападенію

извнѣ, а также испорченность въ самомъ народѣ, распространявшаяся отъ центра,—привели къ распаденію имперіи, на развалинахъ которой зародилась и развилась новая цивилизація,—наша цивилизація.

Если, оставляя въ сторонѣ древнюю исторію Востока, мы обратимся къ изученію происхожденія и роста этой молодой варварской цивилизаціи вплоть до періода, когда она породила, въ свою очередь, наши современныя государства, то сущность государства станетъ намъ совершенно ясной, яснѣе даже, чѣмъ еслибы мы погрузились въ изученіе Римской имперіи, Македонскаго царства и деспотическихъ монархій Востока.

II

Большинство философовъ прошлаго столѣтія объясняло происхожденіе человѣческихъ обществъ очень просто.

Вначалѣ, говорили они, люди жили маленькими семьями, и постоянная вражда между этими семьями была обычнымъ, нормальнымъ состояніемъ. Но въ одинъ прекрасный день, люди, убѣдившись въ неудобствахъ этой безконечной борьбы, рѣшили образовать общество. Разъединенныя семьи согласились между собою, заключили общественный договоръ и добровольно подчинились власти, которая—со школьной скамьи насъ такъ учили—сдѣлалась отнынѣ источникомъ и началомъ всяческаго прогресса въ человѣчествѣ. Наши теперешнія правительства и до сего дня олицетворяютъ эту благороднѣйшую роль соли земли, роль умиротворителей и цивилизаторовъ рода человѣческаго. Такъ значится, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ учебникахъ и даже во многихъ философскихъ трактатахъ.

Возникнувши въ эпоху, когда о происхожденіи человѣка было извѣстно еще очень мало, эта теорія господствовала впродолженіе всего прошлаго столѣтія. И мы должны признать, что въ рукахъ энциклопедистовъ и Руссо, идея „общественнаго договора“ была могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ божественнымъ правомъ королей. Но тѣмъ не менѣе, какія бы услуги эта теорія ни оказала въ прошедшемъ, въ настоящее время она должна быть признана ошибочной и отвергнута.

На самомъ дѣлѣ, всѣ животныя, за исключеніемъ лишь нѣ-

которыхъ хищниковъ и нѣкоторыхъ вымирающихъ видовъ, живутъ обществами. Въ борьбѣ за существованіе виды животныхъ, живущихъ обществами, имѣютъ всегда преимущество передъ необщественными видами. Въ каждомъ классѣ животныхъ они занимаютъ вершину лѣстницы, и теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что первыя человѣкоподобныя существа уже жили обществами. Общество не было выдумано человѣкомъ; оно существовало раньше появленія первыхъ человѣкоподобныхъ существъ *).

* * *

Мы также знаемъ теперь—антропологія вполнѣ доказала это,—что исходнымъ пунктомъ для человѣчества послужила не обособленная семья, а родъ или племя. Патріархальная семья въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у насъ, или какъ мы находимъ ее въ древне-еврейскихъ преданіяхъ, явилась уже гораздо позднѣе. Раньше этого, десятки тысячъ лѣтъ люди жили родами или племенами, и въ теченіе этого первоначальнаго періода—будемъ, если угодно, называть его періодомъ дикихъ или первобытныхъ племенъ—у человѣчества выработался уже цѣлый рядъ учрежденій, обычаевъ или общественныхъ привычекъ, задолго предшествовавшихъ учрежденіямъ патріархальной семьи.

Въ первобытномъ племени обособленной семьи не существовало точно также, какъ ея не существуетъ среди многихъ другихъ млекопитающихъ, живущихъ обществами. Племя дѣлилось скорѣе по поколѣніямъ, и съ самыхъ дальнихъ временъ, теряющихся въ темной глубинѣ до-исторіи человѣческаго рода, возникали ограниченія, не допускавшія брачныхъ союзовъ между мужчинами и женщинами разныхъ поколѣній и дозволявшія ихъ только внутри одного и того же поколѣнія. Слѣды этого періода можно еще и теперь встрѣтить среди нѣкоторыхъ племенъ, а также ихъ находятъ въ языкахъ, нравахъ и суевѣріяхъ народовъ, стоящихъ даже на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ развитія.

Племя сообща охотилось и собирало служившія въ пищу растенія, а затѣмъ, утоливъ свой голодъ, дикари со страстью предавались своимъ драматическимъ танцамъ. До сихъ поръ мы находимъ на окраинахъ нашихъ материковъ и въ наименѣе до-

*) Болѣе полное изложеніе этихъ взглядовъ можно найти въ моей книгѣ, Mutual Aid, 2 е изд. 1904; въ нѣмецкомъ переводѣ, Gegenseitige Hilfe. Leipzig, 1904

ступныхъ горныхъ областяхъ племена, недалеко ушедшія отъ этой первобытной ступени.

Накопленіе частной собственности въ этотъ періодъ было невозможно, потому что все, принадлежавшее лично отдѣльному члену племени, послѣ его смерти сжигалось или уничтожалось вмѣстѣ съ трупомъ. Это до сихъ поръ практикуется, даже въ Англіи, среди цыганъ; слѣды же этого обычая мы находимъ въ похоронныхъ церемоніяхъ у всѣхъ такъ-называемыхъ цивилизованныхъ народовъ: китайцы сжигаютъ сдѣланныя изъ бумаги изображенія тѣхъ вещей, которыми владѣлъ умершій, а у насъ за умершимъ военнымъ ведутъ его коня и несутъ его шпагу и ордена. Смыслъ этихъ обычаевъ утраченъ; сохранилась одна форма.

* * *

Эти первобытные люди не только не презирали человѣческой жизни, а напротивъ того, испытывали отвращеніе къ убійству и кровопролитію. Пролить кровь—и не только кровь человѣка, но даже нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ медвѣдя,—считалось такимъ большимъ преступленіемъ, что за каждую каплю пролитой крови виновный въ этомъ долженъ былъ поплатиться соотвѣтственнымъ количествомъ своей крови.

Убійство члена своего племени было, такимъ образомъ, дѣломъ совершенно неизвѣстнымъ; мы видимъ это теперь, напр., у инуитовъ или эксимосовъ, которые представляютъ собою остатки людей каменнаго вѣка, еще до сихъ поръ уцѣлѣвшіе въ полярныхъ областяхъ. Но когда племенамъ, различнымъ по происхожденію, по цвѣту и по языку, случалось, во время своихъ странствій, сталкиваться между собою, между ними дѣйствительно нерѣдко происходили войны. Правда, что уже въ тѣ времена люди старались по возможности смягчить эти столкновенія, какъ показали изслѣдованія Мэна, Поста, Ниса и др.; уже и тогда обычай начиналъ вырабатывать то, изъ чего впослѣдствіи должно было возникнуть международное право. Такъ, напримѣръ, нельзя было нападать на деревню, не предупредивши объ этомъ ея жителей; также никто никогда не смѣлъ убивать на тропинкахъ, по которымъ женщины ходили за водой. А при заключеніи мира, у нѣкоторыхъ племенъ, излишекъ убитыхъ у одной изъ сторонъ вознаграждался соотвѣтственной платой съ другой.

Одно общее начало господствовало тогда надъ всѣми остальными: „Ваши убили или ранили одного изъ нашихъ, поэтому мы вправѣ убить одного изъ вашихъ, или нанести ему совершенно такую же рану“—все равно кому, потому что за всякій поступокъ каждаго изъ своихъ членовъ отвѣчало все племя. Извѣстное библейское изрѣченіе—„кровь за кровь, око за око, зубъ за зубъ, рану за рану и жизнь за жизнь“(„но отнюдь не болѣе“, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Кенигсвартеръ), произошло отъ этого же обычая. Таково было понятіе этихъ людей о справедливости, и намъ нечего особенно гордиться передъ ними: принципъ—„жизнь за жизнь“, до сихъ поръ еще царящій въ нашихъ уголовныхъ законахъ,—ничто иное, какъ одно изъ многочисленныхъ переживаній.

Такимъ образомъ, уже въ этотъ первобытный періодъ выработался цѣлый рядъ общественныхъ учрежденій (многія изъ нихъ я оставляю въ сторонѣ), и сложилось цѣлое уложеніе (конечно устное) племенной нравственности. И для поддержанія этого ядра общественныхъ привычекъ достаточно было силы обычая, привычки и преданія: никакой другой власти не существовало.

У первобытныхъ людей были, конечно, свои временные вожди. Колдуны и призыватели дождя—иначе, ученые того времени—старались воспользоваться своимъ дѣйствительнымъ или кажущимся знаніемъ природы для того, чтобы управлять своими соплеменниками. Точно также пріобрѣтали вліяніе и силу и тѣ, кто лучше другихъ запоминалъ поговорки и пѣсни, въ которыхъ воплощалось преданіе. Уже тогда „знающіе“ старались удержать за собой право на управленіе людьми, не передавая своихъ знаній никому, кромѣ избранныхъ. Всѣ религіи, и даже всѣ искусства и всѣ ремесла, были, какъ мы знаемъ, вначалѣ окружены различными „таинствами“.

Такимъ же образомъ, во время столкновеній между племенами и во время переселеній, наиболѣе храбрый, смѣлый, а въ особенности наиболѣе хитрый, естественно становился временнымъ вождемъ. Но союза между хранителемъ „закона“, военнымъ вождемъ и колдуномъ тогда еще не было, и потому о существованіи среди этихъ первобытныхъ племенъ г о с у д а р с т в а такъ же не можетъ быть рѣчи, какъ о существованіи его въ обществахъ пчелъ и муравьевъ, или у современныхъ намъ патагонцевъ и эскимосовъ.

А между тѣмъ, въ этомъ состояніи люди жили многія тысячи лѣтъ; его пережили и варвары, разгорившіе Римскую имперію: въ то время они только что выходили изъ него.

Въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія, среди племенъ и союзовъ племенъ, населявшихъ среднюю и сѣверную Азію, произошло громадное передвиженіе. Цѣлые потоки народовъ, тѣснимые болѣе или менѣе образованными сосѣдями, шли съ азіатскихъ плоскогорій—откуда ихъ гнало, вѣроятно, быстрое высыханіе рѣкъ и озеръ—устремляясь въ равнины, на западъ, на Европу, тѣсня другъ друга, смѣшиваясь и переплетаясь другъ съ другомъ.

Во время этихъ передвиженій, когда столько племенъ, различныхъ по происхожденію и по языку, смѣшались между собою, тотъ первобытный племенной бытъ, который существовалъ тогда у большинства дикихъ туземцевъ Европы, неизбѣжно долженъ былъ распасться. Первобытный племенной союзъ былъ основанъ на общности происхожденія, на поклоненіи общимъ предкамъ. Но какая же могла быть общность происхожденія между группами, образовавшимися въ хаосѣ переселеній, въ войнахъ между различными племенами, причемъ среди нѣкоторыхъ племенъ кое-гдѣ зарождалась уже патріархальная семья, образовавшаяся благодаря захвату нѣсколькими лицами женщинъ, отнятыхъ или похищенныхъ у сосѣднихъ племенъ.

Старыя связи были порваны, и, чтобы избѣгнуть совершенной гибели (участь, которая въ дѣйствительности и постигла многія племена, съ того времени совершенно исчезнувшія для исторіи), приходилось создавать новыя связи. И онѣ возникли. Ихъ нашли въ общинномъ владѣніи з е м л е й, т. е. тою областью, на которой каждое племя наконецъ осѣло.

Владѣніе сообща извѣстной областью, той или другой долиной, тѣми или другими холмами сдѣлалось основаніемъ новаго соглашенія. Боги-предки потеряли всякое значеніе; ихъ мѣсто заняли новые, мѣстные боги долинъ, рѣкъ и лѣсовъ, которые и дали религіозное освященіе новымъ союзамъ. Позднѣе христіанство, всегда готовое приноравливаться къ остаткамъ язычества, создало изъ нихъ мѣстныхъ святыхъ.

Съ этихъ поръ сельская община, состоящая вполнѣ или отчасти изъ обособленныхъ семей, соединенныхъ однако-же общимъ

владѣніемъ землей, сдѣлалась на всѣ послѣдующіе вѣка необходимымъ связующимъ основаніемъ народнаго союза. На громадныхъ пространствахъ восточной Европы, Азіи и Африки сельская община существуетъ и до сихъ поръ. Подъ такимъ же строемъ жили и варвары, разрушившіе Римскую имперію,—германцы, скандинавцы, славяне и т. д. И благодаря изученію варварскихъ законовъ*), а также обычаевъ и законовъ, господствующихъ среди современныхъ намъ союзовъ сельскихъ общинъ у кабиловъ, монголовъ, индусовъ, африканцевъ и другихъ народовъ, стало возможнымъ возстановить во всей ея полнотѣ ту форму общества, которая послужила исходной точкой нашей современной цивилизаціи.

Всмотримся же поближе въ эти учрежденія.

III.

Сельская община состояла въ прежнія времена—какъ состоитъ и теперь—изъ отдѣльныхъ семей, которыя однако же въ каждой деревнѣ владѣли землею сообща. Они смотрѣли на нее, какъ на общее наслѣдіе и распредѣляли ее между собою, смотря по величинѣ семей, по ихъ нуждамъ и силамъ. Сотни милліоновъ людей и до сихъ поръ еще живутъ при такомъ порядкѣ въ Восточной Европѣ, въ Индіи, на Явѣ и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ же образомъ устроились и въ наше время русскіе крестьяне, когда государство предоставило имъ свободу населять, какъ они хотятъ, огромныя пространства Сибири.

Вначалѣ обработка земли также происходила сообща,—и во многихъ мѣстахъ этотъ обычай сохранился еще до сихъ поръ,—по крайней мѣрѣ при обработкѣ нѣкоторыхъ участковъ общинной земли. Точно также свозка лѣса и расчистка чищобъ,

---

*) Подъ этимъ названіемъ обыкновенно разумѣютъ уцѣлѣвшіе памятники древняго права Лангобардовъ, Баварцевъ и т. д., къ которымъ принадлежитъ и наша «Русская Правда Ярослава».—Ради краткости я пропускаю «недѣленную семью»,—чрезвычайно распространенную бытовую форму, встрѣчающуюся въ Индіи, составляющую основу жизни въ китаѣ, а у насъ встрѣчающуюся среди «семейскихъ», т. е. раскольниковъ въ Забайкальѣ. Она стоитъ между родомъ и сельскою общиною.

постройка укрѣпленій или „городковъ“ или башенъ, которыя служили убѣжищемъ въ случаѣ нашествія—все это дѣлалось сообща, какъ и до сихъ поръ еще дѣлается сотнями милліоновъ крестьянъ тамъ, гдѣ сельской общинѣ удалось устоять противъ вторженія государства. Но, выражаясь современнымъ языкомъ, „потребленіе“ происходило посемейно,—каждая семья имѣла свой скотъ, свой огородъ и свои запасы, такъ что могла уже накоплять и передавать накопленное по наслѣдству. Во всѣхъ дѣлахъ міръ имѣлъ верховную власть. Мѣстный обычай былъ закономъ; а общее собраніе всѣхъ главъ семействъ—мужчинъ и женщинъ—было судьей, и притомъ единственнымъ судьей, и по гражданскимъ, и по уголовнымъ дѣламъ. Обиженному общиннику достаточно было воткнуть свой ножъ въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ міръ обыкновенно собирался, и міръ былъ обязанъ „постановить приговоръ“ на основаніи мѣстнаго обычая послѣ того, какъ свидѣтели обѣихъ сторонъ установятъ подъ присягой фактъ обиды.

* *
*

Трудно было бы изложить здѣсь все то, что представляетъ интереснаго эта ступень развитія общественности. Достаточно сказать, что всѣ учрежденія, которыми различныя государства впослѣдствіи воспользовались въ интересахъ меньшинства, всѣ понятія о правѣ, которыя мы находимъ въ нашихъ законахъ (искаженныя къ выгодѣ опять таки меньшинства), и всѣ формы судебной процедуры, насколько онѣ охраняютъ личность, получили свое начало въ общинномъ бытѣ. Такъ что, когда мы воображаемъ, что сдѣлали большой шагъ впередъ, вводя у себя, напримѣръ, судъ присяжныхъ,—мы, въ дѣйствительности, только возвращаемся къ учрежденію варваровъ, претерпѣвшему рядъ измѣненій въ пользу правящихъ классовъ. Римское право было ничѣмъ инымъ, какъ надстройкою надъ правомъ обычнымъ.

Одновременно съ этимъ, благодаря обширнымъ добровольнымъ союзамъ сельскихъ общинъ, развивалось и сознаніе ихъ національнаго единства.

* *
*

Основанная на общемъ владѣніи землею, а нерѣдко и на общей ея обработкѣ, обладающая верховной властью, и судебною, и законодательною на основаніи обычнаго права—сельская община

удовлетворяла большей части общественныхъ потребностей своихъ членовъ.

Но не всѣ нужды были удовлетворены; оставались еще такія, которымъ нужно было искать удовлетворенія. Но духъ того времени былъ таковъ, что человѣкъ не обращался къ правительству, какъ только возникнетъ какая нибудь новая потребность, а самъ бралъ починъ и создавалъ по соглашенію съ другими союзъ, общество, большихъ или малыхъ размѣровъ, многочисленное или малочисленное, чтобы удовлетворить эту вновь-народившуюся потребность. И дѣйствительно, общество того времени было буквально покрыто сѣтью клятвенныхъ братствъ, союзовъ для взаимпомощи, задругъ,—какъ внутри сельской общины, такъ и внѣ ея, въ союзѣ общинъ. Мы можемъ наблюдать эту ступень развитія и проявленіе этого духа даже теперь, среди тѣхъ варваровъ, союзы которыхъ не были поглощены государствами, сложившимися по римскому, или вѣрнѣе, по византійскому типу. Такъ, у кабиловъ, напримѣръ, довольно хорошо сохранилась сельская община со всѣми только что упомянутыми ея отправленіями. Но у человѣка существуетъ потребность распространить свою дѣятельность и за тѣсные предѣлы своей деревни. Одни отправляются странствовать по свѣту, въ поискахъ за приключеніями, въ качествѣ купцовъ; другіе берутся за то или другое ремесло, за то или другое искусство. Такъ вотъ, тѣ и другіе, купцы и ремесленники соединяются между собою въ „братства“, даже если они принадлежатъ къ различнымъ деревнямъ, племенамъ или союзамъ общинъ. Союзъ необходимъ имъ для взаимной защиты въ далекихъ странствованіяхъ, для передачи другъ другу секретовъ ремесла—и они соединяются. Они приносятъ клятву въ братствѣ и дѣйствительно практикуютъ его—на удивленіе европейцамъ—на дѣлѣ, а не только на словахъ.

Помимо этого, съ кѣмъ бѣды не случается? Обыкновенно тихій и спокойный человѣкъ, быть можетъ, завтра въ какой-нибудь дракѣ переступитъ границы, положенныя правилами приличія и общежитія, нанесетъ кому нибудь раны или увѣчье. А въ такомъ случаѣ придется уплатить раненому или обиженному очень тяжелое вознагражденіе; обидчикъ долженъ будетъ защищаться передъ деревенскимъ судомъ и возстановить истину при помощи свидѣтельствующихъ подъ присягой шести, десяти или двѣнад-

цати „соприсягателей“. Это—еще одна причина, почему ему важно вступить въ какое-нибудь братство.

Мало того, у людей является потребность потолковать о политикѣ, можетъ быть даже поинтриговать, потребность распространять то или иное нравственное убѣжденіе, тотъ или другой обычай. Наконецъ, внѣшній миръ также требуетъ охраны: приходится заключать союзы съ сосѣдними племенами, устраивать обширныя федераціи, распространять понятія между-племенного права... И вотъ, для удовлетворенія всѣхъ этихъ нравственныхъ и умственныхъ потребностей, кабилы, монголы, малайцы и проч. не обращаются ни къ какому правительству,—да у нихъ его и нѣтъ; они—люди обычнаго права и личнаго почина, не испорченные на все готовыми правительствомъ и церковью. Они поэтому соединяются прямо; они образуютъ братства, политическія и религіозныя общества, союзы ремеслъ—гильдіи, какъ ихъ называли въ средніе вѣка въ Европѣ, или софы, какъ ихъ называютъ теперь кабилы. И эти софы выходятъ далеко за предѣлы своей деревни; они распространяются въ далекихъ пустыняхъ и чужеземныхъ городахъ; и въ этихъ союзахъ дѣйствительно практикуется братство. Отказать въ помощи члену своего софа, даже еслибы для для этого пришлось рискнуть всѣмъ своимъ имуществомъ и самою жизнью,—значитъ стать измѣнникомъ „братству“: съ такимъ человѣкомъ обращаются какъ съ убійцей „брата“.

* * *

То, что мы находимъ теперь среди кабиловъ, монголовъ, малайцевъ и т. д., было существенной чертой общественной жизни такъ-называемыхъ варваровъ въ Европѣ, отъ пятаго до двѣнадцатаго, и даже до пятнадцатаго вѣка. Подъ именемъ гильдій, задругъ, университатовъ (universitas) и т. п. повсюду существовало множество союзовъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей: для взаимной защиты и для совмѣстнаго наказанія обидчика; для замѣны мести „око за око“ вознагражденіемъ за обиду, послѣ чего обидчикъ обыкновенно принимался въ братство; для совмѣстной работы въ своемъ ремеслѣ, для взаимной помощи во время болѣзни, для защиты территоріи, для сопротивленія нарождавшейся внѣшней власти, для торговли, для поддержанія добраго сосѣдства, для распространенія тѣхъ или другихъ идей—однимъ

словомъ, для всего того, зачѣмъ современный европеецъ, воспитавшійся на завѣтахъ кесарьскаго и папскаго Рима, обыкновенно обращается къ государству. Очень сомнительно даже, можно ли было въ тѣ времена найти хоть одного человѣка—свободнаго или крѣпостного,—за исключеніемъ, конечно, изгнанныхъ изъ братствъ—изгоевъ,—который не принадлежалъ бы къ какимъ-нибудь союзамъ или гильдіямъ, помимо своей общины. Въ скандинавскихъ сагахъ воспѣваются дѣла этихъ братствъ; „безпредѣльная вѣрность побратимовъ“ составляетъ предметъ лучшихъ изъ этихъ эпическихъ пѣсенъ, между тѣмъ какъ церковь и нарождающаяся королевская власть, представительницы вновь всплывшаго Византійскаго или Римскаго Закона, обрушиваются на нихъ своими проклятіями и указами, которые къ счастью остаются мертвой буквой.

Вся исторія того времени теряетъ свой смыслъ и дѣлается совершенно непонятной, если не принимать въ разсчетъ этихъ союзовъ братьевъ и сестеръ, которые возникали повсюду для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ нуждъ, какъ экономической, такъ и духовной жизни человѣка.

* * *

Чтобы понять громадный шагъ впередъ, сдѣланный во время существованія этихъ двухъ учрежденій—сельской общины и свободныхъ братствъ—внѣ всякаго вліянія со стороны Рима, христіанства, или государства—достаточно сравнить Европу, какою она была во время нашествія варваровъ, съ тѣмъ, чѣмъ она стала въ десятомъ или одинадцатомъ вѣкѣ.

За эти пятьсотъ или шестьсотъ лѣтъ человѣкъ успѣлъ покорить дѣвственные лѣса и заселить ихъ; страна покрылась деревнями, окруженными полями и изгородями, и находящимися подъ защитой укрѣпленныхъ городковъ; между ними, черезъ лѣса и болота, проложены тропы. Въ этихъ деревняхъ мы находимъ уже зачатки различныхъ ремеслъ и цѣлую сѣть учрежденій для поддержанія внутренняго и внѣшняго мира. За убійство или нанесеніе ранъ сельчане уже не мстятъ убійствомъ обидчика или кого нибудь изъ его родныхъ, или нанесеніемъ имъ соотвѣтственныхъ ранъ, какъ это дѣлалось въ былыя времена. Бывшіе дружинники—бояре и дворяне—еще держатся этого устарѣлаго

правила (и въ этомъ причина ихъ безконечныхъ войнъ), но у крестьянъ уже вошло въ обычай платить вознагражденіе за обиду, послѣ чего миръ возстановляется, и обидчикъ, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ, принимается въ семью обиженнаго.

Во всѣхъ спорахъ и тяжбахъ мы находимъ здѣсь третейскій судъ, какъ глубоко укоренившееся учрежденіе, вполнѣ вошедшее въ ежедневный обиходъ, наперекоръ епископамъ и нарождающимся князьямъ, которые требуютъ, чтобы каждая тяжба разбиралась ими или ихъ ставленниками, чтобы имѣть такимъ образомъ возможность взимать въ свою пользу ту пеню, которую міръ налагалъ на нарушителей общественнаго спокойствія.

Наконецъ, сотни селъ объединяются уже въ могучіе союзы—зачатки будущихъ европейскихъ н а ц і й,—которые клятвою обязуются поддерживать внутренній миръ, считаютъ занимаемую ими землю общимъ наслѣдіемъ и заключаютъ между собою договоры для взаимной защиты. Такіе союзы мы встрѣчаемъ еще и до сихъ поръ у монгольскихъ, тюрко-финскихъ и малайскихъ племенъ.

* * *

Тѣмъ не менѣе черныя точки мало по малу начинаютъ собираться на горизонтѣ. Рядомъ съ этими союзами возникаютъ другіе союзы—союзы правящаго меньшинства, которые пытаются превратить этихъ свободныхъ людей въ крѣпостныхъ, въ подданныхъ. Римъ погибъ, но его преданія оживаютъ; съ другой стороны, и христіанская „церковь“, мечтающая о восточныхъ всемогущихъ церковныхъ государствахъ, охотно оказываетъ свою поддержку нарождающейся гражданской и военной власти.

Человѣкъ далеко не такой кровожадный звѣрь, какимъ его обыкновенно представляютъ, чтобы доказать необходимость господства надъ нимъ; онъ, наоборотъ, всегда любилъ спокойстіе и миръ. Иногда онъ, можетъ быть, и не прочь подраться, но онъ не кровожаденъ по природѣ и во всѣ времена предпочиталъ скотоводство и обработку земли военнымъ похожденіямъ. Вотъ почему, какъ только крупныя передвиженія варваровъ начали ослабѣвать, какъ только толпы пришельцевъ осѣли болѣе или менѣе на занятыхъ ими земляхъ, мы видимъ, что забота о защитѣ страны отъ новыхъ пришельцевъ и воителей поручается одному человѣку, который набираетъ себѣ небольшую дружину изъ ис-

кателей приключеній, привыкшихъ къ войнамъ, или прямо разбойниковъ, тогда какъ остальная масса народа занимается разведеніемъ скота или обработкой земли.

Затѣмъ, мало по малу, „защитникъ“ начинаетъ уже накоплять богатства: бѣдному дружиннику онъ даетъ лошадь и оружіе (стоившее тогда очень дорого) и такимъ образомъ порабощаетъ его; онъ пріобрѣтаетъ первые зачатки власти. Съ другой стороны, большинство начинаетъ забывать преданія, служившія ему закономъ; изрѣдка лишь какой нибудь старикъ, удержавшій въ памяти тѣ разсказы о прежнихъ случаяхъ рѣшенія, изъ которыхъ складывается обычное право, поетъ о нихъ пѣсни или разсказываетъ былины народу во время большихъ общинныхъ праздниковъ. Тогда, мало по малу, обособляются семьи, которыя дѣлаютъ какъ бы своимъ ремесломъ, переходящимъ отъ отца къ сыну, запоминаніе этихъ стиховъ и пѣсенъ, т. е. сохраненіе „закона“ во всей его чистотѣ. Къ нимъ обращаются сельчане за разрѣшеніемъ запутанныхъ споровъ и тяжбъ, особенно, когда двѣ деревни или два союза деревень отказываются признать рѣшеніе третейскихъ судей, выбранныхъ изъ ихъ среды.

Въ этихъ семьяхъ гнѣздятся уже зачатки княжеской или королевской власти, и чѣмъ больше изучаешь учрежденія того времени, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что знаніе обычнаго права способствовало больше пріобрѣтенію этой власти, чѣмъ сила оружія. Люди дали себя покорить гораздо больше изъ за желанія „наказать“ обидчика „по закону“, чѣмъ вслѣдствіе прямого покоренія оружіемъ.

Такимъ образомъ создается первое „объединеніе властей“— первое общество для взаимнаго обезпеченія совмѣстнаго господства—то-есть союзъ между судьей и военноначальникомъ, какъ сила враждебная сельской общинѣ. Обѣ эти должности соединяются въ одномъ лицѣ, которое окружаетъ себя вооруженными людьми, чтобы приводить въ исполненіе судебные приговоры, укрѣпляется въ своей крѣпости, начинаетъ накоплять и сохранять за своей семьей богатства того времени, т. е. хлѣбъ, скотъ, оружіе и, мало по малу, утверждаетъ свое господство надъ сосѣдними крестьянами. Ученые люди того времени, т. е. знахари, волхвы и попы, оказываютъ ему поддержку и получаютъ свою

долю власти; присоединяя силу меча къ грозному могуществу колдуна, они пытаются утвердить власть за собой.

Не одна книжка, а цѣлый рядъ книгъ потребовался бы на то, чтобы изложить подробно этотъ въ высшей степени важный предметъ и разсказать, какъ должно, почему свободные люди превратились постепенно въ крѣпостныхъ, обязанныхъ работать на своихъ свѣтскихъ или духовныхъ господъ; какъ понемногу и какъ бы ощупью создавалась власть надъ деревнями и городами; какъ соединялись и возставали крестьяне, пытаясь бороться противъ этого растущаго господства, и какъ они были побѣждаемы въ борьбѣ противъ крѣпкихъ стѣнъ замковъ, и противъ охраняющихъ ихъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ людей.

Довольно будетъ сказать, что около одинадцатаго вѣка Европа видимо шла по пути къ образованію варварскихъ монархій, подобныхъ тѣмъ, какія мы находимъ теперь, напр., въ Африкѣ, или церковныхъ государствъ (теократій), въ родѣ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ исторіи Востока. Это не могло, конечно, произойти сразу; но во всякомъ случаѣ, зачатки такихъ мелкихъ деспотическихъ королевствъ и теократій уже были на лицо, и имъ оставалось только развиваться все больше и больше...

Къ счастью, однако, тотъ „варварскій“ духъ скандинавовъ, саксовъ, кельтовъ, германцевъ и славянъ, который въ теченіе семи или восьми вѣковъ заставлялъ ихъ искать удовлетворенія своихъ нуждъ путемъ свободнаго соглашенія, братствъ и гильдій,— еще жилъ въ деревняхъ, городахъ и мѣстечкахъ. Варвары, правда, позволили поработить себя и уже работали на господъ, но духъ свободнаго почина и свободнаго соглашенія еще не былъ въ нихъ убитъ. Ихъ союзы оказались въ высшей степени живучими, а крестовые походы только способствовали ихъ пробужденію и развитію въ западной Европѣ.

И вотъ, въ двѣнадцатомъ столѣтіи по всей Европѣ вспыхиваетъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ возстаніе городскихъ общинъ, задолго до того подготовленное этимъ федеративнымъ духомъ и выросшее на почвѣ соединенія ремесленныхъ гильдій съ сельскими общинами.

Это возстаніе, которое большая часть оффиціальныхъ историковъ предпочитаетъ замалчивать, спасло Европу отъ грозившей

ей опасности. Оно остановило развитіе теократическихъ и деспотическихъ монархій, въ которыхъ наша цивилизація, вѣроятно, погибла бы послѣ нѣсколькихъ вѣковъ пышнаго показнаго могущества, какъ погибли цивилизаціи Месопотаміи, Ассиріи и Вавилона. Этой революціей началась новая полоса жизни—полоса свободныхъ городскихъ общинъ.

IV.

Не удивительно, что современные историки, воспитанные въ духѣ римскаго права и привыкшіе смотрѣть на Римъ, какъ на источникъ всѣхъ учрежденій, не могутъ понять духа коммуналистическаго движенія двѣнадцатаго вѣка. Это смѣлое признаніе правъ личности и образованіе общества путемъ свободнаго соединенія людей въ деревни, города и союзы—было рѣшительнымъ отрицаніемъ того духа единства и централизаціи, которымъ отличался древній Римъ, и которымъ проникнуты всѣ историческія представленія современной оффиціальной науки.

Возстаніе двѣнадцатаго столѣтія нельзя приписать ни какой нибудь выдающейся личности, ни какому нибудь центральному учрежденію. Оно представляетъ собою естественное явленіе роста человѣчества, подобное родовому строю и деревенской общинѣ; оно принадлежитъ не какому нибудь одному народу или какой нибудь области, а извѣстной ступени человѣческаго развитія.

Вотъ почему оффиціальная наука не можетъ понять смысла этого движенія, и почему во Франціи Огюстенъ Тьерри и Сисмонди, оба писавшіе въ началѣ 19-го столѣтія и дѣйствительно понимавшіе этотъ періодъ, до настоящаго времени не имѣли послѣдователей. Теперь только Люшеръ попытался—и то очень несмѣло, слѣдовать по пути, указанному великимъ историкомъ меровингскаго и коммуналистическаго періода (Ог. Тьерри). Потому же и въ Германіи изслѣдованія этого періода и смутное пониманіе его духа только теперь выдвигаются впередъ. Въ Англіи, вѣрную оцѣнку этихъ вѣковъ можно найти только у поэта Уильяма Мориса, а не у историковъ, за исключеніемъ развѣ Грина, который только подъ конецъ своей жизни началъ понимать его. Въ Россіи же, гдѣ, какъ извѣстно, вліяніе рим-

скаго права менѣе глубоко, Бѣляевъ, Костомаровъ, Сергѣевичъ и нѣкоторые другіе превосходно поняли духъ вѣчевого періода.

* * *

Средневѣковая община составилась, съ одной стороны, изъ сельской общины, а съ другой, изъ множества союзовъ и гильдій, существовавшихъ внѣ территоріальныхъ границъ. Она образовалась изъ федераціи этихъ двухъ родовъ союзовъ, подъ защитой городскихъ стѣнъ и башенъ.

Во многихъ мѣстахъ она явилась какъ результатъ медленнаго роста. Въ другихъ же—какъ во всей западной Европѣ—она была результатомъ революціи. Когда жители того или другого мѣстечка чувствовали себя въ достаточной безопасности за своими стѣнами, они составляли „со-присягательство“ (con juration). Члены его клялись забыть всѣ прежнія дѣла объ обидахъ, дракахъ или увѣчіяхъ, а въ будущемъ не прибѣгать, въ случаѣ ссоры, ни къ какому другому судьѣ, кромѣ выбранныхъ ими самими гильдейскихъ или городскихъ синдиковъ.

Во всякомъ ремесленномъ союзѣ, во всякой гильдіи добрыхъ сосѣдей, во всякой задругѣ этотъ обычай существовалъ издавна. Тоже было и въ сельской общинѣ, пока епископу или князю не удалось ввести въ нее, а впослѣдствіи навязать силою, своихъ судей. Теперь всѣ слободы и приходы, вошедшіе въ составъ города, вмѣстѣ съ братствами и гильдіями, создавшимися въ немъ, составляли amitas („дружбу“), выбирали своихъ судей и клялись быть вѣрными возникшему постоянному союзу между всѣми этими группами.

Наскоро составлялась и принималась хартія. Иногда посылали для образца за хартіей въ какой нибудь сосѣдній городъ (мы знаемъ теперь сотни такихъ хартій)—и новая община была создана. Епископу или князю, которые до сихъ поръ вершили судъ среди общинниковъ и часто дѣлались ихъ господами,—теперь осталось только признать совершившійся фактъ или же бороться противъ молодого союза оружіемъ. Нерѣдко король, т. е. такой князь, который старался добиться главенства надъ другими князьями, и казна котораго была всегда пуста, „жаловалъ“ хартію за деньги. Онъ отказывался этимъ отъ назначенія общинѣ с в о е г о судьи, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвышался, пріобрѣталъ больше

значенія передъ другими феодальными баронами, какъ покровитель такихъ-то городовъ. Но это далеко не было общимъ правиломъ: сотни вольныхъ городовъ жили безъ всякаго другого права, кромѣ собственной воли, подъ защитой своихъ стѣнъ и копій.

* * *

Въ теченіе одного столѣтія это движеніе распространилось (нужно замѣтить, путемъ подражанія) съ замѣчательнымъ единодушіемъ по всей Европѣ. Оно охватило Шотландію, Францію, Нидерланды, Скандинавію, Германію, Италію, Испанію, Польшу и Россію, и когда мы сравниваемъ теперь хартіи и внутреннее устройство вольныхъ городовъ французскихъ, англійскихъ, шотландскихъ ирландскихъ, скандинавскихъ, германскихъ, богемскихъ, русскихъ, швейцарскихъ, итальянскихъ или испанскихъ—насъ поражаетъ почти буквальное сходство этихъ хартій и республикъ, выросшихъ подъ сѣнію такого рода общественныхъ договоровъ. Какой знаменательный урокъ всѣмъ поклонникамъ Рима и гетельянцамъ, которые не могутъ себѣ представить другого способа достигнуть однообразія учрежденій, кромѣ рабства передъ закономъ!

Отъ Атлантическаго океана до Волги и отъ Норвегіи до Италіи, вся Европа была покрыта подобными же вольными городами, изъ которыхъ одни, какъ Флоренція, Венеція, Нюренбергъ или Новгородъ, сдѣлались многолюдными центрами, другіе же оставались небольшими городами, состоявшими всего изъ сотни семействъ, причемъ они всетаки считались равными въ глазахъ другихъ болѣе цвѣтущихъ городовъ.

Развитіе этихъ, полныхъ жизни и силы, организмовъ шло, конечно, не вездѣ однимъ и тѣмъ же путемъ. Географическое положеніе и характеръ внѣшнихъ торговыхъ сношеній, препятствія, которыя приходилось преодолѣвать,—все это создавало для каждой изъ этихъ общинъ свою исторію. Но въ основѣ всѣхъ ихъ лежалъ одинъ и тотъ же принципъ. Какъ Псковъ въ Россіи, такъ и Брюгге въ Нидерландахъ, какъ какое нибудь шотландское мѣстечко съ тремя стами жителей, такъ и цвѣтущая Венеція со своими людными островами, какъ любой городокъ въ сѣверной Франціи или Польшѣ, такъ и красавица Флоренція—всѣ они составляли тѣ же amitas, тѣ же союзы сельскихъ общинъ и соеди-

ненныхъ гильдій. Въ общихъ чертахъ, ихъ внутреннее устройство было вездѣ одно и то же.

* * *

По мѣрѣ роста городского населенія стѣны города раздвигались, становилось толще, и къ нимъ прибавлялись новыя и все болѣе высокія башни; каждая изъ этихъ башенъ воздвигалась тѣмъ или другимъ кварталомъ города, той или другой гильдіей и носила свой особый характеръ. Городъ дѣлился обыкновенно на нѣсколько кварталовъ или концовъ,—четыре, пять или шесть, ограниченныхъ улицами, которые расходились по радіусамъ отъ центральнаго кремля къ стѣнамъ. Эти концы или кварталы были обыкновенно заселены, каждый особымъ ремесломъ или мастерствомъ; новыя ремесла,—молодые цехи,—занимали слободы, которыя со временемъ также вносились въ черту города и городскихъ стѣнъ.

Каждая улица и приходъ представляютъ особую земельную единицу, соотвѣтствующую старинной сельской общинѣ; они имѣютъ своего уличанскаго или приходского старосту, свое уличанское вѣче, свое судилище, своего избраннаго священника, свою милицію, свое знамя и часто свою печать—символъ государственной независимости. Эту независимость они сохраняютъ и при вступленіи въ союзъ съ другими улицами и приходами *).

Профессіональной единицей, часто совпадающей или почти совпадающей съ улицей или приходомъ, является гильдія—ремесленный союзъ. Этотъ союзъ точно также сохраняетъ своихъ святыхъ, свои уставы, свое вѣче, своихъ судей. У него своя касса, свое ополченіе, свое знамя. Онъ точно также имѣетъ свою печать и сохраняетъ полную независимость. Въ случаѣ войны, если гильдія сочтетъ нужнымъ, ея милиція пойдетъ рядомъ съ милиціями другихъ гильдій, и ея знамя будетъ водружено рядомъ съ большимъ знаменемъ, или carosse всего города.

Городъ представляетъ собою союзъ этихъ концовъ, улицъ, приходовъ и гильдій; онъ имѣетъ свое обще-народное собраніе всѣхъ жителей въ главномъ вѣчѣ, свою главную ратушу, выборныхъ судей и свое знамя, вокругъ котораго собираются знамена

---

[1]) Для Россіи, см. въ особенности Бѣляева, «Разсказы изъ Русской исторіи».

всѣхъ гильдій и улицъ. Онъ вступаетъ въ переговоры съ другими городами, какъ вполнѣ полноправная единица, соединяется съ кѣмъ ему угодно и заключаетъ съ кѣмъ захочетъ національные и международные союзы. Такъ, англійскіе „Cinque Perts", расположенные около Дувра, образуютъ союзъ съ французскими и нидерландскими портовыми городами по другую сторону пролива; точно также русскій Новгородъ соединяется съ скандинаво-германской Ганзой и т. д. Во внѣшнихъ сношеніяхъ каждый городъ имѣетъ всѣ права современнаго государства. Именно въ это время и создается, благодаря добровольному соглашенію, та сѣть договоровъ, которая потомъ стала извѣстна подъ именемъ международнаго права; эти договоры находились подъ охраной общественнаго мнѣнія всѣхъ городовъ и соблюдались лучше, чѣмъ теперь соблюдается международное право.

Часто, въ случаѣ неумѣнья рѣшить какой нибудь запутанный споръ, городъ обращался за рѣшеніемъ къ сосѣднему городу. Духъ того времени—стремленіе обращаться скорѣе къ третейскому суду, чѣмъ къ власти—безпрестанно проявлялся въ такомъ обращеніи двухъ спорящихъ общинъ къ третьей.

* * *

То же видимъ мы и у ремесленныхъ союзовъ. Они ведутъ свои торговыя сношенія совершенно независимо отъ городовъ, вступаютъ въ договоры помимо всякихъ національныхъ дѣленій. И когда мы теперь гордимся международными конгрессами рабочихъ, мы въ своемъ невѣжествѣ совершенно забываемъ, что международные съѣзды ремесленниковъ и даже подмастерьевъ собирались уже въ пятнадцатомъ столѣтіи.

Въ случаѣ нападенія, средневѣковой городъ или защищается самъ, ведетъ ожесточенныя войны съ окрестными феодальными баронами, ежегодно назначая одного или двухъ человѣкъ для команды надъ своими милиціями; или же онъ принимаетъ особаго „военнаго защитника"—какого нибудь князя или герцога, избираемаго городомъ на одинъ годъ и съ правомъ отставки, когда городъ найдетъ нужнымъ. На содержаніе дружины ему обыкновенно даютъ деньги, собираемыя въ видѣ судебныхъ взысканій и штрафовъ; но вмѣшиваться во внутреннія дѣла города онъ не имѣетъ права. Иногда, когда городъ слишкомъ слабъ, чтобы

вполнѣ освободиться отъ окружающихъ его феодальныхъ хищниковъ, онъ обращается, какъ къ болѣе или менѣе постоянному „военному защитнику", къ епископу или князю той или другой фамиліи—Гвельфовъ или Гибелиновъ въ Италіи, Рюриковичей въ Россіи, или Ольгердовичей—въ Литвѣ; но при этомъ городъ зорко слѣдитъ, чтобы власть епископа или князя никоимъ образомъ не распространялась дальше дружинниковъ, живущихъ въ замкѣ. Ему даже запрещается входить въ городъ безъ особаго разрѣшенія. Извѣстно, что англійская королева и до сихъ поръ не можетъ въѣхать въ Лондонъ безъ разрѣшенія лордъ-мера, т. е. городского головы.

* * *

Мнѣ очень хотѣлось бы подробно остановиться на экономической сторонѣ жизни средневѣковыхъ городовъ, но она была такъ разнообразна, что о ней нужно было бы говорить довольно долго, чтобы дать о ней вѣрное понятіе. Достаточно будетъ замѣтить, что внутренняя торговля всегда велась гильдіями, а не отдѣльными ремесленниками, и что цѣны назначались по взаимному соглашенію. Внѣшняя же торговля велась вначалѣ исключительно самими городами: ее ведетъ Господинъ Великій Новгородъ, Генуя и т. д.; и только впослѣдствіи она сдѣлалась монополіей купеческихъ гильдій, а еще позднѣе—отдѣльныхъ личностей. По воскресеньямъ и по субботамъ послѣ обѣда (это считалось временемъ для бани) никто не работалъ. Закупкой главныхъ предметовъ необходимыхъ потребностей, какъ хлѣбъ, уголь и т. п. завѣдывалъ городъ, который потомъ и доставлялъ ихъ своимъ жителямъ, по своей цѣнѣ. Въ Швейцаріи закупка зерна цѣлымъ городомъ сохранялась до средины 19-го столѣтія.

Вообще мы можемъ сказать на основаніи множества всевозможныхъ историческихъ документовъ, что человѣчество ни прежде, ни послѣ этого періода никогда не знало такого сравнительнаго благосостоянія, обезпеченнаго для всѣхъ, какимъ пользовались средневѣковые города. Теперешняя нищета, неувѣренность въ будущемъ и чрезмѣрный трудъ въ средневѣковомъ городѣ были совершенно неизвѣстны.

V.

Благодаря всѣмъ этимъ элементамъ—свободѣ, организаціи отъ простого къ сложному, тому, что производство и внутренній обмѣнъ велись ремесленными союзами (гильдіями), а внѣшній обмѣнъ и закупка главныхъ предметовъ потребленія производились самимъ городомъ,—средневѣковые города, въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій своего существованія, сдѣлались центрами благосостоянія для всего своего населенія, центрами богатства, высокаго развитія и образованности.

Когда справляешься съ документами, дающими возможность установить размѣръ заработной платы, сравнительно со стоимостью предметовъ потребленія (Т. Роджерсъ сдѣлалъ это для Англіи, а многіе нѣмецкіе писатели—для Германіи), то ясно видно, что трудъ ремесленника и даже простого поденщика того времени оплачивался лучше, чѣмъ оплачивается въ наше время трудъ наиболѣе искуснаго рабочаго. Счетныя книги Оксфородскаго университета и нѣкоторыхъ имѣній въ Англіи, а также нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ городовъ, ясно доказываютъ это.

Съ другой стороны обратите вниманіе на художественную отдѣлку, на количество орнаментовъ, которыми работникъ того времени украшалъ не только настоящія произведенія искусства, какъ, напримѣръ, городскую ратушу или соборъ, но даже самую простую домашнюю утварь, какую нибудь рѣшетку, какой нибудь подсвѣчникъ, чашку или горшокъ,—и вы сейчасъ же поймете, что онъ не зналъ ни торопливости, ни спѣшности, ни переутомленія нашего времени; онъ могъ ковать, лѣпить, ткать, вышивать, не спѣша, что теперь могутъ дѣлать лишь очень немногіе работники—артисты. Если же мы взглянемъ на работы, дѣлавшіяся рабочими безплатно, для украшенія церквей и общественныхъ зданій, принадлежавшихъ приходамъ, гильдіямъ или всему городу, а также на ихъ приношенія этимъ зданіямъ,—будь то произведенія искусства, какъ художественныя панели, скульптурныя произведенія, издѣлія изъ кованнаго желѣза, чугуна или даже серебра,—или же простая работа столяра или каменщика, то мы сразу увидимъ, какого благосостоянія сумѣли достигнуть тогдашніе города. Мы увидимъ также на всемъ, что бы

ни дѣлалось въ то время, отпечатокъ духа изобрѣтательности и исканіе новаго, духъ свободы, вдохновляющій весь ихъ трудъ, чувство братской солидарности, которая развивалась въ гильдіяхъ, гдѣ люди объединялись не только ради практическихъ нуждъ своего ремесла, но и связаны были узами братства и общественности. Гильдейскими правилами предписывалось, напримѣръ, чтобы два „брата“ всегда присутствовали у постели „брата“ въ случаѣ болѣзни—что въ тѣ времена чумы и повальныхъ заразъ требовало не мало самоотверженія; въ случаѣ же смерти, гильдія брала на себя всѣ хлопоты и расходы по похоронамъ умершаго, брата или сестры, и считала своимъ долгомъ проводить до могилы его тѣло и позаботиться объ его вдовѣ и дѣтяхъ.

Ни отчаянной нищеты, ни подавленности, ни неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, которыя висятъ надъ большинствомъ населенія современныхъ городовъ, въ этихъ „оазисахъ, возникшихъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ среди феодальныхъ лѣсовъ“—совершенно не было извѣстно.

* * *

Подъ защитой своихъ вольностей, выросшихъ на почвѣ свободнаго соглашенія и свободнаго почина, въ этихъ городахъ возникла и развилась новая цивилизація съ такою быстротой, что ничего подобнаго этой быстротѣ въ исторіи не встрѣчается ни раньше, ни позже.

Вся современная промышленность ведетъ свое начало отъ этихъ городовъ. Въ теченіе трехъ столѣтій ремесла и искусства достигли въ нихъ такого совершенства, что нашъ вѣкъ превзошелъ ихъ развѣ только въ быстротѣ производства, рѣдко—въ качествѣ и почти никогда въ художественности издѣлій. Несмотря на всѣ наши усилія оживить искусство, развѣ мы можемъ сравняться въ живописи по красотѣ съ Рафаэлемъ? по силѣ и смѣлости—съ Миккель Анджело? въ наукѣ и искусствѣ—съ Леонардо да Винчи? въ поэзіи и красотѣ языка—съ Данте? или въ архитектурѣ—съ творцами соборовъ въ Лаонѣ, Реймсѣ, Кельнѣ, которыхъ „строителями“, по выраженію Виктора Гюго, „былъ самъ народъ“? И гдѣ найти такія сокровища красоты, какъ во Флоренціи и Венеціи, какъ ратуши въ Бременѣ и Прагѣ, какъ башни

Нюренберга и Пизы и т. д. до безконечности? Всѣ эти памятники искусства—творенія этого періода вольныхъ городовъ.

Если вы захотите смѣрить однимъ взглядомъ все, что было внесено новаго этою цивилизаціею, сравните куполъ собора Св. Марка въ Венеціи съ неумѣлыми норманскими сводами, или картины Рафаэля съ наивными вышивками и коврами Байе, нюренбергскіе математическіе и физическіе инструменты и часы съ песочными часами предыдущихъ столѣтій; звучный языкъ Данте—съ варварской латынью десятаго вѣка... Между этими двумя эпохами выросъ цѣлый новый міръ.

* * *

За исключеніемъ еще одной славной эпохи—опять таки эпохи вольныхъ городовъ въ древней Греціи—человѣчество никогда еще не шло такъ быстро впередъ, какъ въ этотъ періодъ. Никогда еще человѣкъ въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ не переживалъ такого глубокаго измѣненія; никогда еще ему не удавалось развить до такой степени свое могущество надъ силами природы.

Вы, можетъ быть, подумаете о нашей современной цивилизаціи, успѣхами которой мы такъ гордимся? Но она, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, есть лишь дитя той цивилизаціи, которая выросла среди вольныхъ средневѣковыхъ городовъ. Всѣ великія открытія, создавшія современную науку, какъ компасъ, часы, печатный станокъ; открытіе новыхъ частей свѣта, порохъ, законъ тяготѣнія, законъ атмосфернаго давленія, явилась паровая машина, основанія химіи, научный методъ указанный Роджеромъ Бэкономъ и прилагавшійся въ итальянскихъ университетахъ—что все это, какъ не наслѣдіе той цивилизаціи вольныхъ городовъ, которая развилась въ нихъ подъ охраной общинныхъ вольностей.

* * *

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что я забываю внутреннюю борьбу партій, которой полна исторія этихъ общинъ; забываю уличныя схватки, отчаянную борьбу съ феодальными владѣльцами, возстанія „молодыхъ ремеслъ“ противъ „старыхъ ремеслъ“, кровопролитія и репрессаліи этой борьбы...

Нѣтъ, я вовсе не забываю этого. Но вмѣстѣ съ Лео и Ботта, двумя историками средневѣковой Италіи, съ Сисмонди, съ Феррари, Джино Каппони и многими другими, я вижу именно въ этихъ столкновеніяхъ партій залогъ вольной жизни этихъ городовъ. Я вижу, какъ послѣ изъ такихъ столкновеній, жизнь города дѣлала новый и новый шагъ впередъ. Лео и Ботта заканчиваютъ свой подробный обзоръ этихъ кровавыхъ уличныхъ столкновеній, происходившихъ въ средневѣковыхъ итальянскихъ городахъ, и совершавшагося одновременно съ ними громаднаго движенія впередъ (обезпеченіе благосостоянія для всѣхъ жителей, возрожденіе новой цивилизаціи) слѣдующею очень вѣрною мыслью, которую каждый революціонеръ нашего времени долженъ былъ бы запомнить: „Коммуна только тогда и представляетъ, говорятъ они, картину нравственнаго цѣлаго, только тогда и носитъ общественный характеръ, когда она, подобно самому человѣческому уму, допускаетъ въ своей средѣ противорѣчія и столкновенія".

Да, столкновенія, но разрѣшающіяся свободно, безъ вмѣшательства какой-то внѣшней силы, безъ вмѣшательства государства, давящаго своею громадною тяжестью на одну изъ чашекъ вѣсовъ, въ пользу той или другой изъ борющихся силъ.

Подобно этимъ двумъ писателямъ, я также думаю, что „навязываніе" мира часто причиняетъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы, потому что такимъ образомъ противоположныя вещи насильно связываются, ради установленія однообразнаго порядка; отдѣльныя личности и мелкіе организмы приносятся въ жертву одному „огромному, поглощающему ихъ тѣлу — безцвѣтному и безжизненному".

Вотъ почему вольные города до тѣхъ поръ, пока они не стремились сдѣлаться государствами и распространять свое господство надъ деревнями и пригородами, т. е. создать „огромное тѣло, безцвѣтное и безжизненное," — росли и выходили изъ этихъ внутреннихъ столкновеній съ каждымъ разомъ моложе и сильнѣе. Они процвѣтали, хотя на ихъ улицахъ гремѣло оружіе, тогда какъ, двѣсти лѣтъ спустя, та же самая цивилизація рушилась подъ шумъ войнъ, которыя стали вести между собою государства.

Дѣло въ томъ, что въ вольныхъ городахъ борьба шла для завоеванія и сохраненія свободы личности, за принципъ федераціи, за право свободнаго союза и совмѣстнаго дѣйствія; тогда какъ государства воевали изъ за подавленія личности, за уничтоженіе свободнаго соглашенія, за объединеніе всѣхъ своихъ подданныхъ въ одномъ общемъ рабствѣ, передъ королемъ, судьей и попомъ, т. е. передъ государствомъ.

Въ этомъ вся и разница. Есть борьба, есть столкновенія, которыя убиваютъ, и есть такія, которыя двигаютъ человѣчество впередъ.

VI.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ явились новые, современные варвары и разрушили всю эту цивилизацію средневѣковыхъ вольныхъ городовъ. Имъ, конечно, не удалось уничтожить ее совершенно, но, во всякомъ случаѣ, они задержали ея ростъ по крайней мѣрѣ на два или на три столѣтія, и дали ей другое направленіе.

Они сковали по рукамъ и ногамъ личность, отняли у нея всѣ вольности; они потребовали, чтобы люди забыли свои союзы, строившіеся на свободномъ починѣ и свободномъ соглашеніи, чтобы все общество подчинилось рѣшительно во всемъ единому повелителю. Всѣ непосредственныя связи между людьми были разрушены на томъ основаніи, что только государству и церкви должно принадлежать право объединять людей, что только они призваны вѣдать промышленные, торговые, правовые, художественные, общественные и личные интересы, ради которыхъ люди двѣнадцатаго вѣка обыкновенно соединялись между собою непосредственно.

И кто же были эти варвары?—Никто иной, какъ государство—вновь возникшій тройственный союзъ между военнымъ вождемъ, судьей (наслѣдникомъ римскихъ традицій) и священникомъ, тремя силами, соединившимися ради взаимнаго обезпеченія своего господства и образовавшими единую власть, которая стала повелѣвать обществомъ и, въ концѣ концовъ, раздавила его.

* * *

Естественно является вопросъ, какимъ образомъ эти новые

варвары могли одолѣть такіе могущественные организмы, какъ средневѣковые вольные города? Откуда почерпнули они силу для этого?

Эту силу, прежде всего, дала имъ деревня. Какъ древнегреческіе города не сумѣли освободить рабовъ, такъ и средневѣковые города, освобождая горожанъ, не сумѣли въ то же время освободить отъ крѣпостного рабства крестьянъ.

Правда, во время освобожденія городовъ горожане, сами соединявшіе ремесло съ земледѣліемъ, почти вездѣ пытались привлечь деревенское населеніе къ дѣлу своего освобожденія. Въ теченіе двухъ столѣтій горожане Италіи, Испаніи и Германіи вели упорную войну съ феодальными баронами и проявили въ этой борьбѣ чудеса героизма и настойчивости. Они отдавали послѣднія силы на то, чтобы побѣдить господскіе замки и разрушить окружавшій ихъ феодальный строй.

Но успѣхъ, котораго они достигли, былъ неполный, и утомившись борьбой, они заключили съ баронами миръ, въ которомъ пожертвовали интересами крестьянина. Внѣ предѣловъ той территоріи, которую города отбили для себя, они предали крестьянина въ руки барона—только для того, чтобы прекратить войну. Въ Италіи и Германіи города даже признали барона гражданиномъ, съ условіемъ, чтобы онъ жилъ въ самомъ городѣ. Въ другихъ мѣстахъ они раздѣляли съ нимъ господство надъ крестьянами, и горожане сами стали владѣть крѣпостными.

И за то-же бароны отомстили горожанамъ; которыхъ они, и презирали, и ненавидѣли. Они начали заливать кровью улицы городовъ, изъ за вражды и мести между своими дворянскими родами, которые не отдавали, конечно, своихъ раздоровъ на судъ презираемыхъ ими общинныхъ судей и городскихъ синдиковъ, а предпочитали разрѣшать ихъ на улицахъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Кромѣ того, дворяне стали развращать горожанъ своею расточительностью, своими интригами, своей роскошной жизнью, своимъ образованіемъ, полученнымъ при королевскихъ или епископскихъ дворахъ. Они втягивали гражданъ въ свои безконечныя ссоры. И граждане, въ концѣ концовъ, начали подражать дворянамъ; они сдѣлались въ свою очередь господами и стали обогащаться на счетъ труда крѣпостныхъ, живущихъ въ деревняхъ, внѣ городскихъ стѣнъ.

При такихъ условіяхъ, короли, императоры, цари и папы нашли поддержку въ крестьянствѣ, когда они начали собирать свои царства и подчинять себѣ города. Тамъ гдѣ крестьяне не шли прямо за ними, они во всякомъ случаѣ предоставляли имъ дѣлать, что хотятъ. Они не защищали городовъ.

* * *

Королевская власть постепенно складывалась именно въ деревнѣ, въ укрѣпленномъ замкѣ, окруженномъ сельскимъ населеніемъ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ она существовала лишь по имени; мы знаемъ теперь, что такое были тѣ предводители мелкихъ разбойничьихъ шаекъ, которые присвоивали себѣ титулъ королей, не имѣвшій—какъ доказалъ Огюстенъ Тьерри—тогда почти никакого значенія. Скандинавскіе рыбаки имѣли своихъ „королей надъ неводомъ“, даже у нищихъ были свои „короли“: король, князь, конунгъ былъ просто временнымъ предводителемъ.

Медленно и постепенно, то тутъ, то тамъ, какому нибудь болѣе сильному или болѣе хитрому князю удавалось возвыситься надъ остальными. Церковь, конечно, была всегда готова поддержать его. Путемъ насилія, интригъ, подкупа, а гдѣ нужно, и кинжала и яда, онъ достигалъ господства надъ другими феодалами. Такъ складывалось, между прочимъ, московское царство *). Но мѣстомъ возникновенія королевской власти никогда не были вольные города съ ихъ шумнымъ вѣчемъ, съ ихъ Тарпейской скалой или Волховымъ для тирановъ; эта власть всегда зарождалась въ провинціи, въ деревняхъ.

Во Франціи, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ основаться въ Реймсѣ или Ліонѣ, она избрала для этого Парижъ, который былъ собраніемъ деревень и маленькихъ городковъ, окруженныхъ богатыми деревнями, но гдѣ не было вольнаго вѣчеваго города. Въ Англіи королевская власть основалась въ Вестминстерѣ—у воротъ многолюднаго Лондона; въ Россіи—въ Кремлѣ, построенномъ среди богатыхъ деревень на берегу Москвы рѣки, послѣ неудачныхъ попытокъ въ Суздалѣ и Владимірѣ; но она

*) См. Костомарова, „Начало единодержавія на Руси“,—особенно статью въ „Вѣстникѣ Европы“. Для изданія въ его „Матеріалахъ“, Костомаровъ ослабилъ эту статью,—вѣроятно, по требованію цензуры.

никогда не могла укрѣпиться въ Новгородѣ или во Псковѣ, въ Нюренбергѣ или во Флоренціи.

Сосѣдніе крестьяне снабжали королей зерномъ, лошадьми и людьми; кромѣ того, эти нарождающіеся тираны обогащались торговлей—уже не общинной, а королевской. Церковь окружала ихъ своими заботами, защищала ихъ, поддерживала ихъ своей казной, наконецъ изобрѣтала для королевскаго города особаго святого и особыя чудеса. Она окружала благоговѣніемъ Парижскую Богоматерь или Московскую Иверскую. Въ то время, какъ вольные города, освободившись изъ подъ власти епископовъ, съ юношескимъ пыломъ стремились впередъ, Церковь медленно работала надъ возстановленіемъ своей власти черезъ посредство нарождающихся королей; она окружала въ особенности нѣжными заботами, фиміамомъ и золотомъ фамильную колыбель того, кого она въ концѣ концовъ избирала, чтобы въ союзѣ съ нимъ возстановить свою силу и вліяніе. Повсюду—въ Парижѣ, въ Москвѣ, въ Мадридѣ, въ Вестминстерѣ, мы видимъ, какъ Церковь заботливо охраняетъ колыбель королевской или царской власти.

Сильная своимъ образованіемъ въ государственномъ духѣ, опираясь въ своей дѣятельности на людей съ сильной волей и хитрымъ умомъ, которыхъ она умѣло отыскивала во всѣхъ классахъ общества, искушенная опытомъ въ интригахъ и свѣдущая въ Римскомъ и Византійскомъ законахъ, Церковь упорно работаетъ надъ достиженіемъ своего идеала—утвержденіемъ сильнаго короля въ библейскомъ духѣ, т. е. неограниченнаго въ своей власти, но послушнаго вліянію верховнаго первосвященника,—короля, который былъ бы простымъ гражданскимъ орудіемъ въ рукахъ Церкви.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ совмѣстная работа этихъ двухъ заговорщиковъ—короля и церкви—была въ полномъ ходу. Король уже господствовалъ надъ своими соперниками баронами, и его рука уже была занесена надъ вольными городами, чтобы раздавить въ свою очередь и ихъ.

* * *

Впрочемъ, и города шестнадцатато столѣтія были уже не тѣмъ, чѣмъ мы ихъ видѣли въ двѣнадцатомъ, тринадцатомъ и четырнадцатомъ. Родились они изъ освободительной революціи

двѣнадцатаго вѣка; но у нихъ не достало смѣлости распространить свои идеи равенства ни на окружающее населеніе, ни даже на тѣхъ горожанъ, которые позднѣе поселились въ чертѣ городскихъ стѣнъ, какъ въ убѣжищѣ свободы, и которые создавали тамъ новыя ремесла. Во всѣхъ городахъ явилось различіе между старыми родами, сдѣлавшими революцію двѣнадцатаго вѣка—иначе просто „родами"—и молодыми, которые поселились въ городахъ позднѣе. Старая „Торговая Гильдія" не выказывала желанія принимать въ свою среду новыхъ пришельцевъ и отказывалась допустить къ участію въ въ своей торговлѣ „молодыя ремесла". Изъ простого торговаго агента города, который прежде продавалъ товары за счетъ города, она превратилась въ маклера и посредника, богатѣвшаго на счетъ внѣшней торговли и вносившаго въ городскую жизнь восточную пышность. Позднѣе, „торговая гильдія" соединяется съ землевладѣльцами и духовенствомъ, или же ищетъ опоры для своей монополіи, для своего права на обогащеніе, въ ближайшемъ королѣ. Переставши быть общинной и сдѣлавшись личной, торговля наконецъ убиваетъ вольный городъ.

Кромѣ того, старыя ремесленныя гильдіи, которыя вначалѣ составляли городъ и его вѣче, не хотятъ признавать за гильдіями болѣе молодыхъ ремеслъ тѣхъ же правъ, какими пользуются сами. Молодымъ ремесламъ приходится добиваться равноправія путемъ революціи. Революція, дѣйствительно, происходитъ повсюду, въ каждомъ изъ городовъ, котораго исторія намъ извѣстна.

Но если, въ большинствѣ случаевъ, она ведетъ къ обновленію всей жизни, всѣхъ ремеслъ и искусствъ—что очень ясно замѣтно во Флоренціи—то въ другихъ городахъ она иногда кончается побѣдой богатыхъ (popolo grasso) надъ бѣдными (popolo basso), подавленіемъ движенія, безчисленными ссылками и казнями, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ борьбу вмѣшиваются бароны и духовенство.

Нечего и говорить, что впослѣдствіи, когда короли, прошедшіе черезъ школу маккіавелизма, стали вмѣшиваться во внутреннюю жизнь вольныхъ городовъ, они избрали предлогомъ для вмѣшательства „защиту бѣдныхъ отъ притѣсненія богатыхъ". То, что происходило въ Россіи, когда Московскіе великіе князья, а впослѣдствіи цари, шли покорять Новгородъ и Псковъ, подъ-

предлогомъ защиты „черныхъ сотенъ“ и „мелкихъ людишекъ“ отъ богатыхъ, случилось также повсемѣстно, въ Германіи, во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи и т. д.

* * *

Кромѣ того, города должны были погибнуть еще потому, что самыя понятія людей измѣнились. Ученія каноническаго и римскаго закона совершенно извратили ихъ умы.

Европеецъ двѣнадцатаго столѣтія былъ по существу федералистомъ. Онъ стоялъ за свободный починъ, за свободное соглашеніе, за добровольный союзъ и видѣлъ въ собственной личности исходный пунктъ общества. Онъ не искалъ спасенія въ повиновеніи, не ждалъ пришествія спасителя общества. Понятіе христіанской или римской дисциплины было ему совершенно чуждо.

Но подъ вліяніемъ, съ одной стороны, христіанской церкви, всегда стремящейся къ господству, всегда старающейся наложить свою власть на души, и въ особенности на трудъ вѣрующихъ; а съ другой, подъ вліяніемъ римскаго права, которое, уже начиная съ двѣнадцатаго вѣка, проникаетъ ко дворамъ сильныхъ бароновъ, королей и папъ, и скоро дѣлается любимымъ предметомъ изученія въ университетахъ—подъ вліяніемъ этихъ двухъ, такъ хорошо отвѣчающихъ другъ другу, хотя и враждовавшихъ вначалѣ ученій—умы людей постепенно развращаются, по мѣрѣ того, какъ попъ и юристъ пріобрѣтаютъ больше и больше вліянія.

Человѣкъ начинаетъ любить власть. Если въ городѣ происходитъ возстаніе низшихъ ремеслъ, оно зоветъ къ себѣ на помощь какого нибудь спасителя, выбираетъ диктатора, или городского царька, и надѣляетъ его неограниченной властью для уничтоженія противной партіи. И диктаторъ пользуется ею со всей утонченной жестокостью, заимствованной отъ церкви и отъ восточныхъ деспотій.

Церковь оказываетъ ему поддержку: вѣдь ея мечта именно библейскій король, преклоняющій колѣна передъ первосвященникомъ и становящійся его послушнымъ орудіемъ! Кромѣ того, она ненавидитъ всѣми силами души и тотъ духъ раціонализма, который царствовалъ въ вольныхъ городахъ въ эпоху перваго воз-

рожденія—т. е. возрожденія двѣнадцатаго вѣка *)—и тѣ „языческія“ идеи, которыя звали человѣка назадъ къ природѣ подъ вліяніемъ вновь открытой древне-греческой цивилизаціи, и, наконецъ, то теченіе, которое, во имя первобытнаго христіанства, привело позднѣе къ возстанію противъ папы, духовенства и церкви вообще. Костеръ, пытки и висѣлица—излюбленное оружіе церкви—были пущены въ ходъ противъ ересиковъ. Для церкви въ этомъ случаѣ было безразлично, кто бы ни былъ ея орудіемъ—папа, король или диктаторъ,—лишь бы костеръ, дыбы и висѣлица дѣлали свое дѣло противъ еретиковъ...

Подъ давленіемъ этихъ двухъ вліяній—римскаго юриста и попа—старый федералистскій духъ, духъ свободнаго почина и свободнаго соглашенія, вымиралъ и уступалъ мѣсто духу дисциплины, духу правительственной и пирамидальной организаціи. И богатые классы, и народъ одинаково требовали спасителя себѣ извнѣ.

И когда этотъ спаситель явился, когда король, разбогатѣвшій вдали отъ шумнаго городского вѣча, въ имъ самимъ созданныхъ городахъ, и окруженный подчиненными ему дворянами и крестьянами, постучался въ городскія ворота съ обѣщаніемъ „бѣднымъ“ своей мощной защиты отъ богатыхъ, а „богатымъ“—защиты отъ мятежныхъ бѣдныхъ, города, уже носившіе въ себѣ самихъ ядъ власти, не были въ силахъ ему сопротивляться. Они отперли королю свои ворота.

Кромѣ того, уже съ тринадцатаго вѣка, монголы покоряли и опустошали Восточную Европу, и теперь въ Москвѣ возникало, подъ вліяніемъ татарскихъ хановъ и православной церкви, новое царство. Затѣмъ турки вторгнулись въ Европу и основали свое государство, опустошая все на своемъ пути и дойдя въ 1453 году до самой Вѣны. И, чтобы дать имъ отпоръ, въ Польшѣ, въ Богеміи, въ Венгріи въ центрѣ Европы—возникали сильныя государства... Въ то же время на другомъ концѣ Европы, въ Испаніи, изгнаніе мавровъ дало возможность основаться въ Кастиліи и Арагонѣ новой могущественной державѣ, опиравшейся на Римскую церковь и инквизицію, на мечъ и застѣнокъ.

Эти набѣги и войны вели неизбѣжно къ вступленію Европы

---

*) См. Костомарова, „Русскіе раціоналисты двѣнадцатаго вѣка“.

въ новый періодъ жизни—въ періодъ военныхъ государствъ, которыя стремились „объединить“, т. е. подчинить всѣ другіе города одному королевскому, или велико-княжескому городу. А разъ сами города превращались уже въ мелкія государства, то послѣднія были неизбѣжно обречены на поглощеніе крупными.

VII.

Побѣда государства надъ вольными общинами и федералистическими учрежденіями среднихъ вѣковъ не совершилась, однако, безпрепятственно. Было даже время, когда можно было сомнѣваться въ его окончательной побѣдѣ.

Въ городахъ и обширныхъ сельскихъ областяхъ, въ средней Европѣ, возникло народное движеніе—религіозное по своей формѣ и внѣшнимъ проявленіямъ, но чисто коммунистическое и проникнутое стремленіемъ къ равенству по своему содержанію.

Еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ мы видимъ два такихъ крестьянскихъ движенія: во Франціи (около 1358 года) и въ Англіи (около 1381 года); первое извѣстно въ исторіи подъ названіемъ жакерій, а второе носитъ имя одного изъ своихъ крестьянскихъ вождей—Уата Тэйлора. Оба они потрясли тогдашнее общество до основанія. Оба были направлены, впрочемъ, главнымъ образомъ, противъ феодальныхъ помѣщиковъ. И хотя оба были разбиты, но въ Англіи это народное возстаніе рѣшительно положило конецъ крѣпостному праву; а во Франціи жакерія настолько остановила его развитіе, что дальнѣйшее его существованіе было скорѣе прозябаніемъ, и оно никогда не могло достигнуть такого развитія, какого достигло впослѣдствіи въ Германіи и восточной Европѣ.

И вотъ, въ шестнадцатомъ вѣкѣ подобное же движеніе вспыхнуло и въ центральной Европѣ, подъ именемъ движенія „гусситовъ“ въ Богеміи, „анабаптистовъ“ въ Германіи, Швейцаріи и Нидерландахъ. Сродное ему движеніе, извѣстное подъ именемъ „смутнаго времени“, совершилось въ Россіи, въ началѣ семнадцатаго вѣка. Въ западной Европѣ это было возстаніе, не только противъ феодальныхъ бароновъ и помѣщиковъ, но и воз-

станіе противъ церкви и государства; противъ каноническаго и римскаго права во имя первобытнаго христіанства.

Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ смыслъ этого движенія совершенно искажался казенными и церковными историками— и только теперь его въ нѣкоторой степени начинаютъ понимать.

Лозунгами этого движенія были, съ одной стороны, полная свобода личности, не обязанной повиноваться ничему, кромѣ предписаній своей совѣсти, съ другой—коммунизмъ. И только уже гораздо позднѣе, когда государству и церкви удалось истребить самыхъ горячихъ защитниковъ движенія, а самое движеніе ловко повернуть въ свою пользу, оно лишилось своего революціоннаго характера и выродилось въ реформацію Лютера.

Началось оно съ проповѣди, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ практическаго примѣненія безгосударственнаго анархизма,— къ сожалѣнію, однако, съ примѣсью религіозныхъ формъ. Но если откинуть религіозныя формулы, составлявшія неизбѣжную дань тому времени, то мы увидимъ, что это движеніе по существу подходитъ къ тому идейному теченію, представителями котораго являемся теперь мы: мы находимъ въ немъ отрицаніе всякаго закона, какъ государственнаго, такъ и божественнаго, на томъ основаніи, что собственная совѣсть должна быть единственнымъ закономъ для человѣка; защиту общины, какъ единственной распорядительницы своей судьбы, которая должна отобрать свои земли отъ феодальныхъ владѣльцевъ и перестать нести какую бы то ни было, денежную или личную, службу государству—однимъ словомъ, стремленіе осуществить на практикѣ коммунизмъ и равенство. Когда, напримѣръ, Денка, одного изъ философовъ анабаптическаго движенія, опросили, признаетъ ли онъ авторитетъ библіи, онъ отвѣтилъ, что единственно обязательными для поведенія человѣка онъ признаетъ только тѣ правила, которыя онъ самъ находитъ для себя въ библіи.—Но эти самыя неопредѣленныя формулы, заимствованныя изъ церковнаго языка,—этотъ самый авторитетъ „книги“, въ которой легко найти доводы за и противъ коммунизма и власти, эта особая неясность въ вопросѣ о рѣшительномъ провозглашеніи свободы, эта самая религіозная окраска движенія уже заключала въ себѣ зародыши пораженія его.

* * *

Возникши въ городахъ, движеніе скоро распространилось и на деревни. Крестьяне отказывались повиноваться кому бы то ни было и, надѣвши старый сапогъ или лапоть на копье, вмѣсто знамени, отбирали у помѣщиковъ захваченныя ими общинныя земли, разрывали цѣпи крѣпостного рабства, прогоняли поповъ и судей и организовывались въ вольныя общины. И только при помощи костра, пытки и висѣлицы, только вырѣзавши въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ больше 100,000 крестьянъ, королевской или императорской власти удалось при поддержкѣ папства и реформированной церкви—Лютеръ толкалъ на убійства даже больше, чѣмъ самъ папа—положить конецъ этимъ возстаніямъ, которыя, одно время, угрожали самому существованію зарождавшихся государствъ.

Лютеранская реформація, сама родившаяся изъ анабаптизма, помогала истребленію народа и подавленію того самаго движенія, которому она была обязана, въ началѣ своего существованія, всей своей силой. Остатки этого громаднаго умственнаго теченія укрылись въ общинахъ „моравскихъ братствъ", которыя въ свою очередь были раздавлены церковью и государствомъ. И только небольшія уцѣлѣвшія группы ихъ спаслись, переселившись, кто въ юго-восточную Россію, кто въ Гренландію, гдѣ они и до сихъ поръ еще живутъ общинами и отказываются нести какую бы то ни было службу государству.

Съ этихъ поръ существованіе государства было обезпечено. Юристъ, попъ, помѣщикъ и солдатъ, сомкнувшись въ дружный союзъ вокругъ трона, могли теперь снова продолжать свою гибельную работу.

И сколько лжи было нагромождено историками объ этомъ періодѣ! Всѣхъ насъ учили въ школѣ, что государство сослужило человѣчеству огромную службу, создавши національные союзы на развалинахъ феодальнаго общества; что такіе союзы оказывались прежде неосуществимыми, вслѣдствіе соперничества городовъ. Мы всѣ учились этому въ школьные годы и почти всѣ вѣрили этому и въ зрѣломъ возрастѣ.

И тѣмъ не менѣе теперь мы узнаемъ, что, несмотря на все свое соперничество, средне-вѣковые города въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ работали надъ сплоченіемъ этихъ союзовъ въ

федераціи, основанныя на добровольномъ соглашеніи, и что они вполнѣ успѣли въ этомъ.

Ломбардскій союзъ, напримѣръ, охватывалъ всѣ города сѣверной Италіи и имѣлъ свою федеральную казну въ Генуѣ и Венеціи. Другія федераціи, какъ Тосканскій союзъ, Рейнскій союзъ (включавшій 60 городовъ), федерація вестфальскихъ, богемскихъ, сербскихъ, польскихъ и русскихъ городовъ—покрывали собою всю Европу. Торговый Ганзейскій союзъ въ то же время обнималъ города Скандинавіи, сѣверной Германіи, Польши и Россіи вокругъ Балтійскаго моря. Всѣ элементы, нужные для образованія добровольныхъ союзовъ, и даже само практическое осуществленіе ихъ, здѣсь на лицо.

До сихъ поръ можно еще видѣть живые примѣры такихъ союзовъ. Посмотрите на Швейцарію. Тамъ союзъ возникъ прежде всего между сельскими общинами (старые кантоны), подобными существовавшимъ и во Франціи въ Лаонской провинціи. Затѣмъ, такъ какъ въ Швейцаріи города никогда не отдѣлялись вполнѣ отъ деревень (какъ это было въ другихъ странахъ, гдѣ города вели обширную внѣшнюю торговлю), то швейцарскіе города помогли деревнямъ во время ихъ возстанія въ шестнадцатомъ вѣкѣ; союзу поэтому удалось объединить и тѣ и другія въ одну федерацію и уцѣлѣть до сихъ поръ.

Но государство, по самой сущности своей, не можетъ терпѣть вольнаго союза; для государственнаго законника онъ составляетъ пугало: „государство въ государствѣ“! Государство не хочетъ терпѣть внутри себя добровольнаго союза людей, существующаго самого по себѣ. Оно признаетъ только п о д д а н н ы х ъ. Только государство и его опора—церковь—присвоили себѣ исключительное право быть соединительнымъ звѣномъ между отдѣльными личностями.

Понятно, поэтому, что государство непремѣнно должно было стремиться уничтожить города, основанные на прямой связи между гражданами. Оно о б я з а н о было уничтожить всякую внутреннюю связь въ такомъ городѣ, уничтожить самый городъ, уничтожить всякую связь между городами. На мѣсто федеративнаго принципа оно должно поставить подчиненіе и дисциплину. Это самый основной его принципъ. Безъ него оно перестаетъ быть г о с у д а р с т в о м ъ и превращается въ федерацію.

И вотъ весь, шестнадцатый вѣкъ, вѣкъ рѣзни и войнъ, вполнѣ исчерпывается этой борьбой на жизнь и смерть, которую нарождающееся государство объявило городамъ и ихъ союзамъ. Города осаждаются, берутся приступомъ и разграбляются; ихъ населеніе избивается и ссылается. Государство одерживаетъ побѣду по всей линіи, и вотъ каковы послѣдствія этой побѣды.

* * *

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ Европа была покрыта богатыми городами; ихъ ремесленники, каменщики, ткачи и рѣзчики производили чудеса искусства; ихъ университеты клали основанія наукѣ; ихъ караваны пересѣкали материки, а корабли бороздили моря и рѣки.

И что же осталось отъ всего этого черезъ двѣсти лѣтъ?— Города съ 50.000 и 100.000 жителей, какъ Флоренція, гдѣ было больше школъ и больше постелей въ госпиталяхъ на каждаго жителя, чѣмъ теперь въ наилучше обставленныхъ въ этомъ отношеніи столицахъ,—превратились въ захудалыя мѣстечки. Ихъ жители были или перебиты, или сосланы; ихъ богатства—присвоены государствомъ или церковью. Промышленность увядала подъ мелочной опекой чиновниковъ; торговля умерла. Самыя дороги, которыя соединяли между собой города, въ семнадцатомъ вѣкѣ сдѣлались непроходимыми.

Государство повсюду сѣяло войну, и война опустошала Европу и разоряла тѣ города, которые государство не успѣло разорить непосредственно.

Но, можетъ быть, хоть деревня выиграла отъ этой государственной централизаціи? Нисколько! Посмотрите, что говорятъ историки о жизни въ деревняхъ Шотландіи, Тосканы и Германіи въ четырнадцатомъ вѣкѣ, и сравните это съ описаніями деревенской нищеты въ Англіи въ 1648-мъ году, во Франціи при „королѣ-солнцѣ“ Людовикѣ XIV, въ Германіи, въ Италіи,—однимъ словомъ повсюду, послѣ столѣтняго господства Государства.

Вездѣ нищета, которую единогласно признаютъ и отмѣчаютъ всѣ. Тамъ, гдѣ крѣпостное право было уже уничтожено, оно подъ самыми разнобразными формами было возстановлено, а гдѣ еще не было уничтожено, оно оформилось, подъ покровомъ

государства, въ свирѣпое учрежденіе, обладавшее всѣми характерными особенностями древняго рабства, и даже хуже того.

И развѣ можно было бы ожидать чего-нибудь другого отъ Государства, разъ главной его заботой было уничтожить, вслѣдъ за вольными городами, сельскую общину, разрушить всѣ связи, существовавшія между крестьянами, отдать ихъ земли на разграбленіе богатымъ и подчинить ихъ, каждаго въ отдѣльности, власти чиновника, попа и помѣщика?

VIII.

Уничтожить независимость городовъ; разграбить торговыя и ремесленныя гильдіи; сосредоточить въ своихъ рукахъ всю внѣшнюю торговлю городовъ и убить ее; забрать въ свои руки внутреннее управленіе гильдій и подчинить внутреннюю торговлю и ремесла, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, стаду чиновниковъ, и тѣмъ самымъ убить и промышленность, и искусства; задушить мѣстное управленіе; уничтожить мѣстное ополченіе; задавить слабыхъ налогами въ пользу сильныхъ и разорить страну войной—такова была роль нарождающагося Государства въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ.

То же самое, конечно, происходило и въ деревняхъ, среди крестьянъ. Какъ только Государство почувствовало себя достаточно сильнымъ, оно поспѣшило уничтожить сельскую общину, разорить крестьянъ, вполнѣ предоставленныхъ его произволу, и разграбить общинныя земли.

* * *

Правда, историки и политико-экономы, состоящіе на жалованьи у государства, учили насъ всегда, что сельская община представляетъ собою устарѣлую форму землевладѣнія, мѣшающую развитію земледѣлія, и что потому она осуждена была на исчезновеніе подъ вліяніемъ естественныхъ экономическихъ силъ. Политики и буржуазные экономисты продолжаютъ говорить это и до сихъ поръ, и есть даже революціонеры и соціалисты (претендующіе на названіе „научныхъ“ соціалистовъ), которые повторяютъ эту заученную ими въ школѣ басню.

А между тѣмъ, это самая возмутительная ложь, которую только можно встрѣтить въ наукѣ. Исторія кишитъ документами, несомнѣнно доказывающими всякому, кто только желаетъ знать истину (относительно Франціи для этого достаточно прочесть хотя бы одного Даллоза),—что государство прежде всего лишило сельскую общину всякой независимости, всякихъ судебныхъ, законодательныхъ и административныхъ правъ; а затѣмъ ея земли были или просто разграблены богатыми подъ покровительствомъ государства, или же конфискованы самимъ государствомъ.

* * *

Во Франціи грабежъ этотъ начался еще въ шестнадцатомъ столѣтіи и продолжался еще болѣе дѣятельно въ семнадцатомъ. Еще въ 1659-мъ году государство взяло общины подъ свое особое покровительство, и достаточно прочесть указъ Людовика XIV (1667-го года), чтобы понять, что за грабежъ общинныхъ земель начался съ этого времени — „Люди присваивали себѣ земли, когда имъ вздумается... земли дѣлились... чтобы оправдать грабежъ, выдумывались долги, яко-бы числившіеся за общинами“,— говоритъ король въ этомъ указѣ... а два года спустя онъ конфискуетъ въ свою собственную пользу всѣ доходы общинъ.—Вотъ что называется „естественной смертью“ на яко-бы научномъ языкѣ.

Въ теченіе слѣдующаго столѣтія, по крайней мѣрѣ половина всѣхъ общинныхъ земель была просто на просто присвоена аристократіей и духовенствомъ подъ покровительствомъ государства. И несмотря на это, общины все таки продолжали существовать до 1784-го года. Общинники все еще собирались гдѣ нибудь подъ вязомъ, распредѣляли земли, назначали налоги: свѣдѣнія объ этомъ можно найти у Бабо (Babeau. Le village sous l'ancien régime). Тюрго нашелъ, однако, что общинные совѣты „слишкомъ шумны“ и уничтожилъ ихъ въ той провинціи, которой онъ управлялъ; на мѣсто ихъ онъ поставилъ собранія выборныхъ,—изъ состоятельной части населенія. Въ 1787-мъ году, т. е. наканунѣ революціи, государство распространило эту мѣру на всю Францію. Міръ былъ уничтоженъ, и управленіе дѣлами общинъ перешло въ руки немногихъ синдиковъ, избранныхъ наиболѣе зажиточными буржуа и крестьянами. „Учредительное Собраніе“ поспѣ-

шило подтвердить этотъ законъ въ декабрѣ 1789 года, послѣ чего буржуазія, занявшая мѣсто дворянъ, стала грабить остатки общинныхъ земель. И только послѣ цѣлаго ряда крестьянскихъ бунтовъ Конвентъ, въ 1792 году, утвердилъ то, что было уже сдѣлано возставшими крестьянами въ восточной Франціи, т. е. издалъ распоряженіе о возвращеніи крестьянамъ общинныхъ земель. Но это случилось только тогда, когда крестьяне своимъ возстаніемъ и такъ уже отбили землю,—только тамъ, гдѣ они это совершили на дѣлѣ, сами.

Такова, какъ извѣстно, судьба всѣхъ революціонныхъ законовъ: они осуществляются на практикѣ только тогда, когда уже являются совершившимся фактомъ.

Тѣмъ не менѣе, Конвентъ не упустилъ случая подпустить въ этотъ законъ буржуазнаго яда. Въ немъ сказано, что земли, отнятыя у дворянъ, должны быть раздѣлены по-ровну, только между „активными гражданами"—то есть между деревенской буржуазіей. Однимъ почеркомъ пера Конвентъ лишилъ, такимъ образомъ, права на землю „пассивныхъ гражданъ", т. е. массу обѣднѣвшихъ крестьянъ, которые больше всего и нуждались въ общинныхъ угодьяхъ. Къ счастью, въ отвѣтъ на это, крестьяне опять стали бунтоваться въ 1793-мъ году. Тогда только Конвентъ издалъ новый законъ, предписывавшій раздѣленіе общинныхъ земель между всѣми крестьянами. Но это распоряженіе никогда не было приведено въ исполненіе, и послужило лишь предлогомъ для новыхъ захватовъ общинныхъ угодій.

* * *

Всѣхъ этихъ мѣръ казалось было бы достаточно, чтобы заставить общины „умереть естественной смертью",— какъ выражаются эти господа. И однако, общины продолжали существовать. 24-го Августа 1794 года, господствовавшая тогда реакціонная власть нанесла имъ новый ударъ. Государство конфисковало всѣ общинныя земли, сдѣлало изъ нихъ запасный фондъ, обезпечивающій національный долгъ, и начало продавать ихъ съ аукціона крестьянамъ, а больше всего сторонникамъ буржуазнаго переворота, кончившагося казнью якобинцевъ, т. е. „термидорцамъ".

Къ счастью, 2-го Преріаля пятаго года, этотъ законъ былъ отмѣненъ, послѣ трехлѣтняго существованія. Но въ то же время

были уничтожены и общины, на мѣсто которыхъ были учреждены „кантональные совѣты", которые государство легко могло наполнять своими чиновниками. Такъ продолжалось до 1801 года, когда сельскія общины были опять возстановлены; но за то правительство присвоило себѣ право назначать мэровъ и синдиковъ во всѣ 36000 общинъ Франціи! Эта нелѣпость продолжала существовать до революціи 1830-го года, послѣ которой былъ возобновленъ законъ 1784 года. Въ промежутокъ между этими мѣрами, общинныя земли подверглись опять конфискаціи государствомъ въ 1813 году; затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ предавались разграбленію. Остатки земель были возвращены только въ 1816 году.

Но и это еще былъ не конецъ. Каждое новое правительство видѣло въ общинныхъ земляхъ источникъ, изъ котораго можно было черпать награды для людей, которые служили правительству поддержкой.

Послѣ 1830 года, три раза—въ первый въ 1837 году и въ послѣдній, уже при Наполеонѣ III—издавались законы, предписывавшіе крестьянамъ раздѣлить общинные лѣса и пастбища подворно; и всѣ три раза правительства были вынуждены отмѣнять эти законы, въ виду сопротивленія крестьянъ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ III сумѣлъ все таки воспользоваться этимъ и утянуть для своихъ любимцевъ нѣсколько крупныхъ имѣній.

* * *

Таковы факты и таковы „экономическіе законы", подъ давленіемъ которыхъ общинное землевладѣніе во Франціи умерло „естественною смертью". Послѣ этого, можетъ быть, и смерть на полѣ сраженія ста тысячъ солдатъ есть также „естественная смерть"?

* * *

То, что произошло во Франціи, случилось также въ Бельгіи, въ Англіи, въ Германіи, въ Австріи; короче говоря, во всей Европѣ, за исключеніемъ славянскихъ странъ. Страннѣе всего то, что и періоды разграбленія общинъ во всѣхъ странахъ Западной Европы также совпадаютъ. Разница была только въ пріемахъ. Такъ, въ Англіи не рѣшались проводить общихъ мѣръ, а

предпочли издать нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ актовъ объ обгораживаніи, которыми дворянско-буржуазный парламентъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, утверждалъ конфискацію земли, облекая помѣщика правомъ удерживать за собой обгороженную имъ землю. И несмотря на то, что въ Англіи до сихъ поръ еще видны слѣды тѣхъ бороздъ, которыя служили для передѣла общинныхъ земель на участки, по столько-то на семью, и что мы находимъ въ сочиненіяхъ Маршаля ясное описаніе этого рода землевладѣнія, существовавшаго еще въ началѣ 19-го вѣка,—до сихъ поръ еще находятся ученые люди (вродѣ Сибома, достойнаго ученика Фюстель-де-Куланжа), которые утверждаютъ, что въ Англіи сельскихъ общинъ никогда не существовало помимо крѣпостного права!

Тѣ же пріемы мы видимъ и въ Бельгіи, и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Испаніи. Присвоеніе въ личную собственность прежнихъ общинныхъ земель было такимъ образомъ почти завершено къ пятидесятымъ годамъ 19-го столѣтія. Крестьяне удержали за собой лишь жалкіе клочки своихъ общинныхъ земель. Вотъ къ чему привелъ союзъ взаимнаго страхованія между помѣщикомъ, попомъ, солдатомъ и судьей—т. е. Государство—въ отношеніи къ крестьянамъ, которыхъ онъ лишилъ послѣдняго средства обезпеченія отъ нищеты и экономическаго рабства.

* * *

Теперь спрашивается,—организуя и покрывая, такимъ образомъ, грабежъ общинныхъ земель, могло ли государство допустить существованіе общины, какъ органа мѣстной жизни?

Очевидно нѣтъ.

Допустить, чтобы граждане образовали въ своей средѣ союзъ, которому были бы присвоены нѣкоторыя обязанности государства, было бы противорѣчіемъ государственному принципу. Государство требуетъ прямого и личнаго подчиненія себѣ подданныхъ, безъ посредствующихъ группъ; оно требуетъ равенства въ рабствѣ: оно не можетъ терпѣть „государства въ государствѣ".

Поэтому то въ шестнадцатомъ столѣтіи, какъ только государство начало складываться, оно и приступило къ разрушенію связей, существовавшихъ между гражданами въ городахъ и въ деревняхъ. Если оно иногда и мирилось съ нѣкоторой тѣнью

самоуправленія въ городскихъ учрежденіяхъ—но никогда съ независимостью,—то это дѣлалось исключительно ради фискальныхъ цѣлей, ради возможно большаго облегченія общаго государственнаго бюджета, или же для того, чтобы дать возможность состоятельнымъ людямъ въ городахъ обогащаться на счетъ народа; это происходило, напримѣръ, въ Англіи до самаго послѣдняго времени и отражается до сихъ поръ въ ея учрежденіяхъ и обычаяхъ: все городское хозяйство, вплоть до самаго послѣдняго времени, было въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ лавочниковъ.

И это вполнѣ понятно. Мѣстная жизнь развивается изъ обычнаго права, тогда какъ римскій законъ ведетъ къ централизаціи власти. Одновременное существованіе того и другого невозможно: одно изъ двухъ должно исчезнуть.

Вотъ почему, напр., въ Алжирѣ, при французскомъ управленіи, когда кабильская джемма, или сельская община, ведетъ какой-нибудь процессъ о своихъ земляхъ, каждый членъ общины долженъ обратиться къ суду съ отдѣльною просьбой, такъ какъ судъ скорѣе выслушаетъ пятьдесятъ или двѣсти отдѣльныхъ просителей, чѣмъ одно коллективное ходатайство цѣлой джеммы. Якобинскій уставъ Конвента (извѣстный подъ именемъ кодекса Наполеона) не признаетъ обычнаго права: для него существуетъ только римское или, скорѣе, византійское право.

Вотъ почему, если гдѣ-нибудь во Франціи сломаетъ вѣтромъ дерево на большой дорогѣ, или, если какой-нибудь крестьянинъ пожелаетъ заплатить камнелому два или три франка вмѣсто того, чтобы самому чинить извѣстный участокъ общинной дороги, то для этого должны засѣсть и царапать перьями цѣлыхъ пятнадцать чиновниковъ министерства внутреннихъ цѣлъ и государственнаго казначейства; эти великіе дѣльцы должны обмѣняться болѣе, чѣмъ пятидесятью бумагами, и только тогда дерево будетъ продано, а крестьянинъ получитъ разрѣшеніе внести свои два-три франка въ общинную кассу.

Вамъ это, можетъ быть, покажется невѣроятнымъ? Посмотрите въ Journal des Economistes статью Трикоша, который составилъ подробный списокъ всѣхъ этихъ пятидесяти бумагъ.

И это, не забудьте, происходитъ при третьей республикѣ: я здѣсь не говорю о „варварскихъ“ пріемахъ стараго порядка, который ограничивался всего пятью или шестью бумагами. Понят-

но, почему ученые говорятъ, что въ то варварское время контроль государства былъ только номинальный.

* * *

Но еслибы дѣло было только въ этомъ! Что значило бы, въ концѣ концовъ, лишнихъ 20,000 чиновниковъ и нѣсколько сотъ лишнихъ милліоновъ рублей въ бюджетѣ! Вѣдь это сущіе пустяки для любителей „порядка“ и единообразія.

Но важно то, что надо всѣмъ этимъ лежитъ нѣчто гораздо худшее: самый принципъ, убивающій все живое.

У крестьянъ одной и той же деревни всегда есть тысячи общихъ интересовъ: интересы хозяйственные, отношенія между сосѣдями, постоянное взаимное общеніе; имъ по необходимости приходится соединяться между собою ради всевозможнѣйшихъ цѣлей. Но такого соединенія государство не любитъ. Оно даетъ имъ школу, попа, полицейскаго и судью; чего же имъ больше? И если у нихъ явится еще какія-нибудь нужды, они должны въ установленномъ порядкѣ обращаться къ церки и къ государству.

Такъ, до 1883 года во Франціи крестьянамъ строго запрещалось составлять между собою какіе бы то ни было союзы, хотя бы для того, напр., чтобы покупать вмѣстѣ химическое удобреніе, или осушать свои поля. Республика рѣшилась, наконецъ, даровать крестьянамъ эти права только въ 1883—36 годахъ, когда былъ изданъ законъ о синдикатахъ, хотя и урѣзанный всевозможными ограниченіями и мѣрами предосторожности. Раньше этого, во Франціи, всякое общество, имѣвшее болѣе 19-ти членовъ, считалось противозаконнымъ.

И нашъ умъ такъ извращенъ полученнымъ нами государственнымъ образованіемъ, что мы радуемся, напримѣръ, тому, что земледѣльческіе синдикаты начали съ тѣхъ поръ быстро распространяться во Франціи, не подозрѣвая того, что право союзовъ, котораго крестьяне были лишены цѣлыя столѣтія, составляло ихъ естественное достояніе въ средніе вѣка; что это было безспорное достояніе всякаго и каждаго, свободнаго или крѣпостного. А мы настолько пропитались рабскимъ духомъ, что воображаемъ, будто это право составляетъ одно изъ „завоеваній демократіи“.

Вотъ до какого невѣжества довели насъ наше исковерка-

ное и извращенное государствомъ образованіе и наши государственные предразсудки!

IX.

— „Если у васъ есть какія-нибудь общія нужды, въ городѣ или въ деревнѣ, обращайтесь съ ними къ церкви и къ государству. Но вамъ строго воспрещается соединяться вмѣстѣ непосредственно и заботиться о нихъ самимъ“. Эти слова раздаются по всей Европѣ, начиная съ шестнадцатаго столѣтія. Уже въ указѣ англійскаго короля Эдуарда III, обнародованномъ въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, мы читаемъ, что „всѣ союзы, товарищества, собранія, организованныя общества, статуты и присяги, уже установленныя или имѣющія быть установленными среди плотниковъ и каменьщиковъ, отнынѣ будутъ считаться недѣйствительными и упраздненными“. Но когда возстанія городовъ и другія народныя движенія, о которыхъ говорилось выше, были подавлены, и государство почувствовало себя полнымъ хозяиномъ, оно рѣшилось наложить руку на всѣ, безъ исключенія, народныя учрежденія (гильдіи, братства и т. д.), которыя связывали до сихъ поръ и ремесленниковъ, и крестьянъ. Оно прямо уничтожило ихъ и конфисковало ихъ имущества.

Особено ясно это видно въ Англіи, гдѣ существуетъ масса документовъ, отмѣчающихъ каждый шагъ этого уничтоженія. Мало по малу, государство начинаетъ давить на гильдіи и братства все сильнѣе и сильнѣе. Оно постепенно отмѣняетъ сначала ихъ союзы, потомъ ихъ празднества, ихъ старшинъ, которыхъ оно замѣнило своими собственными чиновниками и судьями. Затѣмъ, въ началѣ пятнадцатаго вѣка, при Генрихѣ VIII, государство уже прямо и безъ всякихъ церемоній конфискуетъ имущество гильдій. Наслѣдникъ „великаго“ протестанскаго короля, Эдуардъ VI, докончилъ работу своего отца. *)

Это былъ настоящій дневной грабежъ, „безъ всякаго оправданія“, какъ совершенно вѣрно говоритъ Торольдъ Роджерсъ. И этотъ то самый грабежъ, такъ называемые „научные“, эконо-

*) См. работы Toulmin Smith, о Гильдіяхъ.

имсты выдаютъ намъ теперь за „естественную“ смерть гильдій подъ вліяніемъ экономическихъ законовъ!

* * *

И въ самомъ дѣлѣ, могло ли государство терпѣть гильдіи или корпораціи, съ ихъ торговлей, съ ихъ собственнымъ судомъ, собственной милиціей, казной и организаціей, скрѣпленной присягой? Для государственныхъ людей онѣ были „государствомъ въ государствѣ“! Государство было обязано раздавить ихъ,—и оно, дѣйствительно, раздавило ихъ повсюду—въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, въ Богеміи, сохранивши отъ нихъ лишь внѣшнюю форму, удобную для его фискальныхъ цѣлей, и составляющую просто часть огромной административной машины.

Удивительно ли послѣ этого, что гильдіи и ремесленные союзы, лишенные всего того, что прежде составляло ихъ жизнь, и подчиненные королевскимъ чиновникамъ, превратились въ 18-мъ столѣтіи лишь въ бремя, въ препятствіе для промышленнаго развитія вмѣсто того, чтобы быть самой сущностью его, какой они были за четыреста лѣтъ до того? Государство убило ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, оно не только уничтожило ту независимость и самобытность, которыя были необходимы для жизни гильдій и для защиты ихъ отъ вторженія государства, оно не только конфисковало всѣ богатства и имущества гильдій; оно вмѣстѣ съ тѣмъ присвоило себѣ и всѣ ихъ экономическія отправленія.

Когда внутри средневѣкового города случалось столкновеніе промышленныхъ интересовъ, или когда двѣ гильдіи не могли придти къ обоюдному соглашенію, за разрѣшеніемъ спора не къ кому было больше обращаться, какъ ко всему городу. Спорящія стороны бывали принуждены сойтись на чемъ-нибудь, найти какой-нибудь компромиссъ, потому что всѣ гильдіи города были заинтересованы въ этомъ. И такой компромиссъ находили; иногда, въ случаѣ нужды, въ качествѣ третейскаго судьи приглашался сосѣдній городъ.

Отнынѣ единственнымъ судьей являлось государство. По поводу каждаго мельчайшаго спора въ какомъ-нибудь ничтожномъ городкѣ въ нѣсколько сотъ жителей—въ королевскихъ и парламентскихъ канцеляріяхъ скоплялись вороха безполезныхъ

бумагъ и кляузъ. Англійскій парламентъ, напримѣръ, былъ буквально заваленъ тысячами такихъ мелкихъ мѣстныхъ дрязгъ. Пришлось держать въ столицѣ тысячи чиновниковъ (большею частью продажныхъ), чтобы сортировать, читать, разбирать всѣ эти бумаги и постановлять по нимъ рѣшенія; чтобы регулировать и упорядочивать ковку лошадей, бѣленіе полотна, соленіе селедокъ, дѣланье бочекъ и т. д. до безконечности.... а кучи дѣлъ все росли и росли!

Но и это было еще не все. Скоро государство наложило свою руку и на внѣшнюю торговлю, Оно увидѣло въ ней средство къ обогащенію и поспѣшило захватить его. Прежде, когда между двумя городами возникало какое-нибудь разногласіе по поводу стоимости вывозимаго сукна, чистоты шерсти или вмѣстимости боченковъ для селедокъ, города сносились по этому поводу между собою. Если споръ затягивался, они обращались къ третьему городу и призывали его въ третейскіе судьи (это случалось сплошь и рядомъ); или же созывался особый съѣздъ гильдій ткачей, или бочаровъ, чтобы придти къ международному соглашенію на счетъ качества и стоимости сукна или вмѣстимости бочекъ. Теперь явилось государство, которое взялось рѣшать всѣ эти споры изъ одного центра, изъ Парижа или изъ Лондона. Оно начало предписывать черезъ своихъ чиновниковъ объемъ бочекъ, качество сукна, число нитокъ и ихъ толщину въ основѣ и уткѣ; оно начало вмѣшиваться своими распоряженіями въ подробности каждаго ремесла.

* * *

Результатъ вамъ извѣстенъ. Задавленная этимъ контролемъ, промышленность въ 18-мъ столѣтіи вымирала. Куда, въ самомъ дѣлѣ, дѣвалось искусство Бенвенуто Челлини подъ опекой государства?—Оно умерло! А что сталось съ архитектурой тѣхъ гильдій каменьщиковъ и плотниковъ, произведеніямъ которыхъ мы удивляется до сихъ поръ?—Стоитъ лишь взглянуть на уродливые памятники государственнаго періода, чтобы сразу отвѣтить, что архитектура замерла настолько, что и до сихъ поръ еще не можетъ оправиться отъ удара, нанесеннаго ей государствомъ.

Что сталось съ брюжскими полотнами, съ голландскими сукнами? Куда дѣвались тѣ кузнецы, которые умѣли такъ иску-

сно обращаться съ желѣзомъ, что чуть ли не во всякомъ европейскомъ городкѣ изъ подъ ихъ рукъ выходили изящнѣйшія украшенія изъ этого неблагороднаго металла? Куда дѣвались токари, часовщики, тѣ мастера, которые создали въ средніе вѣка славу Нюренберга своими точными инструментами? Вспомните хотя бы Джемса Уатта; въ концѣ восемнадцатаго вѣка онъ напрасно искалъ въ продолженіе тридцати лѣтъ людей, которые сумѣли бы выточить точные цилиндры для его паровой машины; его міровое изобрѣтеніе въ теченіе тридцати лѣтъ оставалось грубой моделью за неимѣніемъ мастеровъ, которые могли бы сдѣлать по ней машину.

Таковы были результаты вмѣшательства государства въ промышленность. Все, что оно сумѣло сдѣлать—это придавить, принизить работника, обезлюдить страну, посѣять нищету въ городахъ, довести милліоны людей въ деревняхъ до голоданія,—выработать систему промышленнаго рабства.

И вотъ эти то жалкіе остатки старыхъ гильдій, эти то организмы, раздавленные и задушенные государствомъ, эти то безполезныя части государственной администраціи—„научные“ экономисты смѣшиваютъ въ своемъ невѣжествѣ со средневѣковыми гильдіями. То, что было уничтожено великой революціей, какъ помѣха промышленности, были уже не гильдіи, и даже не рабочіе союзы: это были безполезныя и даже вредныя части государственной машины.

* * *

Но что революція тщательно сохранила, это—власть государства надъ промышленностью, надъ промышленнымъ рабомъ—рабочимъ.

Вспомните, что говорилось въ Конвентѣ—въ страшномъ террористическомъ Конвентѣ—по поводу одной стачки, въ отвѣтъ на требованія стачечниковъ (цитирую на память): „одно государство имѣетъ право блюсти интересы гражданъ. Вступая въ стачку, вы составляете коализацію, вы создаете государство въ государствѣ. А потому—смертная казнь за стачку!“

Обыкновенно, въ этомъ отвѣтѣ видятъ только буржуазный характеръ французской революціи. Но нѣтъ ли въ немъ еще и и другого, болѣе глубокаго смысла? Не указываетъ ли онъ на

отношеніе государства ко всему обществу вообще—отношеніе, нашедшее себѣ самое яркое выраженіе въ якобинствѣ 1793 года?

„Если вы чѣмъ-нибудь недовольны, обращайтесь къ государству! Оно одно имѣетъ право удовлетворять жалобы своихъ подданныхъ. Но соединяться вмѣстѣ для самозащиты — этого нельзя!“ Въ этомъ то смыслѣ республика и называла себя единой и нераздѣльной.

И развѣ не такъ же думаетъ и современный соціалистъ-якобинецъ? Развѣ Конвентъ, съ присущей ему свирѣпой логикой, не выразилъ его сокровенной мысли?

* * *

Въ этомъ отвѣтѣ Конвента выразилось отношеніе всякаго государства ко всѣмъ сообществамъ, ко всѣмъ частнымъ организаціямъ, каковы бы ни были ихъ цѣли.

Что касается стачки въ Россіи, она и теперь еще считается преступленіемъ противъ государства.

Въ значительной степени то же можно сказать и о Германіи, гдѣ императоръ Вильгельмъ еще недавно говорилъ углекопамъ: „Обращайтесь ко мнѣ; но если вы когда-нибудь посмѣете дѣйствовать въ своихъ интересахъ сами, вы скоро познакомитесь со штыками моихъ солдатъ!“

То же самое почти всегда происходитъ и во Франціи. И даже въ Англіи, только послѣ столѣтней борьбы путемъ тайныхъ обществъ, путемъ кинжала, пускаемаго въ ходъ противъ предателя и хозяина, путемъ подкладыванія пороха подъ машины (недальше, какъ въ 1860 году), наждака въ подшипники и т. п. англійскимъ рабочимъ почти удалось добиться права стачекъ. Они скоро добьются его окончательно, если только не попадутся въ ловушку, уже разставленную имъ государствомъ, которое хочетъ навязать имъ обязательное посредничество въ столкновеніяхъ съ хозяевами, въ обмѣнъ на законъ о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ.

Больше ста лѣтъ ужасной борьбы! И сколько страданій, сколько рабочихъ умерло въ тюрьмахъ, сколько сослано въ Австралію, убито, повѣшено! И все это для того, чтобы возвратить себѣ то право,—соединяться въ союзы, которое—повторяю опять—составляло достояніе каждаго человѣка, свободнаго или

крѣпостного, въ тѣ времена, когда Государство еще не успѣло наложить свою тяжелую руку на общество. *)

* * *

Но не только рабочіе подверглись этой участи. Вспомните о той борьбѣ, которую пришлось выдержать съ государствомъ буржуазіи, чтобы добиться права образовывать торговыя общества—права, которое государство предоставило ей только тогда, когда увидѣло въ такихъ обществахъ легкій способъ создавать монополіи въ пользу своихъ служителей и пополнять свою казну. А борьба за право говорить, писать, или даже думать не такъ, какъ велитъ государство посредствомъ своихъ академій, университетовъ и церкви! А борьба за право учить, хотя бы только грамотѣ! право, которое государство оставляетъ за собой, и которомъ оно не пользуется. А право даже веселиться сообща? Я уже не говорю о выборныхъ судьяхъ, или о томъ, что въ средніе вѣка человѣку очень часто предоставлялось самому выбирать, у какого судьи онъ желаетъ судиться и по какому закону. И я не говорю также о той борьбѣ, которая еще предстоитъ намъ прежде, чѣмъ наступитъ день, когда будетъ сожжена книга возмутительныхъ наказаній, порожденныхъ духомъ инквизиціи и восточныхъ деспотій, книга, извѣстная подъ названіемъ Уголовнаго Закона.

* * *

Или посмотрите на систему налоговъ—учрежденіе чисто государственнаго происхожденія, являющееся могучимъ орудіемъ въ рукахъ государства, которое пользуется имъ, какъ во всей

*) Даже и теперь, не далѣе какъ въ 1903-мъ году, при консервативномъ министерствѣ, право стачекъ снова было подорвано. Палата Лордовъ, дѣйствуя какъ высшая судебная инстанція, постановила слѣдующее: въ случаѣ стачки, если будетъ доказано, что рабочій союзъ *отговаривалъ*—просто отговаривалъ, безъ устрашенія силою, черезъ своихъ подчасковъ—рабочихъ, собиравшихся заступить мѣста забастовавшихъ рабочихъ, то весь рабочій союзъ отвѣчаетъ всею своею кассою за убытки, понесенные хозяевами. Въ извѣстной Taff Vale забастовкѣ, рабочій союзъ долженъ былъ уплатить хозяевамъ свыше 50,000 фунтовъ, т. е. болѣе полу-милліона рублей. Второй такой же случай былъ поднятъ недавно, и рабочій союзъ кончилъ дѣло, признавъ себя должнымъ 300,000 рублей.

Европѣ, такъ и въ молодыхъ республикахъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, для того, чтобы держать подъ своей властью массы населенія, доставлять выгоды своимъ сторонникамъ, разорять большинство въ угоду правящему меньшинству, и поддерживать старыя общественныя дѣленія, старыя касты.

Посмотрите на войны, безъ которыхъ государство не можетъ ни образоваться, ни существовать,—войны, которыя дѣлаются неизбѣжными, какъ только мы допустимъ, что извѣстная мѣстность (только потому, что она составляетъ одно государство) можетъ имѣть интересы противоположные интересамъ сосѣднихъ мѣстностей. Подумайте только о прошлыхъ войнахъ, и будущихъ, которыя грозятъ намъ; о войнахъ за торговые рынки; о войнахъ для созданія колоніальныхъ имперій... А мы всѣ знаемъ, какое рабство несетъ съ собой война, все равно кончается ли она побѣдой или пораженіемъ.

* * *

Но изъ всѣхъ перечисленныхъ мною золъ, едва ли не самое худшее—это воспитаніе, которое намъ даетъ государство, какъ въ школѣ, такъ и въ послѣдующей жизни. Государственное воспитаніе такъ извращаетъ нашъ мозгъ, что само понятіе о свободѣ въ насъ исчезаетъ и затѣняется понятіями рабскими.

Грустно видѣть, какъ глубоко многіе изъ тѣхъ, которые считаютъ себя революціонерами, ненавидятъ анархистовъ только потому, что анархическое понятіе о свободѣ не укладывается въ то узкое и странное представленіе о ней, которое они почерпнули изъ своего проникнутаго государственнымъ духомъ воспитанія. А между тѣмъ, намъ приходится встрѣчаться съ этимъ на каждомъ шагу.

Зависитъ это отъ того, что въ молодыхъ умахъ всегда искусно развивали, и до сихъ поръ развиваютъ, духъ добровольнаго рабства, съ цѣлью упрочить на вѣки подчиненіе подданнаго государству.

Философію, проникнутую любовью къ свободѣ, всячески стараются засушить католически-государственною философіей. Исторію извращаютъ, начиная уже съ самой первой страницы, гдѣ разсказываются басни о меровингскихъ, каролингскихъ и рюриковскихъ династіяхъ,—и до самой послѣдней, гдѣ воспѣвается якобинство,

а народъ и его роль въ созданіи общественныхъ учрежденій обходятся молчаніемъ. Даже естествознаніе ухитряются извратить въ пользу двуголоваго идола, церкви и государства; а психологію личности, и еще больше общества, искажаютъ на каждомъ шагу, чтобы оправдать тройственный союзъ—изъ солдата, попа и палача.

Даже теорія нравственности, которая въ теченіе цѣлыхъ столѣтій проповѣдовала повиновеніе церкви, или той или другой, якобы священной, книгѣ, освобождается теперь отъ этихъ путъ только затѣмъ, чтобы проповѣдовать повиновеніе государству. „У васъ нѣтъ никакихъ прямыхъ обязанностей по отношенію къ вашему ближнему, въ васъ нѣтъ даже чувства взаимности; всѣ ваши обязанности—обязанности по отношенію къ государству; безъ государства вы перегрызли бы другъ другу горло",—учитъ насъ эта новая религія, называющая себя „научною", въ-то время какъ она молится все тому же, престарому, римскому и кесарьскому божеству. „Сосѣдъ, другъ, общинникъ, со-гражданинъ,—ты долженъ забыть все это! ты долженъ сноситься съ другими не иначе, какъ чрезъ посредство одного изъ органовъ твоего государства. И всѣ вы должны упражняться въ одной добродѣтели: учиться быть рабами государства. Государство—твой богъ!"

И это прославленіе государства и дисциплины, надъ которыми трудятся и церковь, и университетъ, и пресса, и политическія партіи, производится съ такимъ успѣхомъ, что даже революціонеры не смѣютъ смотрѣтъ этому новому идолу прямо въ глаза.

Современный радикалъ—централистъ, государственникъ и якобинецъ до мозга костей. По его же стопамъ идутъ и соціалисты. Подобно флорентинцамъ конца пятнадцатаго столѣтія, которые отдались въ руки диктатуры государства, чтобы спастись отъ деспотизма патриціевъ, современные соціалисты не находятъ ничего лучшаго, какъ призвать тѣхъ же боговъ—ту же дикатуру, то же государство, чтобы спастись отъ гнустностей экономической системы, созданной тѣмъ же государствомъ!

X.

Если вы вникнете глубже во всѣ тѣ разнообразные факты, которыхъ мы могли лишь поверхностно коснуться въ этомъ очеркѣ;

если вы посмотрите на государство, какимъ оно явилось въ исторіи, и какимъ по существу своему продолжаетъ быть и теперь; если вы убѣдитесь, какъ убѣдились мы, что общественное учрежденіе не можетъ служить безразлично всѣмъ цѣлямъ, потому что, какъ всякій органъ, оно развивается ради одной извѣстной функціи, а не ради всѣхъ безразлично,—вы поймете, почему мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію о необходимости уничтоженія государства.

Мы видимъ въ немъ учрежденіе, которое въ теченіе всей исторіи человѣческихъ обществъ служило для того, чтобы мѣшать всякому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитію мѣстнаго почина, душить уже существующія вольности и мѣшать возникновенію новыхъ. И мы знаемъ, что учрежденіе, которое прожило уже нѣсколько столѣтій и прочно сложилось въ извѣстную форму ради того, чтобы выполнить извѣстную роль въ исторіи, не можетъ быть приноровлено къ роли противоположной.

* * *

Что же намъ говорятъ въ отвѣтъ на этотъ доводъ, неопровержимый для всякаго, кто только задумывался надъ исторіей? Намъ противопоставляютъ возраженіе почти дѣтское: „Государство уже есть, оно существуетъ и представляетъ готовую и сильную организацію. Зачѣмъ же разрушать ее, если можно ею воспользоваться? Правда, теперь она вредна, но это потому, что она находится въ рукахъ эксплуататоровъ. А разъ она попадетъ въ руки народа, почему же ей не послужить для благой цѣли, для народнаго блага?“

Это—все та же мечта шиллеровскаго маркиза Позы, пытавшагося превратить самодержавіе въ орудіе освобожденія, или мечта аббата Фроманна въ романѣ Золя, „Римъ“, пытающагося сдѣлать изъ католической церкви рычагъ соціализма!...

Не грустно ли, что приходится отвѣчать на такіе доводы? Вѣдь тотъ, кто разсуждаетъ такимъ образомъ, или не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ исторической роли государства, или же представляетъ себѣ соціальную революцію въ такомъ жалкомъ и ничтожномъ видѣ, что она не имѣетъ ничего общаго съ соціалистическими стремленіями.

* * *

Возьмемъ, какъ конкретный примѣръ, Францію. Всѣмъ намъ извѣстенъ тотъ поразительный фактъ, что третья республика во Франціи, несмотря на свою республиканскую форму, остается по существу монархической. Всѣ мы упрекаемъ ее за то, что она оказалась неспособной сдѣлать Францію республиканской; я уже не говорю о томъ, что она ничего не сдѣлала для соціальной революціи: я хочу только сказать, что она даже не внесла республиканскихъ нравовъ и республиканскаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь все то немногое, что дѣйствительно было сдѣлано въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ для демократизаціи нравовъ или для распространенія просвѣщенія,—дѣлалось повсюду, даже и въ европейскихъ монархіяхъ, подъ давленіемъ духа того времени, которое мы переживаемъ.—Откуда же явился во Франціи этотъ странный государственный строй—республиканская монархія?

Происходитъ онъ отъ того, что Франція была и осталась Государствомъ въ той же мѣрѣ, въ какой она была тридцать лѣтъ тому назадъ. Имена правителей измѣнились, но все это огромное чиновничье зданіе, созданное во Франціи по образцу императорскаго Рима, осталось; колеса этого громаднаго механизма продолжаютъ по прежнему обмѣниваться пятидесятью бумагами каждый разъ, когда вѣтромъ снесетъ дерево на большой дорогѣ. Штемпель на бумагахъ измѣнился, но государство, его духъ, его органы, его территоріальная централизація и централизація функцій—остались безъ перемѣны. Мало того: какъ всякіе паразиты, они день ото дня все больше и больше расползаются по всей странѣ.

Республиканцы—по крайней мѣрѣ искреннѣе—долго льстили себя надеждой, что имъ удастся воспользоваться государственной организаціей для того, чтобы произвести перемѣну въ республиканскомъ смыслѣ; мы видимъ теперь, какъ они обочлись.

Вмѣсто того, чтобы уничтожить старую организацію, уничтожить государство и создать новыя формы объединенія, исходя изъ самыхъ основныхъ единицъ каждаго общества—изъ сельской общины, свободнаго союза рабочихъ и т. д.—они захотѣли „воспользоваться старой, уже существующей организаціей". И за это непониманіе той истины, что историческое учрежденіе нельзя заставить по произволу работать, то въ томъ, то въ

другомъ направленіи, что оно имѣетъ свой собственный путь развитія, они поплатились тѣмъ, что были сами поглощены этимъ учрежденіемъ.

А между тѣмъ, здѣсь дѣло еще не шло объ измѣненіи всѣхъ экономическихъ отношеній общества, какъ идетъ у насъ: вопросъ былъ лишь въ измѣненіи нѣкоторыхъ политическихъ отношеній между людьми.

* * *

И, несмотря на эту полную неудачу, несмотря на такой жалкій результатъ, намъ все еще продолжаютъ повторять, что завоеванія государственной власти народомъ будетъ достаточно для совершенія соціальной революціи. Насъ хотятъ увѣрить, несмотря на всѣ неудачи, что старая машина, старый организмъ, медленно выработавшійся въ теченіе хода исторіи съ цѣлью убивать свободу, порабощать личность, подыскивать для притѣсненія законное основаніе, отуманивать человѣческіе умы, постепенно пріучая ихъ къ рабству мысли,—какимъ то чудомъ вдругъ окажется пригоднымъ для новой роли: вдругъ явится и орудіемъ, и рамками, въ которыхъ создастся новая жизнь, водворится свобода и равенство на экономическомъ основаніи, наступитъ пробужденіе общества и завоеваніе имъ лучшаго будущаго!...

Какая нелѣпость! Какое непониманіе исторіи!

Чтобы дать просторъ широкому росту соціализма, нужно вполнѣ перестроить все современное общество, основанное на узкомъ лавочническомъ индивидуализмѣ. Вопросъ не только въ томъ, чтобы, какъ иногда выражаются на метафизическомъ языкѣ, „возвратить рабочему цѣликомъ весь продуктъ его труда“, но въ томъ, чтобы измѣнить самый характеръ всѣхъ отношеній между людьми, начиная съ отношеній отдѣльнаго обывателя къ какому-нибудь церковному старостѣ или начальнику станціи,—и кончая отношеніями между различными ремеслами, деревнями, городами и областями. На всякой улицѣ, во всякой деревушкѣ, въ каждой группѣ людей, сгруппировавшихся около фабрики или желѣзной дороги, долженъ проснуться творческій, созидательный и организаціонный духъ,—для того, чтобы и на фабрикѣ, и на желѣзной дорогѣ, и въ деревнѣ, и въ складѣ продуктовъ, и въ потребленіи, и въ производствѣ, и въ распредѣленіи все перестроилось по но-

вому. Всѣ отношенія между личностями и человѣческими группами должны будутъ подвергнуться перестройкѣ съ того самаго часа, когда мы рѣшимся дотронуться впервые до современной общественной организаціи, до ея коммерческихъ или административныхъ учрежденій.

И вотъ эту то гигантскую работу, требующую свободной дѣятельности народнаго творчества, хотятъ втиснуть въ рамки государства! хотятъ ограничить предѣлами пирамидальной организаціи, составляющей сущность государства! Изъ государства, самый смыслъ существованія котораго заключается, какъ мы видѣли, въ подавленіи личности, въ уничтоженіи всякой свободной группировки, всякаго свободнаго творчества, въ ненависти ко всякому личному почину и въ торжествѣ о д н о й идеи (которая по необходимости должна быть идеей посредственности),—изъ этого-то механизма хотятъ сдѣлать орудіе для выполненія гигантскаго превращенія!... Цѣлымъ общественнымъ обновленіемъ хотятъ управлять путемъ указовъ и избирательнаго большинства!.. Какое ребячество!

* * *

Черезъ всю исторію нашей цивилизаціи проходятъ два теченія, двѣ враждебныя традиціи: римская и народная; императорская и федералистская; традиція власти и традиція свободы. И теперь, наканунѣ великой соціальной революціи, эти двѣ традиціи опять стоятъ лицемъ къ лицу.

Которое намъ выбрать изъ этихъ двухъ борящихся въ человѣчествѣ теченій—теченіе народное или теченіе правительственнаго меньшинства, стремящагося къ политическому и религіозному господству,—сомнѣнія быть не можетъ. Нашъ выборъ сдѣланъ. Мы пристаемъ къ тому теченію, которое еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ приводило людей къ организаціи, основанной на свободномъ соглашеніи, на свободномъ починѣ личности, на вольной федераціи тѣхъ, кто нуждается въ ней. Пусть другіе стараются, если хотятъ, удержаться за традиціи каноническаго и императорскаго Рима!

* * *

Исторія не представляетъ одной, непрерывной линіи развитія. По временамъ развитіе останавливалось въ одной части свѣта, а

затѣмъ возобновлялось въ другой. Египетъ, Азія, берега Средиземнаго моря, центральная Европа поочередно перебывали ареной историческаго развитія. И каждый разъ развитіе начиналось съ первобытнаго племени; затѣмъ оно переходило въ стадію сельской общины; затѣмъ наступалъ періодъ вольныхъ городовъ и, наконецъ, періодъ государства, во время котораго развитіе продолжалось нѣкоторое время, но затѣмъ вскорѣ замирало.

Въ Египтѣ цивилизація началась въ средѣ первобытнаго племени, достигла ступени сельской общины; потомъ пережила періодъ вольныхъ городовъ, и позднѣе приняла форму государства, которое послѣ временнаго процвѣтанія привело къ смерти страны.

Развитіе снова началось въ Ассиріи, въ Персіи, въ Палестинѣ; снова оно прошло черезъ тѣ же ступени—первобытнаго племени, сельской общины, вольнаго города, всесильнаго государства, и затѣмъ опять наступила—смерть!

Новая цивилизація возникла въ Греціи. Опять начавшись съ первобытнаго племени, медленно переживъ стадію сельской общины, она вступила въ періодъ республиканскихъ городовъ. Въ этой формѣ греческая цивилизація достигла своего полнаго разцвѣта. Но вотъ съ востока на нее повѣяло ядовитымъ дыханіемъ восточныхъ деспотическихъ традицій. Войны и побѣды создали македонскую имперію Александра. Водворилось государство, и начало сосать жизненные соки изъ цивилизаціи, пока не насталъ тотъ же конецъ—смерть!

Цивилизація перенеслась тогда въ Римъ. Здѣсь мы опять видимъ зарожденіе изъ первобытнаго племени; потомъ сельскую общину, и затѣмъ вольный городъ. Опять въ этой формѣ римская цивилизація достигла своего апогея. Но затѣмъ явилось государство, имперія, и съ нею конецъ—смерть!

На развалинахъ римской имперіи цивилизація возродилась среди кельтскихъ, германскихъ, славянскихъ и скандинавскихъ племенъ. Медленно вырабатывало первобытное племя свои учрежденія, пока они не приняли формы сельской общины. Въ этой стадіи они дожили до двѣнадцатаго столѣтія. Тогда возникли республиканскіе вольные города, породившіе тотъ славный расцвѣтъ человѣческаго ума, о которомъ свидѣтельствуютъ намъ памятники архитектуры, широкое развитіе искусствъ и открытія, положившія

основанія нашему естествознанію. Но затѣмъ явилось на сцен государство и... неужели опять смерть? Да, смерть--или возрожденіе! Смерть, если мы не сумѣемъ перестроить общество на свободномъ, противогосударственномъ фундаментѣ.

Одно изъ двухъ. Или государство должно быть разрушено, и въ такомъ случаѣ новая жизнь возникнетъ въ тысячѣ центровъ, на почвѣ энергической личной и групповой иниціативы, на почвѣ вольнаго соглашенія. Или же государство раздавитъ личность и мѣстную жизнь, завладѣетъ всѣми областями человѣческой дѣятельности, принесетъ съ собою войны и внутреннюю борьбу изъ за обладанія властью, поверхностныя революціи, лишь смѣняющія тирановъ и, какъ неизбѣжный конецъ,—смерть!

Выбирайте сами!

П. КРОПОТКИНЪ.

ЭТИКА АНАРХИЗМА.

Перев. съ франц. Рафаилова.

Исторія человѣческой мысли напоминаетъ собой колебанія маятника, и колебанія эти длятся уже цѣлые вѣка. Послѣ долгаго періода сна, наступаетъ моментъ пробужденія. Тогда мысль освобождается отъ цѣпей, которыми тщательно опутывали ее всѣ заинтересованныя стороны—правительство, церковь, законъ—и разбиваетъ ихъ. Она подвергаетъ строгой критикѣ все то, чему ее учили, и обнажаетъ пустоту религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ и соціальныхъ предразсудковъ,—на лонѣ которыхъ она прозябала. Она направляетъ свои поиски по невѣдомымъ путямъ, обогащаетъ наши познанія неожиданными открытіями, создаетъ новыя науки.

Но скоро закоренѣлые враги идеи—правительство, законъ и религія—оправляются отъ пораженія. Мало по малу они стягиваютъ свои разсѣянныя силы: они освѣжаютъ свои вѣрованія и законы, приспособляя ихъ къ новымъ потребностямъ. Пользуясь рабской покорностью (характера и мысли), которую они сами культивировали, пользуясь кратковременной дезорганизаціей общества, эксплоатируя стремленіе къ покою однихъ, жажду богатства другихъ и обманутыя надежды третьихъ—эти обманутыя надежды въ особенности—они понемногу снова принимаются за свою задачу и захватываютъ сначала въ свои руки дѣло воспитанія въ лицѣ ребенка.

Умъ ребенка такъ еще слабъ, его такъ легко покорить дѣйствіемъ страха. Къ этому-то они и прибѣгаютъ. Они дѣлаютъ его боязливымъ, а потомъ говорятъ ему о мукахъ ада, развертываютъ передъ нимъ картину страданій душъ. А минуту спустя, они будутъ говорить ему объ ужасахъ Революціи, они будутъ эксплоатировать частные случаи крайности революціонеровъ, чтобы сдѣлать ребенка „другомъ порядка“. Духовное лицо будетъ пріучать его къ идеѣ законности для того, чтобы дитя

легче повиновалось тому, что тотъ назоветъ божественнымъ закономъ, а адвокатъ будетъ говорить ему о божественномъ законѣ для того, чтобы ребенокъ легче повиновался гражданскимъ законамъ. И такимъ образомъ идеи грядущаго поколѣнія усвоятъ этотъ религіозный отпечатокъ, этотъ отпечатокъ абсолютизма и рабства мысли въ одно и то-же время, такъ какъ абсолютизмъ и рабство всегда идутъ рука объ руку въ силу привычки къ покорности, которую мы имѣли достаточно случаевъ изучить у своихъ современниковъ. Въ эти періоды сна, вопросы морали рѣдко подвергаются обсужденію. Они подмѣняются религіозными обычаями и юридическимъ лицемѣріемъ. Критика отсутствуетъ; всѣ отдаются силѣ привычки и индефферентизму. Установленный кодексъ морали не воздвигаетъ ни за, ни противъ себя страстныхъ адептовъ. Всякій старается, по мѣрѣ силъ, согласовать, во внѣшности, свои поступки съ тѣмъ, что онъ якобы исповѣдуетъ. И нравственный уровень общества все болѣе и болѣе понижается. Такъ мы приходимъ къ этикѣ римлянъ временъ упадка, къ этикѣ стараго режима, къ морали, характеризующей конецъ буржуазнаго режима.

Все, что въ человѣкѣ было добраго, возвышеннаго, великодушнаго и независимаго, мало по малу притупляется и покрывается ржавчиной, подобно долго остававшемуся безъ употребленія ножу. Ложь становится добродѣтелью, пошлость—обязанностью. Пріобрѣтать богатства, ловить минуты наслажденія, расточать сокровища ума, чувства и энергіи какъ попало,—вотъ что становится лозунгомъ достаточныхъ классовъ такъ-же какъ и большинства бѣдняковъ, которые видятъ свой идеалъ въ томъ, чтобы казаться буржуа. Тогда растлѣніе правящаго класса—судей, духовенства и болѣе или менѣе зажиточныхъ классовъ становится до того возмутительнымъ, что является толчкомъ къ началу обратнаго колебанія маятника.

Молодежь мало по малу эмансипируется и выбрасываетъ за бортъ всѣ предразсудки, снова начинаетъ говорить критика, просыпается мысль, сначала въ единичныхъ личностяхъ, и—незамѣтно пробужденіе охватываетъ массу. Происходитъ напоръ. Вспыхиваетъ революція.

* * *

И каждый разъ на сцену возвращаются вопросы этики: „Почему я долженъ слѣдовать принципамъ этой лицемѣрной морали?“, возникаетъ вопросъ въ освободившемся отъ религіознаго ужаса мозгу. „Почему какая бы то ни была мораль должна являться обязательной?“.

Тогда появляются попытки отдать себѣ отчетъ въ этомъ нравственномъ чувствѣ, съ которымъ сталкиваешься на каждомъ шагу, не умѣя объяснить себѣ его природу, и объясненіе которому будетъ найдено только тогда, когда его перестанутъ считать привиллегіей человѣческой натуры, а снизойдутъ къ животнымъ, растеніямъ, скаламъ для того, чтобы понять его сущность. Тѣмъ не менѣе продолжаются попытки найти объясненіе вопроса, которое согласовалось бы съ данными современной науки.

Нужно-ли оговариваться? Чѣмъ больше подкапываются основы обиходной морали или, правильнѣе, замѣняющаго ее лицемѣрія,—тѣмъ болѣе повышается нравственный уровень общества. Какъ разъ въ эти-то періоды, именно тогда, когда моральное чувство критикуется и отрицается вовсе, тогда то оно и дѣлаетъ самые быстрые успѣхи въ своемъ развитіи; тогда то оно возвышается, растетъ, совершенствуется.

* * *

Примѣръ этому можно найти въ XVIII вѣкѣ. Уже въ 1723 г. Мандевилль, анонимный авторъ, который скандализировалъ Англію своей „басней о пчелахъ“ и добавленными къ ней комментаріями нападалъ открыто на общественное лицемѣріе, слывущее Моралью. Онъ доказываетъ, что такъ называемая нравственность обиходныхъ обычаевъ только маска лицемѣрія, что страсти, которыя якобы сдерживаются кодексомъ ходячей морали, наоборотъ, принимаютъ тѣмъ болѣе гибельное направленіе, чѣмъ больше ограниченій налагаетъ на нихъ кодексъ. Подобно Фурье, онъ требовалъ полной свободы проявленіямъ страстей для того, чтобы онѣ не выродились въ такое-же количество пороковъ. Онъ объяснялъ происхожденіе моральныхъ идей у человѣчества потворствомъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ лицъ—родителей и правящихъ классовъ, отдавая этимъ дань недостатку знаній по зоологіи въ его время. Всѣмъ извѣстна энергичная критика идей нравственности, которую внесли шотландскіе философы и энциклопе-

дисты. Извѣстны анархисты 1793 г., и всѣ знаютъ на чьей сторонѣ сказывается наиболѣе высокоразвитое чувство нравственности?—у законовѣдовъ, патріотовъ и якобинцевъ, которые воспѣвали принципъ принудительности и моральную санкцію Верховнаго Существа, или—у атеистовъ—гербертистовъ, которые, подобно Гюйо, отрицали и принудительность и санкцію морали?

* * *

„Почему я обязанъ быть нравственнымъ?“ вотъ вопросъ, который поставили себѣ раціоналисты XII вѣка, философы XVI, мыслители и революціонеры XVIII вѣка. Позже къ этому вопросу снова возвращаются англійскіе утилитаристы (Бентамъ и Милль), нѣмецкіе матеріалисты, какъ Бюхнеръ, русскіе нигилисты 60—70 гг., молодой основатель этики анархизма (наука объ общественной нравственности) Гюйо, къ несчастью, слишкомъ рано умершій. Вотъ этотъ-то вопросъ и ставятъ себѣ въ данный моментъ молодые французскіе анархисты.

* * *

И въ самомъ дѣлѣ, почему?

Тридцать лѣтъ тому назадъ этимъ вопросомъ увлекалась русская молодежь. „Я поступаю безнравственно въ данномъ случаѣ, говоритъ юный нигилистъ своему другу,—иллюстрирую первымъ подвернувшимся фактомъ волнующія его мысли,—я окажусь безнравственнымъ, но почему мнѣ и не поступить безнравственно?

Не потому-ли, что этого требуетъ библія? Но вѣдь библія—собраніе вавилонскихъ и іудейскихъ преданій—не болѣе. Это традиціи, составленныя подобно сборнику пѣсенъ Гомера, пѣсенъ басковъ или монгольскихъ легендъ! Развѣ я долженъ возвратиться къ умственному уровню полуварварскихъ народовъ Востока? Неужели я окажусь безнравственнымъ, потому что Кантъ говоритъ мнѣ о категорическомъ императивѣ, о таинственномъ велѣніи, которое зарождается въ глубинѣ моего я и повелѣваетъ быть нравственнымъ? Но почему-же этотъ „категорическій императивъ“ имѣетъ болѣе правъ на мои поступки, чѣмъ другой императивъ, который отъ времени до времени повелѣваетъ мнѣ напиться пьянымъ? Все дѣло въ одномъ словѣ.

Только одно слово! Развѣ это не совершенно то-же, что Провидѣніе или Рокъ—слова, выдуманныя для того, чтобы скрыть наше невѣжество!

— „Или я обязанъ быть нравственнымъ для того, чтобы доставить удовольствіе Бентаму, который хочетъ меня увѣрить, что я буду счастливѣе, если утону самъ, спасая прохожаго упавшаго въ рѣку, чѣмъ если буду смотрѣть, какъ онъ тонетъ?

— „Или еще потому, что я получилъ то, а не другое воспитаніе? Потому что нравственность мнѣ преподавала моя мать? Но въ такомъ случаѣ, развѣ я не долженъ также падать ницъ передъ всякой картиной, изображающей христа или мадону, уважать короля или императора, кланяться судьѣ, котораго считаю мошенникомъ,— и все это только потому, что моя мать, всѣ наши матери—очень добрыя, но очень невѣжественныя, научили насъ цѣлой кучѣ глупостей?

„Все это—такіе же предразсудки, какъ и все остальное, и я буду работать надъ тѣмъ, чтобы отъ нихъ отдѣлаться. Если мнѣ противно быть безнравственнымъ, я употреблю надъ собою усиліе, чтобы сдѣлаться таковымъ, какъ въ юности старался не бояться темноты, кладбища, привидѣній и мертвецовъ, къ которымъ мнѣ внушали страхъ. Я сдѣлаю это, чтобы сломать оружіе, которымъ пользуется религія, сдѣлаю это, наконецъ, хотя бы для того, чтобы протестовать противъ лицемѣрія, которое намъ навязываютъ во имя одного с л о в а, именемъ котораго окрестили нравственность“.

* * *

Вотъ какъ разсуждала русская молодежь въ тотъ моментъ, когда она порывала съ предразсудками Стараго Міра и воздвигала знамя нигилизма, или вѣрнѣе, философіи анархизма: „Не преклоняться ни передъ к а к и м ъ авторитетомъ, какъ бы высоко его ни ставили; не слѣдовать никакому принципу до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ провѣренъ разумомъ“.

Излишне прибавлять, что нигилистическая молодежь, выбросивъ въ корзину съ хламомъ ученіе о нравственности‘ своихъ отцовъ и предавъ пламени всѣ системы нравственности выработала въ своихъ нѣдрахъ зародышъ нравственнаго п о в е д е н і я,

который былъ безконечно возвышеннѣе всего того, что практиковали ихъ отцы подъ опекой Евангелія, „совѣсти“, „категорическаго императива“ или „разумно понятой пользы“ утилитарной школы.

Но прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ: Почему я долженъ быть нравственнымъ?, посмотримъ, однако, правильно ли поставленъ самый вопросъ, проанализируемъ мотивы человѣческихъ поступковъ.

II.

Когда наши предки хотѣли дать себѣ отчетъ въ томъ, какой импульсъ заставляетъ человѣка поступить такъ или иначе, они приходили къ этому выводу очень просто. Еще до сихъ поръ сохранились католическія иконы, изображающія способъ, которымъ они объясняли себѣ это.

Идетъ человѣкъ по полю, совершенно не замѣчая того, что на лѣвомъ его плечѣ сидитъ чортъ, а на правомъ—ангелъ. Діаволъ толкаетъ его на то, чтобы сотворить зло, а ангелъ пытается удержать его отъ этого.

Если ангелъ одержитъ верхъ, и человѣкъ останется добродѣтельнымъ, его подхватываютъ три другіе ангела и уносятъ на небо. Такъ все объясняется какъ по писанному.

Наши старыя няньки, очень хорошо освѣдомленныя на этотъ счетъ, скажутъ вамъ, что никогда не слѣдуетъ укладывать ребенка въ постель, не разстегнувъ ему ворота рубахи. У самаго основанія шеи, надо оставить открытымъ тепленькое мѣстечко, гдѣ могъ бы пріютиться ангелъ хранитель. Въ противномъ случаѣ діаволъ будетъ мучить ребенка даже во снѣ.

Эти наивныя разсужденія исчезаютъ. Но хотя старыя термины перестаютъ существовать, сущность всетаки остается одна и та же.

Просвѣщенная порода не вѣритъ болѣе въ черта, но такъ какъ ея идеи не разумнѣе вѣрованій нашихъ старыхъ нянекъ, она лицемѣрно прикрываетъ чорта и ангела схоластической болтовней, которую почтили названіемъ философіи Вмѣсто „чорта“ теперь говорятъ „плоть, страсти“. „Ангелъ“ замѣняется словами „совѣсть или душа“,—„отраженіе мысли Бога—творца“ или „великаго зодчаго“, какъ говорятъ франкъ-массоны. Но поступки лю-

дей по прежнему изображаются какъ результатъ борьбы двухъ враждебныхъ элементовъ. И всетаки человѣкъ продолжаетъ считаться добродѣтельнымъ по стольку, по скольку одинъ изъ этихъ элементовъ—душа или совѣсть—одержитъ большее количество побѣдъ надъ другимъ—плотью или страстями.

Не трудно понять изумленіе нашихъ дѣдушекъ, когда англійскіе философы, а позже энциклопедисты, стали увѣрять, вопреки этимъ примитивнымъ концепціямъ, что чорту и ангелу нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до человѣческихъ поступковъ, что всѣ поступки человѣка, хорошіе и дурные, полезные и вредные, проистекаютъ только изъ одного мотива: стремленія къ наслажденію.

Вся религіозная братія и многочисленное племя фарисеевъ, въ особенности, завопили о безнравственности. Всякія поношенія посыпались на мыслителей, которыхъ предали анаѳемѣ. И когда, нѣсколько позднѣе, уже въ теченіе нынѣшняго вѣка, къ тѣмъ же идеямъ вернулись Бентамъ, Джонъ Стюартъ Милль, Чернышевскій и многіе другіе, когда эти мыслители стали утверждать и доказывать, что Эгоизмъ, или—стремленіе къ наслажденію, является единственнымъ мотивомъ всѣхъ нашихъ поступковъ, проклятія возобновились съ удвоенной силой. Сочиненія ихъ были встрѣчены молчаливымъ заговоромъ, къ ихъ авторамъ отнеслись, какъ къ невѣждамъ.

* * *

А мѣжду тѣмъ, что можетъ быть справедливѣе этого положенія?

Вотъ человѣкъ, который отнимаетъ послѣдній кусокъ хлѣба у ребенка. Всѣ приходятъ къ единодушному заключенію, что онъ ужасный эгоистъ, что имъ руководитъ исключительно себялюбіе.

Но вотъ другой человѣкъ, котораго всѣ считаютъ добродѣтельнымъ; онъ дѣлится послѣднимъ кускомъ хлѣба съ голоднымъ, онъ снимаетъ съ себя одежду и отдаетъ ее холодному. И вотъ, моралисты, всегда говорящіе на своемъ религіозномъ жаргонѣ, спѣшатъ заявить, что онъ доводитъ принципъ любви къ ближнему до самоотреченія, что имъ руководитъ чувство не имѣющее ничего общаго съ эгоизмомъ.

А между тѣмъ, достаточно немножко поразмыслить, чтобы тотчасъ сдѣлалось яснымъ, что, не смотря на то, что оба эти поступка совершенно различны по своимъ результатамъ для человѣчества, мотивомъ ихъ является одно и то же, а именно стремленіе къ наслажденію. Если бы человѣкъ, отдающій свою послѣднюю рубашку, не находилъ наслажденія въ этомъ поступкѣ, онъ не совершилъ бы его. Онъ отнялъ бы хлѣбъ у ребенка, если бы это доставляло ему удовольствіе, но это ему претитъ, ему доставляетъ наслажденіе отдавать, и онъ на самомъ дѣлѣ отдаетъ.

Если бы не существовало опасности смѣшенія понятій при употребленіи въ новомъ смыслѣ словъ, уже имѣющихъ опредѣленное значеніе, можно было бы сказать, что импульсомъ поступковъ и того и другого человѣка былъ ихъ эгоизмъ.

Нѣкоторые такъ и выражались на самомъ дѣлѣ для того, чтобы придать болѣе выпуклости мысли, точнѣе формулировать идею, выражая ее въ такой формѣ, которая поражаетъ воображеніе и въ одно и то же время уничтожаетъ легенду, утверждающую, что каждымъ изъ приведенныхъ выше поступковъ руководили два различные мотива. Мотивъ былъ одинъ и тотъ же — стремленіе къ наслажденію или, что совершенно то же, желаніе избѣгнуть страданія.

Возьмите отъявленнаго негодяя; какого нибудь Тьера, который избиваетъ тридцать пять тысячъ Парижанъ, возьмите убійцу, который вырѣзываетъ цѣлую семью, чтобы погрязнуть въ развратѣ. Они дѣлаютъ это потому, что въ данный моментъ жажда славы или денегъ беретъ у нихъ верхъ надъ всѣми другими стремленіями. Чувство жалости, даже состраданія совершенно заглушаются въ этотъ моментъ иными чувствами, иною жаждой. Они поступаютъ почти какъ автоматы, чтобы удовлетворить одной изъ потребностей своей природы.

Или, оставляя въ сторонѣ сильныя страсти, возьмите дрянненькую натуришку—человѣка, который надуваетъ своихъ друзей, лжетъ на каждомъ шагу, то съ цѣлью выманить денегъ на кружку пива, то просто изъ хвастовства или хитрости. Возьмите буржуа, который по грошамъ обворовываетъ своихъ рабочихъ для того, чтобы купить брилліанты женѣ или любовницѣ.

Возьмите любого мелкаго плута: вѣдь и этотъ тоже повинуется только своей склонности, онъ стремится къ удовлетворенію потребности, онъ старается избѣгнуть того, что причиняетъ ему страданіе.

Чувствуется нѣкотораго рода неловкость при сравненіи этого мелкаго плута съ тѣмъ героемъ, который приноситъ въ жертву цѣликомъ всю свою жизнь для освобожденія угнетенныхъ и всходитъ на эшафотъ, подобно русскимъ нигилистамъ, до того привлекательнымъ является одно и—отвратительнымъ другое. А между тѣмъ, если бы обратились къ этому мученнику—къ женщинѣ, которой сейчасъ предстоитъ висѣлица, даже въ ту минуту, когда она готова взойти за эшафотъ, она скажетъ вамъ, что не согласна отдать въ обмѣнъ ни свою жизнь, жизнь затравленнаго звѣря, ни даже свою смерть за жизнь того мелкаго мошенника, который живетъ на украденные гроши рабочихъ. Она находитъ въ своей жизни, въ борьбѣ со всесильными чудовищами наивысшее для с е б я наслажденіе.

Все то, что выходитъ изъ рамокъ этой борьбы, мелочныя радости и горести буржуазнаго существованія кажутся ей такими скудными и жалкими: „Вы не живете, а прозябаете“, отвѣтитъ она вамъ.—„Я же жила!“

Само-собой, мы говоримъ о преднамѣренныхъ, сознательныхъ поступкахъ человѣка, оставляя за собою право коснуться позднѣе огромнаго количества безсознательныхъ, почти машинальныхъ поступковъ, которыми переполнена огромная часть нашей жизни. Итакъ, въ своихъ сознательныхъ и разумныхъ поступкахъ человѣкъ руководится всегда стремленіемъ къ тому, что доставляетъ ему наслажденіе.

Одинъ ежедневно напивается и доводитъ себя до состоянія безсловеснаго животнаго потому, что ищетъ въ винѣ того нервнаго возбужденія, котораго недостаетъ его нервной системѣ. Другой не пьетъ и отказывается отъ вина несмотря на то, что оно доставляетъ ему удовольствіе, для того, чтобы насладиться другими радостями, которыя онъ предпочитаетъ вину. Но развѣ онъ непоступаетъ совершенно такъ, какъ лакомка, который, пробѣжавъ меню параднаго обѣда, отказывается даже отъ любимаго блюда

для того, чтобы объѣсться другимъ, которое онъ предпочитаетъ первому?

Чтобы ни дѣлалъ человѣкъ, онъ всегда стремится къ наслажденію или избѣгаетъ страданія.

Когда женщина лишаетъ себя послѣдняго куска хлѣба для того, чтобы отдать его первому встрѣчному, когда она снимаетъ съ себя послѣднее рубище для того, чтобы согрѣть другую иззябшую женщину, а сама дрожитъ отъ холода на палубѣ судна, она дѣлаетъ это потому, что страдала бы неизмѣримо сильнѣе при видѣ голоднаго и холоднаго, чѣмъ страдаетъ отъ голода и холода сама. Она избѣгаетъ страданія, острота котораго знакома лишь тому, кто самъ испыталъ его.

Когда австраліецъ, котораго приводитъ въ примѣръ Гюйо, изнываетъ при одной мысли о томъ, что еще не отмстилъ за смерть своего родича, когда онъ чахнетъ, терзаемый сознаніемъ своей трусости, и оживаетъ лишь тогда, когда уже свершилъ актъ мести, онъ часто способенъ на геройскій подвигъ для того, чтобы отдѣлаться отъ угнетающаго его чувства и вновь обрѣсти внутреннее удовлетвореніе, которое является высшимъ наслажденіемъ.

Когда толпа обезьянъ, при видѣ товарища сраженнаго пулею охотника, осаждаетъ его палатку и требуетъ возвращенія трупа, не взирая на грозное дуло ружья, когда, наконецъ, предводитель стаи смѣло входитъ въ палатку, сначала угрожая охотнику, а затѣмъ умоляя его, и заставляетъ его своими жалобами возвратить трупъ, а вся стая съ воплями уноситъ его въ лѣсъ, обезьяны повинуются инстинкту сочувствія, который говоритъ громче всякихъ соображеній о личной безопасности. Это чувство беретъ у нихъ верхъ надъ всѣми остальными. Самая жизнь теряетъ въ ихъ глазахъ свою прелесть до того момента, когда они убѣдятся, наконецъ, что уже не въ состояніи возвратить своего товарища къ жизни. Это чувство становится до того гнетущимъ, что бѣдныя животныя рискуютъ всѣмъ для того, чтобы отдѣлаться отъ него.

Когда муравьи цѣлыми тысячами кидаются въ пылающій муравейникъ, подожженный этимъ злымъ животнымъ—человѣкомъ, и погибаютъ цѣлыми сотнями, спасая своихъ личинокъ, они опять таки повинуются потребности сохраненія своего потомства.

Они рискуютъ всѣмъ ради удовольствія унести съ собой эти личинки, которыя они ростили съ большею заботою, чѣмъ воспитываетъ своихъ дѣтей любая буржуазная мать.

Наконецъ, когда инфузорія, избѣгая слишкомъ знойныхъ лучей, отправляется на поиски болѣе умѣренной температуры, или растеніе поворачиваетъ цвѣты къ солнцу или сворачиваетъ свои листья при наступленіи ночи,—всѣ эти существа опять таки повинуются потребности избѣжать страданія и стремиться къ наслажденію: муравей, точно такъ-же какъ австраліецъ, христіанскій мученникъ, какъ и мученникъ—анархистъ.

* * *

Стремиться къ наслажденію, избѣгать страданія—это универсальный факторъ (нѣкоторые сказали бы—з а к о н ъ) органической жизни міра. Въ этомъ заключается самая сущность жизни. Не будь этого стремленія къ удовольствію, сама жизнь стала бы невозможной. Организованная матерія распалась бы, и жизнь прекратилась.

* * *

Итакъ, каковы бы ни были поступки человѣка, какова бы ни была линія его поведенія, о н ъ в с е г д а п о в и н у е т с я, в ъ с в о и х ъ п о с т у п к а х ъ, в е л ѣ н і я м ъ с в о е й п р и р о д ы. Какъ самые отталкивающіе поступки, такъ и безразличные и—самые привлекательные—всѣ диктуются въ равной мѣрѣ потребностями индивида. Поступая такъ или иначе, индивидъ дѣйствуетъ въ зависимости отъ того, что предвидитъ наслажденіе въ результатѣ своего поступка или думаетъ избѣжать страданія.

Это—фактъ вполнѣ установленный.

Вотъ, что составляетъ сущность, такъ называемой, теоріи эгоизма.

Теперь вопросъ: далеко ли подвинуло насъ это общее заключеніе?

Да, конечно, подвинуло. Мы завоевали себѣ истину и разрушили предразсудокъ, лежащій въ корнѣ всѣхъ предразсудковъ Въ этомъ заключеніи совмѣщается вся матеріалистическая философія по отношенію къ человѣку.

Но развѣ изъ него слѣдуетъ то заключеніе, которое пото-

ропились вывести, что всѣ человѣческіе поступки безразличны? Мы сейчасъ разсмотримъ это.

III.

Мы уже видѣли, что всѣ человѣческіе поступки (разумные т. е. сознательные; позже мы будемъ говорить о безсознательныхъ привычкахъ) имѣютъ общее происхожденіе. Поступки, которые называютъ добродѣтельными, точно такъ, какъ и тѣ, которые именуютъ порочными, величіе самоотверженія такъ же, какъ и мелкое полутовство, симпатичные поступки, какъ и отвратительныя дѣянія—вытекаютъ всѣ изъ одного источника. Всѣ они созданы для удовлетворенія природныхъ потребностей человѣка, всѣ—имѣютъ цѣлью стремиться къ наслажденію и избѣгать страданія. Мы видѣли это въ предыдущей главѣ, которая является краткимъ выводомъ изъ массы фактовъ, которые могутъ быть приведены въ доказательство этому.

Понятно, что такое объясненіе вызвало протестующіе вопли тѣхъ, кто оставался проникнутымъ религіозными принципами. Въ этомъ объясненіи сверхъестественному не остается уже мѣста; идея о безсмертіи души здѣсь совершенно покинута. Вѣдь, если человѣкъ въ своихъ поступкахъ повинуется лишь потребностямъ своей природы, если онъ является, такъ сказать, „сознательнымъ автоматомъ", то куда дѣвается безсмертная душа, куда дѣвается безсмертіе—послѣднее убѣжище тѣхъ, которые испытали мало радостей и слишкомъ много страданій и мечтаютъ о вознагражденіи на томъ свѣтѣ? Понятно, что люди, воспитанные на предразсудкахъ, плохо вѣрующіе въ столь часто обманывавшую ихъ науку, руководствующіеся больше чувствомъ, чѣмъ разумомъ,—отвращивались отъ того толкованія, которое отнимало у нихъ послѣднюю надежду.

* * *

Но что можно сказать о тѣхъ революціонерахъ, которые, съ начала прошлаго вѣка и до сегодняшняго дня, каждый разъ, какъ услышатъ естественное объясненіе человѣческихъ поступковъ (теорію эгоизма, если хотите), торопятся вывести изъ него то самое заключеніе, которое дѣлаетъ молодой нигилистъ, приведенный въ началѣ этого трактата, что сказать о тѣхъ, которые спѣшатъ съ восклицаніями: „Долой нравственность!"

Что сказать о тѣхъ, которые, убѣдившись въ томъ, что человѣкъ поступаетъ такъ или иначе только для того, чтобы удовлетворить какой нибудь изъ своихъ природныхъ потребностей, спѣшатъ сдѣлать выводъ, что всѣ дѣйствія человѣка являются безразличными, что добра и зла не существуетъ вовсе, что спасти цѣною своей жизни утопающаго или-же утопить его, чтобы завладѣть его часами,—безразлично, что тотъ и другой поступокъ являются актами совершенно тожественными, что мученикъ, умирающій на эшафотѣ за дѣло освобожденія человѣчества, и мелкій плутъ, обворовывающій своихъ товарищей, стоятъ другъ—друга, такъ какъ и тотъ и другой стремится къ достиженію наслажденія?

Еслибы они прибавляли еще, что не можетъ существовать ни хорошаго, ни дурного запаха; ни благоуханія розы, ни зловонія вонючей камеди, потому что какъ то, такъ и другое является лишь колебаніемъ молекулъ, что не существуетъ ни пріятнаго, ни дурнаго вкуса, потому что горечь хинина и сладость гуявы являются также лишь вибраціями молекулъ, что не существуетъ ни красоты, ни физическаго безобразія, ни глупости, ни ума, потому что красота и безобразіе, разумъ и глупость опять таки являются результатомъ химическихъ и физическихъ колебаній, происходящихъ внутри клѣточекъ организма, если бы они прибавляли все это, можно было бы сказать, что они городятъ чепуху, но все же руководятся логикой безумца.

Но такъ какъ они ничего этого не говорятъ, что можно изъ этого вывести?

* * *

Нашъ отвѣтъ совсѣмъ простъ. Мандевилль, который такимъ образомъ трактовалъ объ этомъ вопросъ въ 1724 году въ баснѣ „О пчелахъ“, русскій нигилистъ 60—70 годовъ, любой современный парижскій анархистъ разсуждаютъ такъ потому, что, не отдавая себѣ сами въ томъ отчета, они остаются погрязшими въ предразсудкахъ своего христіанскаго воспитанія. Не смотря на то, что они считаютъ себя анархистами, матеріалистами и атеистами, они разсуждаютъ совершенно такъ же, какъ отцы церкви или основатели будизма.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ эти добрые старички не говорили намъ: поступокъ будетъ хорошимъ въ томъ случаѣ, если

онъ является побѣдою духа надъ плотью, онъ будетъ дурнымъ, если плоть одержала побѣду надъ духомъ, онъ будетъ безразличнымъ, если не побѣдили ни плоть, ни духъ. Это—единственный критерій для оцѣнки хорошихъ и дурныхъ поступковъ. И вотъ, наши молодые друзья принялись повторять вслѣдъ за христіанскими отцами и буддистами: это — единственный критерій для оцѣнки хорошихъ и дурныхъ поступковъ. „Взгляните на животныхъ: у нихъ нѣтъ безсмертной души, они попросту приспособляютъ свои дѣйствія для удовлетворенія природныхъ потребностей, вотъ почему поступки животныхъ не могутъ быть ни хорошими, ни дурными: они всегда безразличны и потому-то животнымъ не уготовано ни рая, ни ада, ни награды, ни наказанія".

А наши друзья снова твердятъ припѣвъ святого Августина и святого Сакіа-Муни, говоря: Человѣкъ не болѣе какъ животное, его дѣйствія приспособляются исключительно къ удовлетворенію его природныхъ потребностей, слѣдовательно, и у людей не можетъ существовать хорошихъ или дурныхъ поступковъ: всѣ они безразличны.

* * *

Всегда эта проклятая идея о наказаніи и возмездіи становится поперекъ дороги разуму. Вѣчно это нелѣпое наслѣдіе религіознаго воспитанія, которое исповѣдуетъ, что поступокъ считается хорошимъ, если онъ вызывается сверхъестественнымъ вдохновеніемъ и—безразличнымъ, когда отсутствуетъ этотъ сверхъестественный мотивъ. Это постоянно—все тотъ же ангелъ на правомъ плечѣ и діаволъ—на лѣвомъ, даже у тѣхъ, кто больше всѣхъ осмѣиваетъ этотъ предразсудокъ. „Изгоните чорта и ангела, и тогда я уже не съумѣю сказать, хорошъ или дуренъ данный поступокъ. такъ какъ у меня нѣтъ другихъ критеріевъ для его оцѣнки", Такъ и чувствуется присутстіе попа, съ его чортомъ и ангеломъ, и весь наружный лоскъ матеріалистическаго ученія является недостаточнымъ для того, чтобы утаить его. А что еще хуже—живъ судья, расточающій удары бичей однимъ и—награды—другимъ, и даже принципы анархизма оказываются недостаточными для искорененія идеи о наградѣ и наказаніи.

* * *

Ну, а мы не хотимъ ни попа, ни судіи и говоримъ просто: „когда вонючая камедь издаетъ зловонье, змѣя жалитъ меня, а лжецъ надуваетъ, то и растеніе и животное, и человѣкъ—всѣ трое повинуются потребностямъ своей природы? Пусть такъ! Ну, а я тоже повинуюсь потребности своей натуры: я ненавижу растеніе, которое издаетъ зловоніе, ненавижу животное, которое убиваетъ своимъ ядомъ, ненавижу человѣка еще болѣе ядовитаго, чѣмъ животное! И я буду поступать въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ, не справляясь ни съ чортомъ, съ которымъ я, между прочимъ, незнакомъ, ни съ судьей, котораго ненавижу гораздо больше, чѣмъ змѣю. Я—и всѣ, кто раздѣляетъ мои антипатіи,—мы всѣ также повинуемся потребностямъ своей природы, и еще вопросъ, на чьей сторонѣ стоитъ разумъ, а слѣдовательно, и сила".

Мы сейчасъ займемся этимъ вопросомъ и тогда намъ станетъ ясно, что если святымъ Августинамъ недоставало другого основанія для различенія добра и зла, то въ мірѣ животныхъ всегда существовало для этого гораздо болѣе прочное основаніе. Животный міръ, начиная съ насѣкомаго и кончая человѣкомъ, прекрасно понимаетъ, что есть добро и зло, не справляясь объ этомъ ни у библіи, ни у философіи. И причина этого опять таки кроется въ потребностяхъ ихъ природы: въ сохраненіи вида, а слѣдовательно, въ наибольшей суммѣ счастія возможнаго для отдѣльнаго индивида.

IV.

Для того, чтобы провести отличительную грань между добромъ и зломъ, ветхозавѣтные теологи, буддисты, христіане и мусульмане, прибѣгали къ божественному вдохновенію. Они отлично понимали, что всякій человѣкъ: дикарь и цивилизованный, безграмотный и ученый, испорченный или добрый и честный человѣкъ всегда отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, поступаетъ-ли онъ хорошо или дурно, въ особенности, если онъ поступаетъ дурно, но, не находя объясненія этому общему факту, они усмотрѣли въ немъ божественное вдохновеніе. Философы-метафизики говорили намъ въ свою очередь о сознаніи, о какомъ-то мистическомъ императивѣ, что, въ сущности, являлось замѣною однихъ словъ другими. Но ни тѣ, ни другіе не сумѣли констатировать того

простого и поразительнаго факта, что животныя, живущія обществами, разбираются въ понятіяхъ „добра“ и „зла“ точно такъ же хорошо, какъ самъ человѣкъ. Мало того: ихъ понятія о добрѣ и злѣ совершенно однородны съ понятіями человѣка, а у отдѣльныхъ представителей обособленнаго класа—насѣкомыхъ, рыбъ, птицъ, млекопитающихъ—эти понятія даже тожественны.

Мыслители XVIII ст. хорошо это подмѣтили, но съ тѣхъ поръ это наблюденіе было позабыто, и теперь на нашу долю выпала обязанность подчеркнуть огромное значеніе этого факта.

* * *

Форель, неподражаемый изслѣдователь нравовъ муравьевъ, доказалъ цѣлою массою наблюденій и фактовъ, что при встрѣчѣ муравья, плотно набившаго медомъ свое брюшко, съ другимъ муравьемъ, у котораго желудокъ пустъ, этотъ послѣдній немедленно требуетъ у собрата пропитанія. И у этихъ крошечныхъ насѣкомыхъ считается обязательнымъ, чтобы сытый муравей отрыгнулъ свой медъ для того, чтобы имъ могли насытиться, въ свою очередь, голодные товарищи. Справьтесь у муравьевъ, хорошо-ли отказывать въ пищѣ остальнымъ членамъ своего муравейника, когда получивъ уже свою долю ея. Они отвѣтятъ вамъ своими поступками, смыслъ которыхъ очевиденъ, и—отвѣтятъ, что это очень дурно. Къ такому эгоисту—муравью отнесутся гораздо суровѣе, чѣмъ къ непріятелю чуждаго рода. Если-бы это произошло во время битвы муравьевъ двухъ разныхъ видовъ, они прекратили бы борьбу для того, чтобы преслѣдовать эгоиста. Этотъ фактъ доказанъ опытами, не оставляющими никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ.

Или-же, спросите воробьевъ, живущихъ у васъ въ саду, хорошо-ли не оповѣстить все маленькое общество о томъ, что изъ вашего окна выброшено въ садъ нѣсколько крошекъ хлѣба, для того, чтобы всѣ могли принять участіе въ трапезѣ? Спросите ихъ, хорошо-ли поступилъ этотъ воробушекъ, похитившій изъ гнѣзда своего сосѣда собранные имъ клочки соломы, которую подобрать не захотѣлъ дать себѣ труда самъ грабитель? И воробьи отвѣтятъ вамъ, что это очень дурно, дружно набросившись на вора и побивая его клювами.

Спросите также сурковъ, хорошо-ли преграждать доступъ

въ подземныя кладовыя другимъ суркамъ своей колоніи? И они отвѣтятъ вамъ, что это очень дурно, отплачивая всевозможными непріятностями скупцу.

Спросите, наконецъ, первобытнаго человѣка, чукчу напримѣръ, хорошо-ли взять пищу изъ палатки кого нибудь изъ членовъ рода въ его отсутствіе? И онъ отвѣтитъ вамъ, что въ томъ случаѣ, если человѣкъ могъ самъ добыть себѣ пропитаніе, это было бы очень дурно. Но если онъ былъ утомленъ, если терпѣлъ нужду, то имѣлъ право брать свое пропитаніе тамъ, гдѣ находилъ его. Но что въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ оставить въ палаткѣ свою шапку, ножъ или хотя бы обрывокъ веревки, съ затянутымъ на ней узломъ, чтобы отсутствующій охотникъ узналъ, по возвращеніи, что его посѣтилъ товарищъ, а не бродяга.

Такая предосторожность избавила бы хозяина отъ хлопотъ, которыхъ надѣлало бы ему предположеніе о пребываніи вора вблизи его палатки.

Можно было бы привести цѣлыя тысячи аналогичныхъ фактовъ. Можно было бы исписать цѣлыя книги, чтобы показать, что понятія о добрѣ и злѣ у человѣка и животныхъ тожественны.

* * *

Ни муравей, ни птица, ни сурокъ, ни дикій чукча не читали ни Канта, ни святыхъ отцовъ, ни даже Моисея. И однако, у нихъ у всѣхъ представленіе о добрѣ и злѣ одинаковы. И если вы чуточку поразмыслите о томъ, что лежитъ въ основаніи этого понятія, вамъ тотчасъ-же станетъ ясно, что хорошимъ и у муравьевъ, и у сурковъ, и у христіанскихъ или атеистическихъ моралистовъ считается то, что полезно для сохраненія рода, а дурнымъ то, что вредитъ этому. Не то, что полезно или вредно отдѣльному индивиду, какъ утверждали это Бентамъ или Милль, а то, что полезно или вредно цѣлому виду.

Такимъ образомъ, идея добра и зла не имѣетъ ничего общаго съ религіей или мистическимъ сознаніемъ; она является естественной потребностью животной рассы. И когда основатели религій, философы и моралисты, говорятъ намъ о божественной или метафизической сущности, они только пережевываютъ то, что практикуется каждымъ муравьемъ, каждымъ воробьемъ въ

своемъ маленькомъ обществѣ: „полезно-ли это обществу? Въ такомъ случаѣ это хорошо".

— „Вредно-ли это обществу? Въ такомъ случаѣ это дурно".

* * *

Эта идея, быть можетъ ограниченная у низшихъ животныхъ, постепенно расширяется на высшихъ ступеняхъ животнаго царства, но сущность ея остается все-же одной и тою-же. У муравья она не выходитъ изъ предѣловъ муравейника. Всѣ обычаи солидарности, всѣ правила общежитія прилагаются единственно къ отдѣльнымъ особямъ своего муравейника. Необходимо одѣлять пищею изъ своего зоба членовъ собственнаго муравейника, но остальныхъ—ни въ какомъ случаѣ. Сліяніе двухъ муравейниковъ въ одну общую семью можетъ произойти только въ исключительныхъ случаяхъ, когда, напр., бѣдствіе грозитъ имъ обоимъ. Точно также воробьи Люксембургскаго сада, проявляя въ отношеніи другъ друга поразительную солидарность, вступили бы въ ожесточенную битву съ воробьемъ Монжскаго сквера, если-бы этотъ послѣдній осмѣлился залетѣть въ Люксембургскій садъ. Чукча будетъ разсматривать другаго чукчу чуждаго рода, какъ человѣка, къ которому непримѣнимы обычаи его племени. Ему разрѣшается даже продавать предметы (продавать—всегда означаетъ болѣе или менѣе обкрадывать покупателя: кто нибудь изъ двухъ всегда оказывается обманутымъ: продавецъ или покупатель), тогда какъ было бы преступленіемъ продавать что нибудь члену своего рода: имъ даютъ, никогда не считаясь съ ними.

И цивилизованный человѣкъ, уразумѣвъ, наконецъ, тѣсную связь, которая существуетъ между нимъ и послѣднимъ изъ папуасовъ, связь, легко ускользающую на первый взглядъ, распространитъ свои принципы солидарности на весь родъ человѣческій и даже—на царство животныхъ. Идея растетъ, но сущность ея остается всегда одной и тою-же.

Съ другой стороны, понятія о добрѣ и злѣ мѣняются въ зависимости отъ степени интеллигентности и расширенія круга знаній.

Эти понятія не имѣютъ характера непреложности. Первобытный человѣкъ могъ находить, что очень хорошо, т. е. полезно для племени, поѣдать своихъ престарѣлыхъ родителей,

когда они становятся бременемъ (въ сущности очень тяжелымъ) для общины. Онъ могъ находить, что хорошо, т. е. опять таки полезно для общины, избивать новорожденныхъ младенцевъ, оставляя только по-двое или по-трое на каждую семью, чтобы матери имѣли возможность кормить ихъ грудью до трехлѣтняго возраста и вволю ихъ пѣствовать. Теперь появились новыя идеи, да и средства существованія стали уже не тѣми, какими были въ каменномъ вѣкѣ. Цивилизованный человѣкъ находится въ другихъ условіяхъ по сравненію съ семьей дикаря, которой приходилось выбирать изъ двухъ золъ: или поѣдать престарѣлыхъ родителей, или жить впроголодь всѣмъ и оказаться скоро не въ состояніи прокормить ни престарѣлыхъ родителей, ни молодыхъ семей. Надо сумѣть перенестись въ эти эпохи, представленіе о которыхъ намъ съ трудомъ удается вызвать въ своемъ воображеніи, чтобы понять, что при тогдашнихъ условіяхъ разсужденія полудикаго человѣка были довольно правильны. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ мы не видимъ, какъ населеніе Океаніи стало дѣлаться жертвою скорбута съ тѣхъ поръ, какъ миссіонеры добились того, чтобы туземцы не поѣдали своихъ родителей и непріятелей. *)

* * *

Мѣняются сужденія, мѣняются понятія о томъ, что полезно и вредно для сохраненія вида, но сущность остается неизмѣнной. И если бы пришло въ голову резюмировать одной фразой всю философію животнаго царства, то оказалось бы, что муравьи, птицы, сурки и люди—всѣ сходятся въ одномъ пунктѣ. Христіане говорятъ: „Не дѣлай ближнему того, чего не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ самому“, и прибавляютъ: „въ противномъ случаѣ тебя препроводятъ въ адъ“.

Мораль, которая выводится изъ изслѣдованія нравовъ царства животныхъ въ его цѣломъ, уже гораздо болѣе высокаго порядка и резюмируется такъ: „Поступай съ другими такъ, какъ ты желалъ-бы, чтобы поступали съ тобой“, и добавляетъ: „запомни хорошенько, что это не болѣе какъ совѣтъ“, но этотъ совѣтъ является плодомъ длиннаго ряда опытовъ надъ обще-

*) Это констатировано Миклухой-Маклаемъ, наблюденія котораго, какъ извѣстно, заслуживаютъ довѣрія.

ственными животными, включая сюда и человѣка. Поступать согласно этому принципу стало уже привычкою. Безъ этого принципа невозможно самое существованіе общества; никакой народъ не былъ бы въ состояніи побѣдить тѣ естественныя препятствія, съ которыми ему приходится бороться.

Вытекаетъ-ли въ дѣйствительности этотъ столь простой принципъ изъ изслѣдованія нравовъ царства общественныхъ животныхъ и человѣческаго общества? Находитъ-ли онъ въ нихъ приложеніе? И какъ онъ, все продолжая развиваться, обращается постепенно въ привычку? Вотъ что мы и постараемся прослѣдить сейчасъ.

V.

У человѣка существуетъ понятіе о добрѣ и злѣ. На какой бы высокой ступени интеллектуальнаго развитія ни стоялъ человѣкъ, или наоборотъ, какъ бы ни были отуманены его идеи предразсудками и эгоистическими интересами, онъ, въ общемъ, считаетъ хорошимъ то, что полезно тому обществу, въ которомъ живетъ, и—дурнымъ то, что вредно этому обществу.

Но откуда берется это умозаключеніе, очень часто до того смутное, что его едва можно отличить отъ эмоціи?

Вотъ, напр., цѣлые милліоны человѣческихъ существъ, которымъ никогда не приходило въ голову размышлять о родѣ человѣческомъ. Ихъ понятія о немъ ограничиваются, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, кланомъ и семьей, рѣже націей, и еще рѣже—родомъ человѣческимъ. Какъ-же могло случиться, что они считаютъ добромъ то, что полезно человѣческому роду и даже достигаютъ чувства солидарности внутри своего клана, вопреки всѣмъ своимъ узко-эгоистическимъ интересамъ.

Этотъ фактъ долго занималъ мыслителей всѣхъ временъ, онъ продолжаетъ занимать ихъ и теперь, ежегодно на эту тему исписываются цѣлыя библіотеки.

Мы, въ свою очередь, изложимъ сейчасъ свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ и отмѣтимъ мимоходомъ, что, если могутъ варіировать толкованія факта, самый фактъ все-же остается неоспоримымъ и, даже въ томъ случаѣ, если наше объясненіе окажется невѣрнымъ или неполнымъ, самый фактъ со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями останется на лицо.

Намъ можетъ быть въ точности неизвѣстнымъ происхожденіе планетъ, которыя вращаются вокругъ солнца,—тѣмъ не менѣе планеты будутъ продолжать вращаться, и одна изъ нихъ увлекаетъ и насъ вмѣстѣ съ собою въ пространство.

* * *

Мы уже говорили объ объясненіи, которое даетъ по этому поводу религія. Человѣкъ отличаетъ добро отъ зла только потому, говорятъ отцы церкви, что Богъ вдохнулъ въ него эти понятія. Человѣку нѣтъ дѣла до того, что полезно или вредно, ему остается лишь повиноваться идеѣ своего творца. Не станемъ останавливаться на этомъ объясненіи, которое является плодомъ страха и невѣжества дикаря. Пойдемъ дальше.

Другіе (подобно Гоббсу) пытались найти объясненіе въ законѣ. По ихъ мнѣнію законъ способствовалъ развитію у человѣка чувства справедливости и несправедливости, добра и зла.

Наши читатели сами сумѣютъ дать надлежащую оцѣнку этому объясненію. Они знаютъ, что законъ попросту воспользовался соціальными инстинктами человѣка для того, чтобы подсунуть ему, вмѣстѣ съ заповѣдями морали, которыя онъ признавалъ, такіе порядки на пользу эксплуатирующаго меньшинства, противъ которыхъ они возставали. Законъ извратилъ чувство справедливости вмѣсто того, чтобы способствовать его развитію. Слѣдовательно, пойдемъ дальше.

Не будемъ также останавливаться на разсужденіяхъ утилитаристовъ. Они утверждаютъ, что человѣкъ поступаетъ нравственно изъ личнаго интереса, и забываютъ о чувствѣ солидарности съ человѣчествомъ, которое все-же существуетъ, какое бы объясненіе ни давалось его происхожденію. Въ ихъ сужденіи зазаключается уже частица правды, но это еще далеко не вся истина, а слѣдовательно, пойдемъ еще дальше.

И всетаки, единственно мыслителямъ XVIII вѣка принадлежитъ хотя бы и частичное открытіе происхожденія источника моральнаго чувства.

Въ своей великолѣпной книгѣ, которую духовенство встрѣтило глубокимъ молчаніемъ и которая, дѣйствительно, мало изизвѣстна даже большинству мыслителей—атеистовъ, Адамъ Смитъ

подошелъ къ разгадкѣ истиннаго происхожденія моральнаго чувства. Онъ не ищетъ его въ религіозномъ или мистическомъ чувствѣ и находитъ его въ простомъ элементѣ сочувствія.

Вы видите, напр., что взрослый бьетъ ребенка. Вы знаете, что побои причиняютъ страданіе ребенку. Воображеніе заставляетъ васъ живо ощущать причиняемое ему зло, или-же его рыданія, выраженіе страданія на его маленькомъ личикѣ громко говорятъ вамъ о нихъ. И если вы не трусъ, вы немедленно броситесь на обидчика, вы отнимите ребенка у этого звѣря.

Уже одного этого примѣра достаточно для объясненія всѣхъ моральныхъ чувствъ. Чѣмъ богаче развито ваше воображеніе, тѣмъ лучше вы можете представить себѣ ощущенія существа, которое заставляютъ страдать, и тѣмъ болѣе интенсивнымъ и утонченнымъ станетъ ваше моральное чувство. Чѣмъ сильнѣе въ васъ развита способность ставить себя на мѣсто другаго индивида, тѣмъ живѣе вы будете чувствовать зло, которое причиняютъ ему, оскорбленіе, которое ему нанесятъ, несправедливость, жертвою которой онъ становится и тѣмъ болѣе вы будете склонны противодѣйствовать злу, оскорбленію или несправедливости. И чѣмъ больше вы станете привыкать—въ силу-ли обстоятельствъ, подъ вліяніемъ-ли окружающихъ васъ лицъ или интенсивности собственнаго воображенія и мысли—дѣйствовать въ томъ направленіи, куда васъ толкаетъ воображеніе и мысль, тѣмъ болѣе будетъ расти и крѣпнуть въ васъ это моральное чувство, тѣмъ болѣе будетъ оно пріобрѣтать силу привычки.

Вотъ какую мысль развиваетъ Смитъ, иллюстрируя ее огромнымъ количествомъ примѣровъ. Онъ былъ молодъ, когда написалъ эту книгу, и она стоитъ неизмѣримо выше его „политической экономіи", которая является произведеніемъ его старческаго возраста. Свободный отъ всякихъ религіозныхъ предразсудковъ, онъ искалъ объясненія нравственности въ физическихъ явленіяхъ человѣческой природы, и вотъ почему въ теченіе цѣлаго столѣтія духовная и свѣтская поповщина держала эту книгу подъ запретомъ.

Адамъ Смитъ не понялъ—и это было его единственной ошибкой—что элементъ сочувствія, обратившійся въ привычку, существуетъ у животныхъ точно такъ же, какъ и у человѣка.

Не во гнѣвъ будь сказано вульгарнымъ популяризаторамъ

Дарвина, игнонирующимъ въ его сочиненіяхъ все, что не позаимствовано у Мальтуса,—чувство солидарности является преобладающею чертою всѣхъ животныхъ, живущихъ обществами. Правда, орелъ пожираетъ воробья, волкъ истребляетъ сурковъ, но и орлы, и волки помогаютъ другъ-другу во время охоты, а воробьи и сурки такъ солидарны въ своей защитѣ противъ хищниковъ, что только зѣвака попадаетъ въ ихъ когти. Въ любомъ обществѣ животныхъ солидарность является закономъ природы, гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ пресловутая борьба за существованіе, добродѣтель которой воспѣваютъ намъ буржуа на всѣ лады для того, чтобы мы окончательно отупѣли.

Когда мы изучаемъ міръ животныхъ и пытаемся освѣтить себѣ вопросъ о борьбѣ за существованіе, которую ведетъ каждое живое существо противъ неблагопріятныхъ условій среды и своихъ враговъ, мы констатируемъ, что, чѣмъ болѣе развиты принципы равенства и солидарности въ данномъ обществѣ животныхъ, чѣмъ болѣе они вошли у него въ привычку,—тѣмъ больше шансовъ на выживаніе имѣетъ общество, тѣмъ болѣе у него шансовъ выйти торжествующимъ побѣдителемъ въ борьбѣ съ неблагопріятной средой и врагами. Чѣмъ живѣе сознаетъ каждый членъ общества свою солидарность съ другими его членами—тѣмъ болѣе развиваются во всѣхъ членахъ общества два качества, являющіяся главными факторами побѣды и всякаго прогресса—съ одной стороны мужество, а съ другой—свободная индивидуальная иниціатива. Наоборотъ, чѣмъ болѣе утрачивается въ данномъ обществѣ или маленькой группѣ животныхъ это чувство солидарности (что является слѣдствіемъ исключительной скудости или исключительнаго изобилія пищи), тѣмъ болѣе и оба другіе фактора прогресса—мужество и индивидуальная иниціатива—понижаются въ своемъ уровнѣ, въ концѣ-концовъ они изчезаютъ, и доведенное до упадка общество обречено пасть передъ лицомъ врага.

Безъ взаимнаго довѣрія борьба становится невозможной, безъ мужества, безъ иниціативы, безъ солидарности—побѣды не существуетъ. Пораженіе является неминуемымъ.

Мы возвратимся впослѣдствіи къ этому вопросу и сможемъ доказать на множествѣ примѣровъ, что въ мірѣ животныхъ и человѣка законъ солидарности является закономъ прогресса и

что принципъ взаимопомощи, такъ-же какъ и мужество и индивидуальная иниціатива, изъ него проистекающія, обезпечиваютъ побѣду тому изъ видовъ, который лучше научился примѣнять ихъ. Сейчасъ-же, намъ достаточно констатировать этотъ фактъ. Читателю будетъ самому понятна важность его значенія для занимающаго насъ вопроса.

* * *

Теперь представьте себѣ это чувство солидарности дѣйствующимъ въ теченіе милліоновъ смѣняющихся вѣковъ, начиная съ первыхъ зародышей животной жизни на земномъ шарѣ. Представьте себѣ, какъ это чувство мало по малу превращалось въ привычку и передавалось, въ силу наслѣдственности, отъ простѣйшихъ, микроскопическихъ организмовъ на восходящія ступени потомковъ—насѣкомымъ, птицамъ, премыкающимся, млекопитающимъ и человѣку,—представьте себѣ это, и вы поймете происхожденіе моральнаго чувства, которое составляетъ такую-же необходимость для животнаго, какъ пища или органъ, который ее перевариваетъ.

Вотъ, не спускаясь еще ниже по ступенямъ животнаго царства (такъ какъ намъ пришлось бы говорить о сложныхъ организмахъ, состоящихъ изъ цѣлыхъ колоній крошечныхъ простѣйшихъ организмовъ), источникъ происхожденія моральнаго чувства. Мы вынуждены были быть чрезвычайно краткими для того, чтобы помѣстить этотъ обширный вопросъ на пространствѣ нѣсколькихъ страничекъ, но и этого уже достаточно для того, чтобы показать, что въ немъ нѣтъ ничего мистическаго и сентиментальнаго. Безъ этой солидарности индивида и вида, животный міръ не могъ бы ни развиваться, ни совершенствоваться. Самымъ совершеннымъ существомъ на землѣ былъ бы теперь тотъ кусочекъ протоплазмы, который плаваетъ въ водѣ и виденъ только въ микроскопъ. Да еще и существовалъ-ли бы онъ, такъ какъ и первичные аггрегаты клѣточекъ являются уже фактомъ ассоціаціи въ борьбѣ?

VI.

Итакъ, мы видимъ, что, наблюдая общества животныхъ—не въ роли заинтересованныхъ буржуа, а въ качествѣ простыхъ ра-

зумныхъ изслѣдователей, мы должны констатировать, что принципъ: „Поступай въ отношеніи другихъ такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы и другіе поступали съ тобой въ аналогичныхъ случаяхъ"—встрѣчается всюду, гдѣ только существуетъ общество.

А когда подробнѣе изучаешь развитіе или эволюцію животнаго міра, то открываешь (вмѣстѣ съ зоологомъ Кесслеромъ и экономистомъ Чернышевскимъ), что этотъ принципъ, который выражается словомъ „Солидарность", сыгралъ въ развитіи животнаго царства гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ какая бы то ни была приспособляемость, которая могла явиться результатомъ борьбы изъ за личной выгоды между отдѣльными особями.

Очевидно, что принципъ солидарности практикуется еще чаще въ человѣческихъ обществахъ.

Уже общества тѣхъ обезьянъ, которыя стоятъ на высшей ступени лѣстницы животныхъ, представляютъ намъ поразительный примѣръ примѣненія на практикѣ принципа солидарности. Человѣкъ дѣлаетъ еще шагъ на этомъ пути, и только одно это позволяетъ ему предохранить свой жалкій радъ отъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій враждебной среды и развить свои умственныя способности.

При изученіи тѣхъ первобытныхъ обществъ, которыя находятся еще до сихъ поръ на уровнѣ развитія каменнаго вѣка, оказывается, что въ ихъ маленькихъ общинахъ принципъ солидарности практикуется въ самой высокой степени по отношенію ко всѣмъ членамъ общины.

* * *

Вотъ почему чувство солидарности и примѣненіе его на практикѣ никогда не исчезаетъ, даже въ самыя мрачныя историческія эпохи. Даже при наступленіи преходящихъ періодовъ тиранніи, рабства, эксплуатаціи, отвергавшихъ этотъ принципъ, онъ всетаки господствовалъ всегда въ идеяхъ огромнаго большинства и коренился такъ глубоко, что вызывалъ взрывъ противъ неудовлетворительнаго режима, вызывалъ революцію. Это вполнѣ понятно: не будь этого, общество было бы обречено на гибель.

У огромнаго большинства животныхъ и людей это чувство остается и должно оставаться въ видѣ пріобрѣтенной привычки,

—принципа, который всегда находится на лицо даже тогда, когда мы не сознаемъ его въ своихъ поступкахъ. Въ насъ говоритъ вся эволюція животнаго царства въ ея цѣломъ. А вѣдь она очень, очень стара и насчитываетъ себѣ сотни милліоновъ лѣтъ.

Даже въ томъ случаѣ, если-бы мы захотѣли сбросить ее съ своихъ плечъ, это оказалось бы невозможнымъ. Человѣку легче пріучиться ползать на четверенькахъ, чѣмъ отдѣлаться отъ моральнаго чувства. Въ исторіи эволюціи животной жизни оно предшествовало вертикальному положенію человѣка на двухъ ногахъ.

Моральное чувство является у насъ прирожденной способностью совершенно такъ-же, какъ чувство обонянія или осязанія.

* * *

Что же касается Закона и Религіи, которые сами тоже проповѣдывали этотъ принципъ,—мы хорошо знаемъ, что они замошенничали его для прикрытія своего товара—предписаній, разсчитанныхъ на пользу побѣдителя, эксплуататора и попа. Безъ этого принципа солидарности, справедливость котораго является общепризнанной, какъ смогли бы они оказывать вліяніе на умы?

И религія и законъ прикрывались этимъ принципомъ совершенно такъ-же, какъ и власть, которой тоже удалось навязать свой авторитетъ, позируя въ роли покровительницы слабаго противъ сильнаго.

Выбрасывая за-бортъ Законъ, Религію и Власть, человѣчество снова овладѣваетъ моральнымъ принципомъ, который допустило было похитить у себя и подвергаетъ его критикѣ, очищаетъ отъ фальсификаціи, которою священникъ, судья и правитель отравляли и еще продолжаютъ отравлять его.

Но отвергать моральный принципъ изъ-за того, что Церковь и Законъ примѣняли его, было-бы такъ-же неразумно, какъ объявить, что мы не будемъ мыться, будемъ употреблять въ пищу свинину, зараженную трихинами, и отрицать коммунистическую собственность на землю изъ-за того, что Коранъ предписываетъ ежедневныя омовенія, гигіенистъ Моисей запрещаетъ евреямъ употребленіе свинины, или—Шаріа (дополненіе къ Корану) требуетъ, чтобы вся земля, остающаяся необработанною въ теченіе трехъ лѣтъ, возвращалась во владѣніе общины.

Къ тому-же, развѣ принципъ, повелѣвающій поступать съ другими такъ, какъ самъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, является по своей сущности не тѣмъ-же принципомъ равенства, лежащимъвъ основѣ анархизма? И какъ можно мы считать себя чтобы анархистомъ, не проводя принципа анархизма въ жизнь?

Мы не хотимъ надъ собою власти, но развѣ тѣмъ самымъ не заявляемъ, что и сами не желаемъ ни надъ кѣмъ властвовать? Мы не хотимъ, чтобы насъ обманывали, мы хотимъ, чтобы намъ всегда говорили одну только правду. Но развѣ тѣмъ самымъ мы не заявляемъ, что и сами не желаемъ никого обманывать и беремъ на себя обязательство всегда говорить правду, одну только правду и притомъ всю правду? Мы не хотимъ, чтобы у насъ похищали плоды нашего труда. Но развѣ тѣмъ самымъ мы не заявляемъ о своемъ уваженіи къ неприкосновенности продукта чужого труда?

И въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи мы можемъ требовать къ себѣ одного отношенія, оставляя однако-же за собой право совершенно иначе относиться къ другимъ?

Ужъ не являемся-ли мы по какой нибудь странной случайности тою „бѣлой костью“ киргизовъ, которая имѣетъ право обращаться съ другими, какъ ей вздумается? При этой мысли въ насъ громко протестуетъ самое примитивное чувство равенства. Равенство во взаимныхъ отношеніяхъ и вытекающая отсюда солидарность—самое могущественное оружіе животнаго царства въ борьбѣ за существованіе. Равенство—это справедливость. Объявляя себя анархистами, мы провозглашаемъ заранѣе, что отказываемся поступать съ другими не такъ, какъ хотѣли бы, чтобы поступали съ нами, заявляемъ, что не потерпимъ неравенства, которое даетъ нѣкоторымъ изъ насъ возможность пускать въ ходъ свою силу, хитрость или ловкость въ направленіи, которому мы сами не сочувствуемъ. А вѣдь всеобщее равенство, являющееся синонимомъ справедливости, составляетъ сущность анархизма. Къ чорту бѣлую кость, которая присваиваетъ себѣ право надувать довѣрчиваго ближняго. Мы не хотимъ ея—и уничтожимъ при случаѣ. Мы объявляемъ войну не одной только отвлеченной Троицѣ—въ лицѣ Закона, Религіи и Власти. Мы объявляемъ войну всему потоку лжи, хитрости, эксплуатаціи, разврата, пороковъ—словомъ, неравенству, которымъ онъ переполнилъ всѣ

сердца. Мы объявляемъ войну всему ихъ поведенію, всему ихъ мышленію. Подданный, обманутый, эксплуатируемый, проституткa и т. д. оскорбляютъ въ насъ прежде всего чувство справедливости, и мы не хотимъ болѣе ни проституток, ни эксплуатируемыхъ, ни обманутыхъ, ни вѣрноподданныхъ.

* * *

Намъ, быть можетъ, замѣтятъ,—по крайней мѣрѣ это уже повторялось не разъ:—„Но если вы полагаете, что нужно всегда поступать въ отношеніи другихъ такъ, какъ вы хотѣли бы, чтобы поступали съ вами, по какому праву можете вы прибѣгать къ силѣ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ? По какому праву вы направляете пушки на цивилизованныхъ или варваровъ, которые дѣлаютъ нашествіе на вашу страну? По какому праву можете вы экспропріировать эксплуататора? По какому праву можно убивать не только тирана, но хотя бы даже ядовитую змѣю??“

По какому праву? А что вы понимаете подъ этимъ страннымъ терминомъ, который позаимствованъ у Закона? Задаетесь-ли вы вопросомъ о томъ, существуетъ-ли въ васъ сознаніе, что вашъ поступокъ хорошъ, когда совершаете его, или считаютъ-ли его хорошимъ тѣ, кого вы уважаете? Если вы интересуетесь именно этимъ вопросомъ, въ такомъ случаѣ нашъ отвѣтъ будетъ очень простымъ.

Да, разумѣется, мы имѣемъ право прибѣгать къ силѣ, такъ какъ сами требуемъ, чтобы насъ убивали, какъ ядовитыхъ животныхъ, если мы предпримемъ нашествіе на Тонкинъ или страну Зулусовъ, которые никогда не причинили намъ ни малѣйшаго зла: „Убей меня, если я когда нибудь стану въ ряды сторонниковъ нашествія“, говоримъ мы своимъ сыновьямъ, своимъ товарищамъ. Да, разумѣется, потому что мы требуемъ, чтобы насъ экспропріировали,—насъ самихъ,—если мы когда нибудь, измѣнивъ своимъ принципамъ, завладѣемъ наслѣдствомъ—хотя бы оно свалилось намъ съ неба—для того, чтобы эксплуатировать ближняго.

Да, разумѣется, потому что всякій благородный человѣкъ заранѣе потребуетъ, чтобы его убили, если онъ превратится когда нибудь въ гадюку,—потребуетъ, чтобы ему вонзили въ

сердце кинжалъ, если онъ станетъ на мѣсто свергнутаго съ свое-его трона тирана.

* * *

На сотню человѣкъ, у которыхъ есть жены и дѣти, можно насчитать девяносто такихъ, которые, сознавая приближеніе безумія (т. е потери контроля сознанія надъ поступками), будутъ дѣлать попытки къ самоубійству изъ боязни причинить зло тѣмъ, кого любятъ. Благородный человѣкъ готовъ тотчасъ-же умереть, какъ только почувствуетъ, что становится опаснымъ для тѣхъ, кого любитъ, прежде чѣмъ эта опасность осуществится.

Однажды, въ Иркутскѣ, польскаго врача и фотографа укусила бѣшенная собака.

Фотографъ прижегъ свою рану раскаленнымъ желѣзомъ, докторъ ограничился для той-же операціи ѣдкимъ составомъ; онъ былъ молодъ, хорошъ и полонъ жизни, онъ только что отбылъ каторгу, къ которой былъ приговоренъ правительствомъ за самоотверженное служеніе дѣлу народа; сильный своимъ знаніемъ и умомъ, онъ дѣлалъ чудеса исцѣленія; больные обожали его. Шесть недѣль спустя, онъ замѣчаетъ, что укушенная рука начинаетъ пухнуть. Для врача ошибки тутъ быть не могло: это было наступленіе бѣшенства. Онъ бѣжитъ къ товарищу такому же врачу и изгнаннику, каковъ былъ самъ.—„Скорѣе стрихнину, умоляю тебя: ты видишь эту руку, ты понимаешь, что это значитъ? Черезъ какой нибудь часъ, или того меньше, наступитъ припадокъ бѣшенства, я буду пытаться укусить тебя и друзей; время не терпитъ, скорѣе стрихнину: надо умирать".

Чувствуя, что превращается въ ядовитую змѣю, онъ требовалъ, чтобы его убили.

Товарищъ колебался: ему захотѣлось испробовать леченіе противъ бѣшенства. Вдвоемъ съ одной мужественной женщиной, они стали ухаживать за нимъ и... два часа спустя, врачъ, съ пѣною у рта, бросался чтобы укусить ихъ, затѣмъ онъ приходилъ въ себя, требовалъ стрихнину и—снова впадалъ въ бѣшенство. Онъ умеръ въ ужасныхъ судорогахъ. И сколько подобныхъ фактовъ, провѣренныхъ нашими изслѣдованіями, могли бы мы привести еще! Благородный человѣкъ предпочитаетъ лучше умереть, чѣмъ стать причиной страданій другого. Вотъ откуда

у него является сознаніе, что онъ поступаетъ хорошо—и одобреніе тѣхъ, кого онъ уважаетъ, подтверждаетъ ему это—когда убиваетъ ядовитую змѣю или тирана.

* * *

Перовская и ея товарищи убили русскаго царя, и все человѣчество, не смотря на отвращеніе къ кровопролитію, не смотря на симпатію къ тому, кто освободилъ своихъ крестьянъ, признало, что они имѣли право на этотъ поступокъ.

Почему? Не потому, чтобы этотъ актъ былъ признанъ полезнымъ: три четверти человѣчества еще сомнѣвается въ этомъ, но потому, что каждый чувствовалъ, что Перовская и ея товарищи ни за какія сокровища міра не согласились бы стать въ свою очередь тиранами. Даже тѣ, которымъ неизвѣстна эта драма въ ея цѣломъ, тѣмъ не менѣе убѣждены, что въ этомъ поступкѣ сказалось не удальство молодыхъ людей, не попытка къ дворцовому перевороту, или стремленіе къ власти, а ненависть къ тиранiи, ненависть, доходящая до самоотверженія и смерти. „Эти люди", говорятъ про нихъ, „завоевали себѣ право убивать", какъ говорятъ о Луизѣ Мишель: „Она имѣла право грабить" или еще—„они имѣли право воровать", когда упоминаютъ о террористахъ, которые, питаясь вами сухимъ хлѣбомъ, украли цѣлый милліонъ или даже два въ Херсонскомъ казначействѣ, принимая при этомъ, съ рискомъ собственной гибели, всѣ предосторожности для того, чтобы снять отвѣтственность съ часоваго, который съ заряженнымъ ружьемъ, стоялъ на часахъ у кассы.

Человѣчество никогда не отрицаетъ права пускать въ ходъ силу—будь-то на баррикадахъ или глухомъ перекресткѣ—тѣхъ людей, которые *уже завоевали себѣ это право*. Но для того, чтобы подобные поступки могли оказывать глубокое вліяніе на умы, необходимо завоевывать себѣ это право. Иначе, поступокъ, какъ полезный, такъ и вредный, будетъ лишь просто актомъ грубости, не имѣющимъ никакого значенія для идейнаго прогресса. Его будутъ разсматривать, какъ простое перемѣщеніе силы, простой подмѣнъ одного эксплуататора другимъ.

VII.

До сихъ поръ мы говорили о сознательныхъ дѣйствіяхъ

человѣка (такихъ, которые онъ совершаетъ, отдавая въ нихъ себѣ отчетъ). Но на ряду съ сознательной жизнью, течетъ и несравненно болѣе обширная—безсознательная жизнь, которую нѣкогда слишкомъ часто игнорировали.

А между тѣмъ, достаточно приглядѣться къ собственной манерѣ одѣваться по утрамъ, когда мы дѣлаемъ попытки застегнуть завѣдомо потерянную наканунѣ пуговицу, или протягиваемъ руку, чтобы взять предметъ, который сами-же переложили на другое мѣсто, достаточно сдѣлать эти наблюденія, чтобы получить представленіе объ этой безсознательной жизни и понять огромную роль, которую она играетъ въ нашемъ существованіи.

Наши отношенія къ другимъ людямъ на три четверти слагаются изъ безсознательныхъ дѣйствій.

У каждаго своя манера говорить, улыбаться, хмуриться, горячиться или оставаться спокойнымъ во время спора, и всѣ эти дѣйствія мы совершаемъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, въ силу простой привычки, унаслѣдованной отъ нашихъ человѣческихъ или до-человѣческихъ предковъ (обратите только вниманіе на сходство выраженія лица человѣка и животнаго, когда тотъ и другой сердится) или—пріобрѣтенной сознательнымъ и безсознательнымъ путемъ.

Наше поведеніе по отношенію къ окружающимъ обращается такимъ образомъ, въ привычку. И человѣкъ, который пріобрѣтетъ наибольшее, количество хорошихъ привычекъ, будетъ, конечно, гораздо болѣе совершеннымъ нежели тотъ добрый христіанинъ, который увѣряетъ, что только діаволъ всегда толкаетъ его на сотвореніе зла и который способенъ воздержаться отъ него, лишь взывая къ мукамъ ада или блаженству рая.

Поступать въ отношеніи другихъ такъ, какъ хотѣлось бы, чтобы поступали съ тобой—переходитъ у людей и у всѣхъ общественныхъ животныхъ въ простую привычку, такъ что обыкновенно человѣкъ и не задается вопросомъ, какъ онъ долженъ поступить въ данномъ случаѣ, а поступаетъ хорошо или дурно, не размышляя. И только въ исключительныхъ случаяхъ, когда обстоятельства являются очень сложными или одолѣваетъ безумная страсть, человѣкъ начинаетъ колебаться, и отдѣльныя клѣточки его мозга (чрезвычайно сложный органъ, отдѣльныя части котораго функціонируютъ съ нѣкоторой долей самостоя-

тельности) вступаютъ между собою въ борьбу. Тогда онъ мысленно ставитъ себя на мѣсто того, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ задается вопросомъ, хотѣлъ-ли бы онъ, чтобы съ нимъ поступили даннымъ образомъ?—и его рѣшеніе будетъ тѣмъ болѣе моральнымъ, чѣмъ въ большей степени ему удается отожествить себя съ лицомъ, достоинство или интересы котораго онъ готовъ былъ попрать. Или въ дѣло вмѣшивается товарищъ и говоритъ ему: Поставь себя на его мѣсто. Развѣ ты допустилъ бы, чтобы онъ обошелся съ тобою такъ, какъ ты только что поступилъ съ нимъ?—И этого оказывается совершенно достаточнымъ.

Итакъ, обращаться къ принципу равенства приходится только въ минуту сомнѣнія, тогда какъ въ 99 случаяхъ изъ ста мы поступаемъ нравственно въ силу привычки.

* * *

Вы, безъ сомнѣнія, замѣтили, что во всемъ томъ, о чемъ мы говорили до сихъ поръ, мы не старались ничего предписывать, а просто описывали, какъ происходятъ вещи въ мірѣ животныхъ и у людей.

Въ былыя времена Церковь угрожала муками ада, чтобы морализировать людей; всѣмъ хорошо извѣстно, какъ она успѣвала въ этомъ: она ихъ деморализировала. Судья угрожаетъ неволей, плетьми, висѣлицей, и все это во имя тѣхъ же принциповъ общественности, которые онъ замошенничалъ у общества, и, такимъ образомъ, развращаетъ его. А авторитеты всевозможныхъ оттѣнковъ вопятъ о гибели общества при одной мысли о томъ, что судья можетъ исчезнуть съ лица земли въ одно время со священникомъ.

Что-же касается насъ, то мы не боимся отринуть судью и приговоры. Мы, вмѣстѣ съ Гюйо, даже отрицаемъ всякую санкцію, всякаго рода принудительность морали. „Дѣлай, что хочешь, дѣлай, какъ хочешь“, потому что мы убѣждены, что огромное количество людей, по мѣрѣ того какъ они будутъ становиться просвѣщеннѣе и отдѣлываться отъ путъ нашей современности, будутъ поступать и дѣйствовать всегда въ опредѣленномъ направленіи: на пользу обществу, — точно такъ-же, какъ мы убѣждены заранѣе, что ребенокъ научится когда нибудь ходить на двухъ ногахъ, а не ползать на четверенькахъ, только потому, что онъ

происходитъ отъ родителей принадлежащихъ къ породѣ Человѣка.

Единственно, что мы можемъ сдѣлать—дать совѣтъ и, все-таки, давая его, мы оговариваемся: „Этотъ совѣтъ окажется цѣннымъ лишь постольку, поскольку ты самъ убѣдишься на опытѣ и наблюденіяхъ, что слѣдовать ему полезно".

Когда мы видимъ, что молодой человѣкъ гнетъ спину, сдавливая себѣ такимъ образомъ грудь и легкія, мы совѣтуемъ ему выпрямиться, держать высоко голову и широко выставлять грудь. Мы ему совѣтуемъ вдыхать воздухъ полною грудью, чтобы расширить легкія, потому что это лучшее предохранительное средство отъ чахотки. Но въ то-же время мы преподаемъ ему физіологію, чтобы онъ ознакомился самъ съ функціей легкихъ и самъ избралъ ту манеру держаться, которую найдетъ наилучшей.

Вотъ рѣшительно все, что мы въ состояніи сдѣлать въ области нравственности. Мы имѣемъ право дать только совѣтъ, къ которому обязаны прибавить: „Слѣдуй ему, если считаешь его хорошимъ".

Но оставляя, за каждымъ право поступать, какъ ему заблагоразсудится, абсолютно отрицая за обществомъ право наказывать кого бы то ни было, какимъ бы то ни было образомъ за какой бы то ни было анти-общественный поступокъ, который онъ совершилъ, мы не отказываемся отъ способности любить то, что считаемъ хорошимъ и—ненавидѣть то, что считаемъ дурнымъ. Любить и ненавидѣть такъ, какъ только тотъ умѣетъ любить, кто умѣетъ ненавидѣть. Мы оставляемъ за собою это право, такъ какъ одного этого принципа совершенно достаточно для того, чтобы поддерживалось и развивалось моральное чувство каждаго общества животныхъ, и тѣмъ болѣе окажется достаточнымъ для поддержки и развитія нравственнаго чувства рода человѣческаго.

Мы требуемъ только одного: уничтоженія въ современномъ обществѣ всего того, что препятствуетъ свободному развитію этихъ двухъ чувствъ, всего, что увлекаетъ наше сужденіе на ложный путь:

Государства, Церкви, эксплуатаціи судьи, священника, правительства и эксплуататора.

Теперь, при видѣ какого нибудь Джека-потрошителя, ко-

торый умерщвляетъ одну за другой цѣлый десятокъ жалкихъ, бѣдныхъ женщинъ, которыя въ нравственномъ отношеніи стоятъ выше добрыхъ трехъ четвертей женщинъ буржуазіи,—нашимъ первымъ движеніемъ является чувство ненависти.

Если бы мы встрѣтились съ нимъ тогда, когда онъ зарѣзалъ женщину, которая требовала съ него шесть су въ уплату за ночлегъ, мы уложили бы его пулею на мѣстѣ, не разсуждая о томъ, что эта пуля оказалась бы скорѣе на своемъ мѣстѣ, если бы попала въ голову собственника лачуги.

Но когда мы припомнимъ всѣ подлости, которыя довели его до этихъ убійствъ, когда представимъ себѣ тотъ мракъ, въ которомъ онъ блуждаетъ, преслѣдуемый образами, которые почерпнулъ изъ отвратительныхъ книгъ или идеями, которыя нашептаны ему глупыми сочиненіями,—наше чувство раздваивается. И въ тотъ день, когда мы узнаемъ, что Джекъ попалъ въ руки судьи, который самъ хладнокровно погубилъ во сто разъ большее количество человѣческихъ жизней: мужчинъ, женщинъ, дѣтей, чѣмъ всѣ Джеки взятые вмѣстѣ, когда мы узнаемъ, что онъ попалъ въ руки этихъ холодныхъ маніаковъ, которые ссылаютъ въ каторгу Борассовъ для того, чтобы показать буржуазіи, что стоятъ на стражѣ ея интересовъ—тогда вся наша ненависть къ Джеку-потрошителю пропадаетъ и получаетъ иное направленіе. Она переносится на лицемѣрное и трусливое общество, на его общепризнанныхъ представителей.

Всѣ подлости какого нибудь потрошителя стушевываются передъ лицомъ многовѣковой серіи подлостей, совершенныхъ именемъ Закона. Его то мы и начинаемъ ненавидѣть.

Теперь наше чувство постоянно раздваивается. Мы понимаемъ, что являемся всѣ болѣе или менѣе, вольно или невольно,—сообщниками этого общества. Мы не имѣемъ болѣе права ненавидѣть. Имѣемъ-ли мы даже право любить? Въ обществѣ, построенномъ на эксплуатаціи и рабствѣ, человѣческая натура развращается.

Но по мѣрѣ исчезновенія рабства, мы будемъ понемногу возстановлять свои права. Мы снова обрѣтемъ силу любить и ненавидѣть, даже въ такихъ сложныхъ случаяхъ, какъ тотъ, который нами только что приведенъ сейчасъ.

* *
*

Ложь, грубость и т. п. отталкиваютъ насъ не потому, что осуждаются моральными кодексами—мы игнорируемъ эти кодексы—а потому, что ложь, грубость и т. п. оскорбляютъ чувство равенства того человѣка, для котораго равенство не является пустымъ звукомъ; онѣ возмущаютъ въ особенности того, кто является настоящимъ анархистомъ по своему образу мыслей и дѣйствій.

* * *

Но уже одного этого столь простого, естественнаго и очевиднаго принципа—если-бы только онъ всегда примѣнялся въ жизни—было бы достаточно для созданія очень возвышенной нравственности, обнимающей все то, чему имѣли претензію научить насъ моралисты.

Принципъ равенства резюмируетъ собой всѣ ученія моралистовъ. Но въ немъ содержится еще нѣчто бо́льшее. И этимъ нѣчто является уваженіе къ личности. Провозглашая свои анархическіе принципы равенства, мы отказываемся присваивать себѣ право, которое мнили за собой моралисты,—право уродовать личность во имя того или другаго идеала, который они считали хорошимъ. Мы не признаемъ ни за кѣмъ такого права, не желаемъ его и для себя.

Мы признаемъ неограниченную и полную свободу личности; мы желаемъ для нея полноты существованія и свободнаго развитія всѣхъ ея качествъ. Мы не хотимъ ничего навязывать ей и возвращаемся такимъ образомъ къ принципу, который Фурье противополагалъ религіозной морали, говоря: „Дайте человѣку абсолютную свободу, не уродуйте его, это сдѣлано уже въ достаточной мѣрѣ религіей. Не бойтесь даже его страстей. Въ свободномъ обществѣ они не будутъ представлять никакой опасности.

„Только бы вы сами не отрекались отъ своей свободы, только бы не позволяли другимъ порабощать себя, только бы противопоставляли сильной антисаціальной страсти той или другой личности—свое собственное, въ такой-же степени интенсивное, соціальное чувство“.

Что же касается нашей повседневной жизни, мы уже теперь предоставляемъ свободное теченіе нашимъ чувствамъ симпатіи или антипатіи, и практикуемъ это въ каждый данный моментъ. Всѣ мы уважаемъ нравственную силу, всѣ презираемъ нравственную слабость, безсиліе, подлость. Своими словами, взглядами, улыбками мы ежеминутно выражаемъ свое удовольствіе по поводу полезныхъ для общества поступковъ тѣхъ людей, которыхъ считаемъ хорошими. На каждомъ шагу мы выражаемъ своими взглядами и словами отвращеніе, которое вызываютъ въ насъ подлость, надувательство, интриги, недостатокъ нравственнаго мужества. Мы не можемъ скрыть своего отвращенія даже въ томъ случаѣ, когда, подъ вліяніемъ свѣтскаго т. е. лицемѣрнаго воспитанія, пытаемся еще скрыть это отвращеніе подъ обманчивою внѣшностью, которая осуждена на исчезновеніе по мѣрѣ того, какъ будетъ устанавливаться равенство въ отношеніяхъ между людьми.

* *
*

И уже одного этого достаточно для того, чтобы удержать на извѣстной высотѣ уровень сужденія о добрѣ и злѣ и сообщать его другъ другу; этого окажется тѣмъ болѣе достаточнымъ, когда въ обществѣ не будетъ больше ни священника, ни судьи,— это будетъ тѣмъ легче, что моральные принципы потеряютъ характеръ принудительности и будутъ разсматриваться просто какъ естественныя отношенія равныхъ между собою людей.

А между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ устанавливаются эти отношенія, въ обществѣ нарождаются моральныя понятія высшаго порядка, къ анализу которыхъ мы и приступимъ сейчасъ.

VIII.

До сихъ поръ, въ своемъ анализѣ мы излагали только простые принципы равенства. Мы протестовали, призывали къ протесту и другихъ противъ тѣхъ, кто присваиваетъ себѣ право поступать съ другими такъ, какъ вовсе не пожелалъ бы, чтобы поступали съ нимъ самимъ; мы возмущались противъ тѣхъ, которые не желаютъ, чтобы ихъ обманывали, эксплуатировали, подвергали грубому обращенію, проституировали, а сами позволяютъ себѣ въ отношеніи другихъ такіе поступки.

Тогда свобода ничѣмъ не будетъ угрожать вамъ *).

Мы отказываемся уродовать личность во имя какого-бы то ни было идеала: мы оставляемъ за собою только право откровенно высказывать свои симпатіи и антипатіи къ тому, что считаемъ хорошимъ или дурнымъ. Когда то или другое лицо надуваетъ своихъ товарищей, то въ этомъ поступкѣ проявляется его воля, его характеръ? Пусть такъ. Ну, а наш ъ характеръ, наша воля заставляютъ насъ презирать обманщика. А если у насъ такой характеръ, будемъ поступать открыто: не будемъ кидаться ему на встрѣчу, чтобы прижать его къ груди (sur notre gilet) и привѣтливо пожать ему руку, какъ это дѣлается теперь. Противопоставимъ его активному чувству, свое собственное, въ такой же мѣрѣ активное и сильное чувство.

Вотъ все, что мы имѣемъ право и обязанность сдѣлать для того, чтобы поддерживать въ обществѣ принципъ равенства. Это опять таки является случаемъ проведенія этого принципа въ жизнь **).

Все это вполнѣ осуществится, конечно, только тогда, когда самыя серьезныя причины порчи нравовъ: капитализмъ, религія, судъ, правительство уже прекратятъ свое существованіе. Но въ значительной мѣрѣ это является осуществимымъ уже и теперь. И оно осуществляется.

* * *

А между тѣмъ, еслибы обществу ничего другого кромѣ принципа равенства не было извѣстно, еслибы каждый, придер-

---

*) Изъ всѣхъ современныхъ авторовъ лучше всѣхъ формулировалъ эти идеи въ своихъ драмахъ норвежецъ Ибсенъ, которымъ скоро будутъ такъ-же страстно зачитываться во Франціи, какъ зачитываются уже въ Англіи. Вотъ еще человѣкъ, который, помимо своего вѣдома, оказывается анархистомъ.

**) Мы уже слышимъ возраженія: „А убійца, а тотъ, кто развращаетъ дѣтей?“ На это у насъ есть очень простой отвѣтъ: „Преступникъ, который убиваетъ только потому, что въ немъ говоритъ жажда крови, представляетъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Это больной, котораго надо лечить и избѣгать. Что же касается развратниковъ, позаботимся сначала о томъ, чтобы общество не развращало чувства нашихъ дѣтей и тогда намъ совсѣмъ нечего будетъ бояться этихъ господъ».

живаясь меркантильныхъ понятій о справедливости, остерегался на каждомъ шагу давать хоть малѣйшій излишекъ противъ того, что получаетъ самъ,—это было бы смертью для общества. Даже самый принципъ равенства исчезъ бы изъ нашихъ отношеній, такъ какъ для того, чтобы поддерживать его, необходимо, чтобы въ жизни проявилось нѣчто гораздо болѣе возвышенное, сильное и прекрасное, чѣмъ простая справедливость.

И это нѣчто проявляется.

До сихъ поръ человѣчество никогда не испытывало недостатка въ тѣхъ великихъ сердцахъ, переполненныхъ волею, умомъ и любовью, которыя отдаютъ всѣ силы своего ума, всю активность, всю жизнь на служеніе роду человѣческому, не требуя себѣ ничего взамѣнъ.

Эта плодовитость мысли, чувства и воли проявляется во всевозможныхъ формахъ. Вотъ, страстный изслѣдователь истины, который отказывается отъ всѣхъ радостей жизни, чтобы отдаться поискамъ того, что онъ считаетъ истиною и справедливостью, вопреки утвержденіямъ окружающихъ его невѣждъ. Вотъ, изобрѣтатель, который живетъ лишь сегодняшнимъ днемъ, забываетъ о пищѣ и едва прикасается къ хлѣбу, который заставляетъ его проглатывать, какъ ребенка, преданная ему женщина, въ то время, какъ онъ самъ работаетъ надъ своимъ изобрѣтеніемъ, которому предназначено, по его мнѣнію, перевернуть цѣлый міръ. Вотъ, страстный революціонеръ, которому наслажденіе искусствами, науками и радостями семейной жизни кажутся горькими до тѣхъ поръ, пока они не раздѣляются всѣми людьми, и который работаетъ, не смотря на свою бѣдность и преслѣдованія. Вотъ, юный мальчикъ, который, при описаніи всѣхъ ужасовъ войны, повѣрилъ на слово патріотическимъ легендамъ, которыя ему нашептывали, и записался въ отрядъ добровольцевъ: онъ совершаетъ переходы по глубокому снѣгу, страдаетъ отъ голода и, наконецъ, погибаетъ, сраженный пулею. Вотъ, наконецъ, безчисленное множество примѣровъ самоотверженія, менѣе блестящихъ и поэтому мало извѣстныхъ, остающихся почти всегда непризнанными,—примѣровъ, которые можно постоянно наблюдать, въ особенности среди женщинъ, если только дать себѣ трудъ открыть глаза и подмѣтить то, что лежитъ въ корнѣ человѣческой натуры, что и до сихъ поръ помогаетъ ей еще—худо-ли-хорошо—выпуты-

ваться изъ оковъ, не смотря на гнетъ эксплуатаціи и власти.

* * *

Одни трудятся во мракѣ безвѣстности, другіе—на болѣе обширной аренѣ, трудятся надъ дѣломъ прогресса человѣчества. И человѣчество не забываетъ этого. Вотъ почему ихъ жизнь окружена почетомъ и украшена легендою. Человѣчество идеализируетъ ихъ, дѣлаетъ героями своихъ сказокъ, пѣсенъ и романовъ. Въ ихъ лицѣ, оно поклоняется мужеству, добротѣ, любви и самоотверженію, котораго недостаетъ огромному числу людей. Память о нихъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Человѣчество не забываетъ даже тѣхъ, арена дѣятельности которыхъ замыкалась въ узкомъ кругу семьи или друзей: память ихъ чтится въ семейныхъ традиціяхъ.

Вотъ эти-то люди и являются творцами истинной нравственности, той, которая единственно достойна этого имени; все остальное—не болѣе какъ простыя соотношенія равенства. Не будь этого мужества и самоотверженія, человѣчество погрязло бы въ тинѣ мелочныхъ расчетовъ. Наконецъ, другіе люди вырабатываютъ мораль будущаго, ту мораль, которая появится тогда, когда, оставивъ въ сторонѣ р а с ч е т ъ, наши дѣти будутъ воспитываться на идеѣ, что лучшее употребленіе энергіи, мужества, любви заключается въ томъ, чтобы прилагать всѣ эти силы туда, гдѣ въ нихъ ощущается наиболѣе живая потребность.

* * *

Это мужество, это самоотверженіе существовало во всѣ времена. Оно встрѣчается у всѣхъ общественныхъ животныхъ. Оно существуетъ у человѣка даже въ періоды упадка.

И во всѣ времена религія пыталась присвоить себѣ эти подвиги, пустить ихъ въ оборотъ для достиженія своей выгоды. И если религія существуетъ еще до сихъ поръ, то только благодаря тому, что—оставляя въ сторонѣ невѣжество—она, во всѣ времена, взывала къ этому мужеству и самоотверженію. Къ нимъ-же взываютъ и революціонеры—соціалисты въ особенности.

Когда-же дѣло дошло до объясненія происхожденія этого мужества и самоотверженія, религіозные, утилитарные и прочіе моралисты впали въ заблужденіе, которое мы уже отмѣтили выше.

Честь открытія истиннаго происхожденія этого мужества и самоотверженія, помимо какихъ бы то ни было мистическихъ силъ, помимо какихъ бы то ни было меркантильныхъ соображеній, своеобразно придуманныхъ утилитаристами англійской школы,— честь этого открытія принадлежитъ молодому философу Гюйо, который является, помимо своего вѣдома, анархистомъ. Тамъ, гдѣ потерпѣла неудачу философія Канта, потерпѣли неудачу позитивисты и эволюціонисты,—философы-анархисты проложили вѣрный путь. „Мужество и самоотверженіе происходятъ", говоритъ Гюйо, „изъ сознанія собственной силы. Это— сама жизнь, которая переполняется и бьетъ черезъ край". Внутреннее сознаніе того, что человѣкъ способенъ совершить является первымъ шагомъ къ сознанію того, что онъ долженъ совершить.

Чувство нравственнаго долга, которое знакомо въ жизни каждому человѣку, и которое пытались объяснять всевозможными мистическими способами, чувство долга есть ничто иное, какъ избытокъ жизни, который ищетъ себѣ приложенія, стремится отдаться. Это въ одно и то-же время—сознаніе своей силы.

Всякое накопленіе силъ оказываетъ давленіе на воздвигаемыя этимъ силамъ препятствія. Кто способенъ дѣйствовать, тотъ обязанъ дѣйствовать. И если очистить отъ мистицизма понятіе о пресловутомъ нравственномъ долгѣ, оно сведется къ слѣдующему правильному сужденію: жизнь сохраняется только при условіи ея распространенія.

„Растеніе не можетъ не цвѣсти. Иногда цвѣтеніе приноситъ съ собою смерть. Что за бѣда! Жизненные соки продолжаютъ свое поступательное движеніе", говоритъ молодой философъ-анархистъ. То-же самое происходитъ и съ человѣкомъ, когда онъ полонъ силы и энергіи. Сила въ немъ понемногу накапливается, и онъ изливаетъ избытокъ своей жизни. Онъ отдаетъ, не расчитывая: иначе жить онъ не можетъ. И если онъ осужденъ на гибель, какъ распускающійся цвѣтокъ, не все-ли равно? Жизнь разольется дальше, если только въ немъ была жизнь.

Будь силенъ. Пусть энергія твоихъ страстей и интеллекта бьетъ черезъ край, ты перельешь тогда и въ другихъ,

свой разумъ, любовь и активную силу. Вотъ къ чему сводится цѣликомъ ученіе о нравственности, очищенное отъ лицемѣрія восточнаго аскетизма.

IX.

Сила человѣка, избытокъ жизненной энергіи, которая побуждаетъ его отдавать свой разумъ, чувства, дѣятельность, не требуя для себя ничего взамѣнъ—вотъ что вызываетъ чувство восторга у человѣчества по отношенію къ истинно-нравственной личности.

Человѣкъ сильнаго ума, въ которомъ бьетъ ключемъ интеллектуальная жизнь, естественно стремится излиться. Мыслить, не имѣя возможности дѣлиться своими мыслями съ окружающими—не доставляетъ никакого удовольствія. Только человѣкъ бѣдный идеями тщательно прячетъ какую нибудь съ трудомъ пойманную мысль, чтобы заштемпелевать ее впослѣдствіи своимъ именемъ. У человѣка крупнаго ума мысль кипитъ ключомъ: онъ щедро расточаетъ ее направо и налѣво. Онъ страдаетъ, если не можетъ дѣлиться своими мыслями, распространять ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Въ этомъ для него—вся жизнь.

То-же явленіе происходитъ въ области чувства. Мы не способны удовлетворяться сами собой; „у насъ гораздо больше слезъ, чѣмъ это требуется нашими страданіями,—больше въ запасѣ радостей, чѣмъ сколько оправдывается нашимъ существованіемъ“, сказалъ Гюйо, резюмируя такимъ образомъ всѣ вопросы морали въ нѣсколькихъ справедливыхъ строкахъ, которыя онъ позаимствовалъ у природы.

Одинокое существо страдаетъ, оно испытываетъ какое то безпокойство, когда не можетъ подѣлиться своими мыслями и чувствами съ окружающими. Когда человѣкъ переживаетъ большое счастье, ему хочется, чтобы окружающіе знали, что онъ существуетъ, любитъ, живетъ, протестуетъ, борется.

* * *

Въ то-же время онъ чувствуетъ потребность проявлять свою волю, свое активное чувство. Дѣятельность, трудъ стали уже потребностью огромнаго большинства людей; вотъ почему, какъ мужчина, такъ и женщина, у которыхъ нелѣпыя условія

нашей жизни отнимаютъ полезный трудъ, изобрѣтаютъ себѣ пустыя, безсмысленныя занятія и обязанности, чтобы найти какое нибудь поле дѣйствія своимъ активнымъ силамъ. Они изобрѣтаютъ что бы то ни было: какую нибудь теорію, религію, „общественный долгъ“ для того, чтобы убѣдить самихъ себя, что дѣлаютъ какое-то полезное дѣло, что занимаются полезной работой. Если они танцуютъ, то—только съ благотворительной цѣлью, если раззоряются на наряды—только для того, чтобы поддержать на высотѣ престижъ аристократизма, если ровно ничего не дѣлаютъ—только исключительно ради одного, только одного принципа.

Человѣкъ всегда чувствуетъ потребность помогать ближнему, вносить свою лепту труда въ огромный и тяжелый подвигъ движенія впередъ прогресса человѣчества.

Во всякомъ случаѣ, „всѣ убиваются вокругъ этой задачи“, говоритъ Гюйо. Эта потребность внесенія своей лепты въ общее дѣло такъ велика, что мы наблюдаемъ ее у всѣхъ общественныхъ животныхъ, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ ихъ развитія. А что такое вся эта лихорадочная дѣятельность, которая такъ безплодно растрачивается въ политикѣ, какъ не потребность приложить свои силы къ движенію колеса исторіи или хотя бы участвовать въ общемъ хорѣ.

* * *

Несомнѣнно, эта „плодовитость воли“, эта жажда дѣятельности—при бѣдности чувства и недостаткѣ творческой способности ума—порождаетъ только какого нибудь безумца: Наполеона I или Бисмарка, которые хотѣли повернуть обратно колесо исторіи. Съ другой стороны, и плодовитая мысль, которая лишена развитой чуткости, приноситъ сухіе плоды въ лицѣ ученыхъ, которые только задерживаютъ прогрессъ науки. Наконецъ, чувство, которымъ не руководитъ достаточно ширскій умъ, порождаетъ тѣхъ женщинъ, которыя готовы пожертвовать всѣмъ какому нибудь грубому животному, которому отдаютъ всю свою любовь.

Жизнь должна изобиловать въ одно и то-же время и умомъ, и чувствомъ, и волею для того, чтобы сказаться дѣйствительно плодотворной. Но въ такомъ случаѣ, эта разносторонняя плодо-

витость и есть сама жизнь—единственная вещь, заслуживающая этого названія. За одинъ мигъ этой жизни тотъ, кому она блеснула однажды, отдастъ цѣлые годы растительнаго существованія.

Кто не вкусилъ отъ этого живого источника жизни, тотъ является не болѣе, какъ преждевременнымъ старцемъ, ничтожествомъ, растеніемъ, которое поблекло, не успѣвши расцвѣсть.

„Оставимъ разлагающемуся поколѣнію „fin de siecle“ эту жизнь, которая не заслуживаетъ названія жизни“, восклицаетъ молодежь полная жизни, которая хочетъ жить и сѣять вокругъ себя жизнь. И всякій разъ, какъ только начинаетъ разлагаться общество, дружный натискъ этой молодежи разрушаетъ ветхія экономическія, политическія и нравственныя формы и насаждаетъ новую жизнь. Что за бѣда, если единичныя личности погибнутъ въ борьбѣ! Жизненный пульсъ продолжаетъ биться. Жизнь идетъ поступательнымъ ходомъ. Для погибшаго—жить значило цвѣсти, какими бы послѣдствіями это не грозило ему: онъ о нихъ не пожалѣетъ.

* * *

Но не касаясь героическихъ эпохъ исторіи человѣчества и разсуждая лишь о повседневной жизни, развѣ жизнь, которая идетъ въ разрѣзъ съ нашими идеалами, можетъ назваться жизнью?

Въ наше время часто говорятъ о презрѣніи къ идеалу. Это понятно. Идеалъ такъ часто смѣшивали, съ его буддійскими и христіанскими ересями, его такъ часто пускали въ ходъ для того, чтобы надувать простаковъ, что реакція является необходимой и полезной. Мы, съ своей стороны, также хотѣли бы замѣнить слово „идеалъ“, покрытое такою грязью, другимъ словомъ, болѣе соотвѣтствующимъ новымъ идеямъ.

Но какое бы слово мы ни употребили, самый фактъ остается на лицо: у всякаго человѣка существуетъ свой идеалъ; у Бисмарка—свой, какъ бы фантастиченъ онъ ни казался въ своей формулировкѣ—„огнемъ и мечомъ“.

У каждаго буржуа—свой идеалъ, хотя бы въ видѣ серебряной ванны Гамбетты, его повара Трэмблэ и—множества рабовъ,

необходимыхъ для того, чтобы оплатить, не слишкомъ стѣсняя себя, расходы по содержанію Тромпетта и ванны.

Но рядомъ съ ними существуютъ люди, которымъ сталъ доступенъ высшій идеалъ. Чисто животное существованіе перестаетъ ихъ удовлетворять. Рабство, ложь, недостатокъ искренности, интриги въ отношеніяхъ людей—возмущаютъ ихъ. Развѣ они могутъ стать, въ свою очередь, лжецами, рабами, интриганами и угнетателями? Они провидятъ, какою прекрасною стала бы жизнь, если бы между людьми установились лучшія отношенія. Они чувствуютъ въ себѣ присутствіе силы необходимой для того, чтобы устанавливать каждый разъ эти лучшія отношенія къ тѣмъ, кого вттрѣчаютъ на своемъ пути: они постигли то, что носитъ названіе идеала.

Откуда берется этотъ идеалъ? Какимъ образомъ онъ складывается? Путемъ-ли наслѣдственности, съ одной стороны, и жизненныхъ впечатлѣній—съ другой? Намъ ничего не извѣстно объ этомъ. Мы можемъ только написать болѣе или менѣе правдивую исторію развитія идеала въ своихъ біографіяхъ—не болѣе.

Но онъ всетаки на лицо: онъ мѣняется, прогрессируетъ, поддается внѣшнимъ вліяніямъ, но все-же остается живымъ. Это, въ значительной степени, безсознательное ощущеніе того, что даетъ намъ наибольшую сумму жизненности, жизнерадостности. Такъ вотъ: жизнь оказывается здоровой, плодотворной, богатой чувствомъ только тогда, когда отвѣчаетъ такому понятію идеала. Попробуйте поступать въ разрѣзъ съ этимъ понятіемъ и вы почувствуете раздвоеніе своей жизни; она потеряетъ свою цѣльность, утратитъ силу. Попробуйте часто измѣнять своему идеалу, вы кончите тѣмъ, что парализуете свою волю и активную силу. Скоро вы утратите силу и непосредственность рѣшенія, которою нѣкогда обладали. Вы окажетесь разбитымъ существомъ.

Здѣсь нѣтъ ничего таинственнаго, если вы разсматриваете человѣка, какъ нѣчто сложное, составленное изъ самостоятельно дѣйствующихъ нервныхъ и мозговыхъ центровъ. Попробуйте колебаться между разнообразными, борющимися въ васъ, чувствами и вы нарушите равновѣсіе своего организма, вы превратитесь въ больного, лишеннаго воли человѣка. Интенсивность жизни понизится и тщетно станете вы искать компромисса. Вы не бу-

дете уже тѣмъ цѣльнымъ, сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ, какимъ были тогда, когда ваши дѣйствія согласовались вполнѣ съ идеальными сужденіями вашего ума.

X.

А теперь, прежде чѣмъ сдѣлать заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ объ альтруизмѣ и эгоизмѣ—этихъ двухъ терминахъ, унаслѣдованныхъ нами отъ англійской школы,—которыми намъ прожужжали уши.

До сихъ поръ мы даже не упоминали о нихъ въ своемъ этюдѣ, такъ какъ, положительно, не видимъ того различія, которое пытались провести между ними англійскіе моралисты.

Проповѣдуемъ-ли мы эгоизмъ или альтруизмъ, когда говоримъ: „поступай съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой?“

Или, когда мы подымаемся выше и говоримъ: „счастье каждаго отдѣльнаго человѣка тѣсно связано съ благоденствіемъ окружающихъ; правда, можно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ чувствовать себя относительно счастливымъ и въ обществѣ, построенномъ на несчастіи другихъ, но счастіе это созидается на пескѣ; оно не можетъ быть продолжительнымъ; самой ничтожной причины достаточно, чтобы разбить его, и оно является совершеннымъ ничтожествомъ по сравненію съ тѣмъ счастіемъ, которое возможно среди равныхъ. Слѣдовательно, нашъ поступокъ всегда окажется хорошимъ, если мы поставимъ своею цѣлью общее благо“. Проповѣдуемъ ли мы альтруизмъ или эгоизмъ, когда говоримъ объэтомъ?. Нѣтъ, мы просто констатируемъ фактъ.

А когда мы говоримъ, перефразируя изрѣченіе Гюйо:„ если ты дорожишь наслажденіемъ, которое даетъ полная, цѣльная и плодотворная жизнь, будь силенъ, будь великъ, проявляй силу и величіе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, развивай свою жизнь во всѣхъ ея направленіяхъ, накопляй, какъ можно болѣе, энергіи, а для этого старайся быть человѣкомъ, какъ можно болѣе общительнымъ и общественнымъ. Руководясь постоянно широко развитымъ умомъ, вступай въ борьбу, не бойся риска—въ рискѣ есть своеобразная прелесть—отдавай всѣ свои силы, не расчитывая ихъ, пока они у тебя есть, на все, что ты считаешь великимъ и прекраснымъ, и тогда ты воспользуешься наибольшею

суммою возможнаго счастія. Слейся воедино съ массою и тогда, что-бы съ тобою не случилось въ жизни, ты будешь чувствовать, что сердца всѣхъ тѣхъ, кого ты уважаешь, бьются за тебя, а противъ тебя бьются сердца тѣхъ, кого ты презираешь„.

Что проповѣдуемъ мы, говоря все это? Альтруизмъ или эгоизмъ?

Бороться, идти на встрѣчу опасности, бросаться въ воду не только для спасенія человѣка, но даже и кошки, питаться черствымъ хлѣбомъ, чтобы положить конецъ возмущающей насъ несправедливости, сознавать свою солидарность съ тѣми, кто заслуживаетъ любви и чувствовать себя любимыми ими въ свою очередь—все это, быть можетъ, является жертвою для немощнаго философа, но для мущины, для женщины полныхъ энергіи, силъ, мужества, молодости—въ этомъ заключается вся радость ощущенія бытія. Чтс-же это такое? Есть-ли это эгоизмъ или альтруизмъ?

* * *

Вообще, моралисты, которые построили свои системы на мнимой противоположности эгоистическаго и альтруистическаго чувствъ, вступили на ложный путь. Если-бы это противоположеніе существовало въ дѣйствительности, если-бы благо индивида являлось на самомъ дѣлѣ противоположнымъ благу вида, существованіе человѣческаго рода оказалось бы невозможнымъ, и ни одинъ изъ видовъ животнаго царства не могъ бы достичь современнаго развитія. Если-бы каждый отдѣльный муравей не испытывалъ интенсивнаго удовольствія, работая на пользу благоденствія муравейника, существованіе муравейника оказалось бы невозможнымъ, и муравей не былъ бы тѣмъ, что онъ есть теперь: существомъ, достигшимъ самой высокой ступени развитія въ царствѣ насѣкомыхъ, существомъ, мозгъ котораго, едва видимый черезъ увеличительное стекло, надѣленъ почти такою же силою, какъ и мозгъ средняго человѣка. Если бы птицамъ не доставляло большого удовольствія ни ихъ перелетъ, ни заботы, которыми они окружаютъ свое потомство, ни совмѣстныя дѣйствія, которыя они предпринимаютъ въ свою защиту отъ хищ-

никовъ, они не достигли бы теперешняго развитія. Типъ птицы регрессировалъ бы, вмѣсто того чтобы прогрессировать.

И когда Спенсеръ говоритъ о наступленіи такого времени, когда благо индивида сольется воедино съ благомъ вида, онъ забываетъ одно: если-бы эти интересы не были-бы во всѣ времена тожественными, то эволюція животнаго царства оказалась бы невозможной.

Правда, во всѣ времена, какъ въ царствѣ животныхъ, такъ и въ родѣ человѣческомъ оказывалось большое количество особей, которыя не понимали того, что благо отдѣльнаго индивида и вида въ его цѣломъ, посуществу, тожественны. Они не понимали, что, такъ какъ главной цѣлью жизни индивида является ея интенсивность, то онъ и ищетъ этой интенсивности въ максимумѣ соціальности, въ наивозможно большемъ отожествленіи собственнаго „я“ со всѣмъ окружающимъ.

Но въ этомъ оказался лишь недостатокъ ума и понятливости. Во всѣ времена существовали люди ограниченные, во всѣ времена существовали дураки. Но никогда еще, ни въ одинъ изъ періодовъ исторіи, и даже геслогіи, благо отдѣльнаго индивида не противополагалось благу общества. Всегда они оставались тожественными, и тѣ, кто сумѣлъ лучше другихъ понять это, тѣ и получили возможность насладиться наиболѣе полной жизнью.

* * *

Слѣдующая противоположность между эгоизмомъ и альтруизмомъ является, съ нашей точки зрѣнія, нелѣпостью. Вотъ почему мы ничего не говоримъ о тѣхъ компромиссахъ, которые, если только принять на вѣру мнѣніе утилитаристовъ, постоянно совершали бы люди, колеблющіеся между эгоистическимъ и альтруистическимъ чувствомъ. Для убѣжденнаго человѣка такихъ компромиссовъ не существуетъ.

На самомъ-же дѣлѣ существуетъ вотъ что: когда мы, въ условіяхъ современной дѣйствительности, дѣлаемъ попытки устроить свою жизнь согласно своимъ принципамъ равенства, мы чувствуемъ, что они попираются на каждомъ шагу.

Какъ бы ни были скромны нашъ обѣдъ и жилище, мы все-таки сказываемся Ротшильдами по сравненію съ тѣмъ, кто ищетъ ночлега подъ аркою моста и терпитъ недостатокъ въ

кускѣ черстваго хлѣба. Какъ бы мало мы не отдавались интеллектуальнымъ и артистическимъ наслажденіямъ, мы опять таки оказываемся Ротшильдами по сравненію съ милліонами людей, задавленныхъ физическимъ трудомъ, для которыхъ наслажденіе науками и искусствами является недоступнымъ и которые такъ и окончатъ свою жизнь, не испытавъ этихъ высокихъ наслажденій.

Мы сознаемъ, что не довели еще принципа равенства до его логическаго конца. Но мы не хотимъ входить въ компромиссъ съ этими условіями. Мы возмущаемся противъ нихъ: они угнетаютъ насъ, они дѣлаютъ изъ насъ революціонеровъ. Мы не можемъ примириться съ тѣмъ, противъ чего протестуемъ. Мы отвергаемъ какой бы то ни было компромиссъ, отвергаемъ даже перемиріе и даемъ обѣтъ бороться до конца съ этими условіями.

Это уже не компромиссъ, а убѣжденному человѣку и не надо компромиссовъ, которые позволили бы ему спокойно уснуть до тѣхъ поръ, пока все уладится само собой.

* * *

Мы добрались, наконецъ, до конца своего этюда.

Нами уже было упомянуто, что существуютъ эпохи, въ которыя рѣзко мѣняются понятія о нравственности. Становится ясно, что то, что считалось нравственнымъ, является въ сущности глубоко безнравственнымъ: въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обычаемъ, съ глубокочтимой традиціей, которыя оказываются безнравственными въ самомъ корнѣ, въ другомъ—съ моралью, созданной для охраны интересовъ исключительно одного только класса.

Все это мы выбрасываемъ за-бортъ съ восклицаніемъ: „Долой мораль“ и начинаемъ считать своимъ долгомъ совершеніе безнравственныхъ поступковъ.

Мы привѣтствуемъ такія эпохи: это эпохи критики. Они служатъ самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что въ обществѣ происходитъ серьезная работа мысли и вырабатывается высшаго порядка нравственность.

Во что выльется эта мораль, мы пытались выразить это, основываясь на изученіи человѣка и животныхъ и мы уже видѣли абрисъ моральныхъ идей, зарождающійся въ массѣ и у

отдѣльныхъ мыслителей. Эта мораль не будетъ имѣть принудительнаго характера. Она рѣшительно откажется дѣлать изъ человѣка слѣпокъ съ отвлеченной идеи такъ-же, какъ откажется уродовать его съ помощью религіи, закона и правительства. Она предоставитъ полную и абсолютную свободу личности. Она ограничится простымъ констатированіемъ фактовъ, а слѣдовательно превратится въ науку. И эта наука скажетъ людямъ: Если ты не чувствуешь въ себѣ достаточно силъ, если у тебя ихъ ровно столько, сколько необходимо для поддержки сѣренькой однообразной жизни, безъ яркихъ впечатлѣній, безъ крупныхъ радостей, но и безъ большого горя—тогда придерживайся простого принципа справедливаго равенства.

Въ условіяхъ равенства ты найдешь, по крайней мѣрѣ, наибольшее количество возможнаго счастья, соотвѣтствующаго твоимъ дюжиннымъ силамъ.

Но если въ тебѣ говоритъ молодой энтузіазмъ, если ты хочешь жить и наслаждаться полною жизнью, которая бьетъ черезъ край, т. е. познать высшее наслажденіе, о какомъ только можетъ мечтать живое существо—будь силенъ, будь энергиченъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Насаждай вокругъ себя жизнь. Помни, что лгать, надувать, хитрить, интриговать—значитъ унижаться,—значитъ заранѣе признавать свою слабость и уподобляться тому невольнику гарема, который самъ считаетъ себя стоящимъ ниже своего господина. Поступай такъ, если хочешь, но знай напередъ, что въ такомъ случаѣ человѣчество будетъ смотрѣть на тебя, какъ на мелкаго, дряненькаго, слабаго человѣка и будетъ относиться къ тебѣ сообразно такому взгляду. Не видя въ тебѣ силы, къ тебѣ будутъ относиться, какъ къ существу достойному состраданія и—только состраданія.

Не пеняй на человѣчество, если самъ парализуешь, такимъ образомъ, свою активную силу.

Наоборотъ, будь силенъ: каждый разъ, когда окажешься свидѣтелемъ несправедливости и подмѣтишь ее—будь то несправедливость въ жизни, ложь въ наукѣ или причиняемое кому нибудь страданіе—протестуй противъ несправедливости, обмана, неправосудія. Борись! Борьба—это жизнь и—тѣмъ болѣе интенсивная, чѣмъ горячѣе самая борьба; тогда ты сможешь сказать,

что жилъ, и не отдашь и нѣсколькихъ часовъ этой жизни въ обмѣнъ за цѣлые годы прозябанія въ гниломъ болотѣ.

Борись! Чтобы дать возможность и другимъ жить тою-же полною, бьющей ключемъ жизнью и, вѣрь, ты обрѣтешь въ этой борьбѣ такія великія радости, какихъ не существуетъ ни на какомъ другомъ поприщѣ.

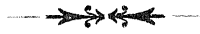
Вотъ все, что можетъ сказать тебѣ наука о нравственности. Выборъ—въ твоихъ рукахъ.

ДОМЕЛА НЬЮВАНГЮИ.

МИЛИТАРИЗМЪ

и

отношеніе къ войнѣ анархистовъ и с.-революціонеровъ.



Пер. съ франц. Э. Ивинской.

Я думаю,—всѣ согласны съ тѣмъ, что войны не зависятъ отъ личныхъ фантазій царей и членовъ правительства. Они, въ дѣйствительности, только маріонетки, выдвинутыя на авансцену, въ то время какъ настоящіе дѣятели скрываются на второмъ планѣ.

Не носители коронъ, увѣшанные золотомъ, настоящіе цари земли, нѣтъ,—а финансты, банкиры, капиталисты. Капиталисты сами прекрасно знаютъ это, и объ этомъ имъ нечего говорить, но народъ не вполнѣ убѣжденъ. Очень извѣстный анекдотъ наглядно иллюстрируетъ это положеніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Европѣ угрожала новая война, въ Парижѣ былъ балъ, на которомъ присутствовали многіе дипломаты, а также и госпожа Ротшильдъ. Одинъ изъ этихъ дипломатовъ надѣялся узнать во время танцевъ ея мнѣніе по данному вопросу, мнѣніе, которое, вѣроятно, будетъ также мнѣніемъ и г. Ротшильда. И вотъ, вскорѣ нашъ дипломатъ сталъ прогуливаться по богато убранному залу подъ руку съ г-жей Р. Поболтавъ кое о чемъ, онъ предлагаетъ ей вопросъ: „итакъ, сударыня, какъ вы думаете, будетъ у насъ война или нѣтъ?“ Тогда г-жа Р, отвѣтила очень коротко и такъ ясно, что каждый рабочій долженъ отмѣтить въ своей памяти этотъ отвѣтъ, гораздо болѣе краснорѣчивый, чѣмъ всѣ умныя книги, всѣ длинныя разсужденія. Она отвѣтила: „Нѣтъ, войны не будетъ, мой мужъ не дастъ денегъ!“

Совершенно вѣрно! Если банкиры не даютъ денегъ, цари и правители не могутъ вести войны; старинная поговорка гласитъ: „Нѣтъ денегъ, нѣтъ швейцарцевъ!“

Деньги—нервъ войны.

Зачѣмъ воевали въ древности? Зачѣмъ воюютъ еще и теперь? Сначала заставлялъ голодъ. Первобытному человѣку было изъза чего вести войну. Если онъ побѣждалъ, онъ обѣдалъ за счетъ врага. Впослѣдствіи положеніе измѣнилось, но война по существу осталась такой же. Побѣдитель заставлялъ побѣжденныхъ работать на себя. Онъ захватывалъ землю, орудія производства и такимъ образомъ легче могъ удовлетворять свои потребности.

И это осталось до настоящаго времени такимъ же, какъ было въ средніе вѣка. Промышленники, капиталисты всегда перепроизводятъ; но что же имъ дѣлать съ ихъ продуктами? Они должны искать новаго сбыта для своего товара. И, слѣдовательно, наши современныя войны—войны коммерческія и соціальныя. Вмѣсто того, чтобы увеличить у себя число потребителей, которые могли бы покупать товаръ, они ищутъ новыхъ рынковъ. Наши экономисты кричатъ о перепроизводствѣ, такъ какъ ихъ склады завалены въ то время, какъ производителямъ—рабочимъ не достается почти ничего. Это ложь. Это не перепроизводство, это, такъ сказать, недостаточное потребленіе. Фурье какъ то сказалъ: „Мы терпимъ нужду, потому что у насъ есть излишекъ. Мы голодаемъ, потому что у насъ слишкомъ много хлѣба, мы плохо одѣваемся, потому что у насъ черезчуръ много платья, мы босы, потому что у насъ избытокъ обуви. Вотъ научная безсмыслица, которой насъ учатъ въ университетахъ!"— Итакъ, ведутъ войну, чтобы найти новый сбытъ во всѣхъ частяхъ земного шара, а также чтобы сбыть накопившійся запасъ. Наши войны возникаютъ также вслѣдствіе дурныхъ соціальныхъ отношеній. Онѣ имѣютъ еще и другое значеніе: онѣ производятъ очистку народовъ Европы, какъ это замѣтилъ однажды одинъ генералъ. Столько безработныхъ! Это можетъ создать опасность. Если посредствомъ войны можно избавиться отъ всѣхъ этихъ мятежныхъ элементовъ, то она является настоящимъ предохранительнымъ клапаномъ для нашего общества.

Слѣдовательно, у войны двойная цѣль: освободиться отъ товаровъ и освободиться отъ людей, которые мѣшаютъ. Итакъ, почему же происходятъ войны? Потому, что денежные люди хотятъ этого,—война наполняетъ ихъ кассы. И нужно, чтобы несгораемыя шкафы были полны, такъ какъ для буржуазіи деньги больше значатъ, чѣмъ люди. Копить деньги—вотъ высшая цѣль буржуазіи, и вы можете быть увѣрены, что буржуа скорѣе принесутъ въ жертву свою собственную родину, чѣмъ потеряютъ случай обогатиться. Развѣ не англійскіе капиталисты поставляли южноафриканскимъ республикамъ пушки и оружіе, которыя впослѣдствіи употреблялись противъ англійскихъ солдатъ. Развѣ министръ Чемберленъ не одинъ изъ самыхъ крупныхъ пайщиковъ оружейнаго завода, который дѣлалъ такіе успѣшные обороты съ

поставкой оружія южно-африканскимъ республикамъ? Развѣ англійскіе и германскіе заводы не передавали китайцамъ артиллеріи и ружей, которыя дѣйствовали потомъ противъ союзныхъ державъ?

Мы хотимъ иллюстрировать примѣромъ причины, по которымъ ведутся войны. Съ этой цѣлью мы разоблачимъ японско-китайскую войну.

Серебро стоитъ дешево. Килограммъ золота стоитъ немного дороже 3.200 фр., кило серебра—немного дороже 100 фр., и количество всего серебра гораздо больше, чѣмъ золота. Такъ какъ стоимость серебра меньше стоимости золота, то легко понять, что нужно имѣть гораздо большее количество перваго металла, чтобы получить равную стоимость второго: серебра въ 32 раза больше, чѣмъ золота, такъ какъ 32×100=3200. Чтобы получить изъ серебра монету стоимостью въ 20 фр. золотомъ, нужно увеличить вѣсъ 20-ти франковой золотой монеты въ 32 раза. Монета въ 20 фр. вѣситъ 6,7 гр., слѣдовательно четыре монеты по 5 фр. должны вѣсить 32×6,7 гр.=214,4 гр. Если монеты вѣсятъ меньше, то, очевидно, государство воруетъ у насъ. Пятифранковая монета вѣситъ только 25,4 гр., а 4 монеты — 4×25=100 гр. Слѣдовательно, изъ 20 фр. серебра государство крадетъ у гражданъ 114,4 гр. серебра, т. е. больше 20 франковой монеты. Словомъ, за ту же золотую монету въ 20 фр. вмѣсто выплачиваемыхъ мнѣ національнымъ банкомъ четырехъ серебряныхъ монетъ, я долженъ былъ бы получить восемь пятифранковыхъ монетъ + 2 фр. 50 сант. Вы видите, кто въ дѣйствительности фальшивый монетчикъ. Но монополія фабрикаціи фальшивой монеты принадлежитъ государству. Если кто-нибудь сдѣлаетъ подобное, его сажаютъ въ тюрьму; фальшивая чеканка остается привиллегіей государства.

Однажды я видѣлъ прекрасную карикатуру. Она представляла министра юстиціи за зеленымъ столомъ. Два полицейскихъ агента вводятъ прилично одѣтаго господина, въ цилиндрѣ и съ тростью. Онъ какъ бѣсъ извивается въ рукахъ полицейскихъ. Это министръ финансовъ г. Пирсонъ, бывшій директоръ банка въ Нидерландіи. Господинъ: Оставьте меня; какъ уже сказалъ вамъ, я представитель государства изъ Нидерландіи.

Агентъ: Глупость. Этотъ плутъ стоитъ во главѣ шайки,

пускающей въ оборотъ флорины, которые стоятъ только 47 сант. съ половиной! (Флоринъ=2 фр.=100 сант.) Правительства, слѣдовательно, даютъ примѣръ фальшивой чеканки монетъ. Въ Америкѣ очень много серебрянныхъ долларовъ, но и въ Китаѣ и Японіи они также въ ходу. Чѣмъ больше понижается цѣнность серебра, тѣмъ больше теряютъ при полученіи серебрянныхъ долларовъ. Слѣдовательно, необходимо какъ можно скорѣе освободиться отъ всѣхъ этихъ долларовъ, отъ всего серебра.

Что же дѣлать? Въ Японіи и въ Китаѣ достаточно долларовъ на текущіе расходы, только въ случаѣ чего-нибудь чрезвычайнаго имъ понадобится больше. Тогда банкиры принимаются за дѣло. Американскіе и европейскіе агенты были посланы въ обѣ страны — но совсѣмъ не для того, чтобы оказывать давленіе авторитетомъ государствъ. Нѣтъ, они никогда не прибѣгаютъ къ этому, вѣдь они «честные» люди. Но въ концѣ концовъ Китай купилъ въ Америкѣ много серебра и, окончивъ покупку въ теченіе шести мѣсяцевъ, вдругъ объявилъ войну. Оставалось узнать, кто выиграетъ. Для банкировъ было гораздо выгоднѣе, чтобы проигралъ Китай, такъ какъ послѣ подобной войны одна изъ сторонъ платитъ контрибуцію. Японія — обширная страна, но маленькая въ сравненіи съ громаднымъ Китаемъ. Вотъ почему Китаю легче достать себѣ денегъ, благодаря естественнымъ богатствамъ обширной имперіи. Итакъ, Японія побѣдила, Китай долженъ былъ платить контрибуцію.

Это было великолѣпнымъ оборотомъ для банкировъ. Китай занялъ сначала 100 милліоновъ фр., которые онъ получилъ серебромъ, затѣмъ 44 милліона, и опять же въ серебрѣ. Онъ получилъ серебро съ обязательствомъ платить проценты золотомъ, другой источникъ прибыли для банкировъ, которые купили все это серебро за очень незначительное количество золота. Они пріобрѣтали цѣлыя состоянія. Они стакнулись также съ фабрикантами судовъ, пушекъ, ружей, чтобы все заказанное Китаемъ и Японіей въ Европѣ, оплачивалось золотомъ. Такимъ образомъ выгадывали еще крупную сумму.

Вся японско-китайская война была дѣломъ финансистовъ. Финансисты составляютъ буржуазію. Всѣ войны безразлично — войны банкировъ.

Солдаты! буржуазія, которая проповѣдуетъ вамъ о чести

служить отечеству, насмѣхается надъ вами въ своихъ кабинетахъ, если вы достаточно наивны и вѣрите ей; она знаетъ, что обманываетъ васъ.

Все, что удовлетворяетъ васъ: „отечество“, „преданность династіи“, храбрость, вѣрность и пр. служитъ только способомъ ошеломить васъ, ослѣпить, чтобы вы не были въ состояніи понять къ чему васъ предназначаютъ.

Солдаты! Вы—часовые, поставленные для охраны комфорта буржуазіи. Армія защищаетъ богатства банкировъ. Господствующій классъ сумѣлъ устроиться такъ, чтобы не защищать самому своихъ владѣній—онъ слишкомъ подлъ, слишкомъ трусливъ для этого, но онъ заставляетъ неимущихъ караулить ихъ. Съ ихъ точки зрѣнія это логично. Но какъ назвать глупость, стадность этихъ неимущихъ, тѣхъ, кому нечего терять и которые всетаки соглашаются быть пушечнымъ мясомъ; служить другимъ, если самъ слабъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но что говорить объ овцахъ, которыя сами себѣ выбираютъ палачей! Вотъ верхъ глупости: у насъ является желаніе крикнуть всѣмъ: „Ты этого хотѣлъ, Жоржъ Данденъ, ты не заслуживаешь лучшей участи!“

Войны возможны благодаря воинственному духу, искусственно поддерживаемому въ народѣ. Думаете-ли вы, что Чемберленъ, что Сесиль Родсъ могли бы вести войну, если бы у нихъ не было могущественной партіи? Развѣ пресса въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не возбуждала постепенно англійскій народъ противъ буровъ? О! эта пресса! Ее зовутъ благодѣяніемъ, а она въ рукахъ капиталистовъ является средствомъ, отравляющимъ всѣ источники здоровой народной жизни.

Есть средства противъ фальсификаціи товаровъ, общества для защиты животныхъ, но гдѣ же находится общество, которое защищало бы народъ противъ отравленія прессой, каждый день вливающей ядъ, капля по каплѣ, подъ видомъ общественнаго мнѣнія и парализующей мозгъ милліоновъ людей.

Утверждаютъ, что воинственный духъ значительно уменьшился.

Гдѣ же доказательство? Это пустое противорѣчіе противъ дѣйствительности. Вся человѣческая жизнь съ самой ранней молодости подвергается вліянію милитаризма, вліянію чрезвы-

чайно сильному, проникающему ее насквозь, гораздо болѣе сильному, чѣмъ считаетъ большинство людей, ни о чемъ не думающихъ.

Я хочу показать вамъ, насколько общество проникнуто духомъ милитаризма. Изъ чего состоятъ по большей части дѣтскія игрушки? Осмотрите базары и вы увидите: это сабли, ружья, шарфы, знамена, барабаны, каски; онѣ должны пріучить ребенка, съ первыхъ же дней его жизни, къ нѣкоторому употребленію орудій истребленія. Затѣмъ мы видимъ пѣхоту и кавалерію изъ свинца, большія крѣпости, пушки и тому подобныя вещи; ихъ даютъ какъ игрушки.

Вмѣсто того, чтобы устранить всѣ эти предметы, съ ними стараются освоить.

Играть въ солдаты самое любимое занятіе.

И какъ хорошо взрослые умѣютъ спекулировать вкусами молодежи, можно убѣдиться, когда видишь, какъ отрядъ солдатъ проходитъ по улицамъ, съ музыкой во главѣ, въ тактъ веселыхъ, опьяняющихъ пѣсенъ, окруженный толпой дѣтей, которыя, конечно, думаютъ: „Когда я выросту, я также буду проходить по улицамъ въ такомъ красивомъ видѣ!“

Въ обученіи духъ милитаризма играетъ тоже важную роль. Посмотрите книжки съ картинками: какъ велико мѣсто, отводимое солдатамъ и сраженіямъ! Книги для чтенія содержатъ разсказы о всевозможныхъ геройскихъ поступкахъ на полѣ битвы. Кто наши герои? Вѣдь пользуются предпочтеніемъ не тѣ, что отличились въ области науки и искусства, не тѣ, что дѣлали открытія, полезныя изобрѣтенія, но всегда и вездѣ—военные. Исторія—всюду непрерывный рядъ войнъ; она часто возвращается къ монотонному припѣву: такой-то, свергнувъ того-то, сталъ могущественнымъ царемъ. Воинственный духъ прививается дѣтямъ такъ же успѣшно игрушками, какъ и книгами съ картинками и, такимъ образомъ, дѣти, играя, получаютъ ложное направленіе, очень часто даже противъ желанія наставниковъ. Развѣ не ложно говорить дѣтямъ исключительно, какъ о герояхъ, о тѣхъ, кто сражается огнемъ и мечемъ, кто отличается на полѣ битвы? Лютеръ говорилъ при отъѣздѣ на собраніе въ Вормсѣ, несмотря на предостереженія друзей: „Если бы въ Вормсѣ было столько чертей, сколько трубъ на крышахъ,

я бы все-таки пошелъ!“ Онъ проявилъ больше мужества, чѣмъ большинство военныхъ сумѣло выказать на „полѣ чести“, когда они однимъ ошеломляющимъ ударомъ доказываютъ всю свою жестокость по отношенію къ своему ближнему! Какъ будто Зола, бросая всему военному и политическому міру свое: „Я обвиняю“, не далъ доказательства героизма гораздо большаго, чѣмъ всѣ эти въ галунахъ, когда они отправляются въ другія части свѣта со своей дальнобойной артиллеріей сражаться съ дурно вооруженными аборигенами. Какъ будто докторъ, пренебрегающій смертью, посѣщающій заразныхъ больныхъ или изучающій опасныя болѣзни, не выказываетъ больше мужества, чѣмъ первый рубака, котораго хвалятъ за то, что онъ убилъ много людей; —точно Даяки восточной Индіи, почитающіе больше всего того воина, который можетъ показать самое большое количество непріятельскихъ головъ, отсѣченныхъ собственноручно.

Развѣ патріотизмъ не повторяетъ періодически прозвищъ: Великій, Славный и пр., смотря по тому, какъ они отличились на полѣ битвы? Развѣ не говорятъ о «священныхъ войнахъ», національномъ долгѣ и подобныхъ предметахъ, которыми стараются опутать сознаніе народа?

Во всѣхъ странахъ царь и солдаты на первомъ мѣстѣ. Едва какой-нибудь маленькій князь начинаетъ держаться на ногахъ, его уже производятъ въ лейтенанты, и всѣмъ кажется естественнымъ, что принцы должны быть начальниками арміи или флота.

Идеалъ Вильгельма II — имѣть десять сыновей и каждаго изъ нихъ сдѣлать начальникомъ цѣлаго корпуса. Почему князья являются всегда въ военныхъ костюмахъ? Почему они открываютъ парламентскія засѣданія въ формѣ гусарскаго генерала или генерала (шефа) отъ-инфантеріи? Развѣ не затѣмъ, чтобы показать парламенту, что въ случаѣ нужды они пренебрегутъ его рѣшеніемъ, и что обнаженный мечъ стоитъ больше ста рѣчей? Развѣ у президента Французской республики нѣтъ придворной гвардіи? А у нашей юной королевы? у нея тоже есть. Почему министръ, въ вѣдѣніи котораго находятся военныя силы страны, носитъ названіе «министра войны» (военнаго министра)? Какъ будто его обязанность состоитъ только въ веденіи войны! Пожалуй, лучше бы сдѣлали, если бы переименовали

министровъ военнаго и морского въ министровъ сухихъ и мокрыхъ ссоръ. Все направлено къ тому, чтобы пробудить въ царяхъ влеченіе къ военнымъ дѣламъ и заставить смотрѣть на себя, какъ на спеціалистовъ по этимъ вопросамъ. Слѣдовательно, вся жизнь проникнута духомъ милитаризма и, хотя каждый человѣкъ въ отдѣльности ненавидитъ войну рѣшительной ненавистью, тѣмъ не менѣе всѣ вмѣстѣ дѣлаютъ все, что могутъ, для поощренія войны. Прудонъ могъ бы еще мечтать о томъ, что миръ будетъ дѣломъ девятнадцатаго столѣтія, что же касается насъ, то мы менѣе оптимистичны и не смѣемъ еще утверждать, что онъ будетъ дѣломъ даже двадцатаго.

Все, что было сдѣлано за послѣднее время—это то, что къ милитаризму присоединили еще и лицемѣріе. На словахъ увѣряютъ въ любви къ миру, на дѣлѣ же готовятся къ войнѣ. Самая отвратительная комедія, которую разыграли представители силы, какъ финалъ къ девятнадцаму вѣку, это—комедія праздника мира въ Гаагѣ въ 1899 году. Въ то время, когда созывалась эта конференція, державы продолжали дѣятельно готовиться къ войнѣ.

Такъ, 20 сент. 1898 г. Распоряженіе увеличить и усилить флотъ канонерокъ въ Каспійскомъ морѣ.

15 ноября 1898 г. Рѣшеніе построить два броненосца въ 12.674 тоннъ.

1 декабря 1898 г. Изгнаніе 5.000 духоборовъ съ Кавказа; они принуждены эмигрировать въ Канаду, такъ какъ въ качествѣ мирныхъ людей не хотятъ носить оружія.

4 декабря 1898 г. Умышленное убійство политическихъ заключенныхъ въ Иркутскѣ, въ Сибири, по приказанію военнаго начальника.

14 декабря 1898 г. Распоряженіе построить десять новыхъ контръ-миноносцевъ.

Морской министръ публикуетъ анонсъ о назначеніи свыше 90 милліоновъ рублей на устройство новыхъ военныхъ судовъ, новыхъ доковъ для военнаго мореходства въ Петербургѣ, Финляндіи и Портъ-Артурѣ; объ увеличеніи флота 4 броненосцами, 6 крейсерами, 2 канонерками и о созданіи флота миноносцевъ и контръ-миноносцевъ.

12 января 1899 г. Возобновленіе бюджета съ увеличеніемъ на 34 милліона рублей на армію и на 16 милліоновъ на флотъ.

18 янв. 1899 г. Русскія войска на границахъ Авганистана усилены 20.000 человѣкъ, готовыми выступить къ Герату.

Три полка посланы въ Гельсингфорсъ, чтобы добиться отъ финлядскаго парламента увеличенія войскъ въ Финляндіи.

19 янв. 1899 г. Морской министръ приказываетъ строить новый крейсеръ перваго класса въ 6.250 тоннъ и два миноносца до 350 тоннъ.

Потомъ объявляютъ о постройкѣ 3-хъ броненосцевъ въ 12.700 тоннъ и 2-хъ крейсеровъ въ 6.000 и 3.000 тоннъ.

Да здравствуетъ конференція мира, мира, основаннаго на безпрестанномъ увеличеніи сухопутныхъ и морскихъ силъ!

Ни одинъ бюджетъ ни въ одномъ государствѣ не уменьшился ни на грошъ послѣ комедіи мира!

Англійскій бюджетъ на маневры 1899—1900 года превышаетъ предыдущій на 25 милліоновъ франковъ, а составъ арміи усиленъ 1.493 солдатами съ 5 батареями, въ будущемъ же, на 1900 г., еще 10-ью батареями.

Нѣмецкое правительство немедленно послѣ рѣшенія увеличить армію на 23.277 солдатъ предложило выполнить это въ теченіе четырехъ лѣтъ, что и было принято съ отсрочкой одной третью голосовъ, а проекты императора относительно флота были приняты въ принципѣ.

Это ли не лицемѣріе? Всѣ, такъ сказать, хотятъ мира и въ тоже время армія увеличивается, военные расходы становятся все больше.

Но чего же можно ждать отъ правительства, вѣщающаго миръ, но которое въ одномъ и томъ же году вмѣстѣ съ посланіемъ о мирѣ (1898) сослало въ Сибирь не менѣе 1.000 политическихъ заключенныхъ, чтобы уморить ихъ тамъ медленной, но вѣрной смертью, которое заставило покинуть родину 20.000 сектантовъ; у нихъ не было другого средства избавиться отъ миролюбивыхъ преслѣдованій царскаго правительства.

Но, вѣроятно, вооружаются съ ногъ до головы исключительно изъ любви къ миру, и государства доказываютъ свои мирныя намѣренія, доводя до безумія расходы на вооруженіе и содержаніе арміи.

Сюда можно примѣнить крылатое словечко: Si vis pacem, para bellum (Если хочешь пользоваться миромъ, готовься къ войнѣ).

Эта теорія со всей своей нелѣпостію можетъ быть прекрасно иллюстрирована слѣдующимъ разговоромъ двухъ сосѣдей:

Сосѣдъ А.—Дорогой сосѣдъ, я очень счастливъ, что мы всегда жили въ добромъ согласіи. Вотъ почему я купилъ хорошую палку. Смотрите.

Сосѣдъ Б. (разсматривая палку). — Дѣйствительно, отличная дубинка. Ею можно легко пробить черепъ. Какъ это хорошо, что мы живемъ въ добрыхъ отношеніяхъ! Я куплю себѣ тоже такую дубинку, хотя мнѣ очень нужны деньги въ хозяйствѣ.

Немного спустя:

А. Смотрите сосѣдъ. Я избавился отъ своей палки: я отдалъ ее тому, кто менѣе культуренъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, это слишкомъ грубый способъ—убивать другъ друга дубинкой. Вотъ сабля, ею гораздо легче дѣйствовать и она элегантнѣе. Я такъ радъ добрымъ отношеніямъ съ моими сосѣдями и мирной жизни.

Б. (осматривая саблю)—Да, дѣйствительно очень хорошо, что мы христіане. Христіанство это любовь къ миру. Итакъ, я изъ благожелательства тоже пріобрѣту себѣ саблю. Палка—это все-таки немного по язычески.

Еще черезъ нѣсколько времени:

А.—Эй! сосѣдъ, приди-ка посмотрѣть! Гляди у меня ружье. Это безконечно дѣйствительнѣе сабли. Но я ее оставлю... потому что наши отношенія такъ мирны. Но я беру и ружье.

Б. (осматривая ружье).—Ладно! и я куплю ружье.

Возвратившись домой, *Б.* говоритъ своей женѣ:

— Дай мнѣ нѣсколько франковъ, я куплю ружье.

Жена.—Ты съ ума сошелъ? Ружье? Мнѣ не на что одѣть ребятъ.

Б.—Гмъ! займи немного денегъ!

Жена.—Но я уже ничего не могу дать въ залогъ.

Б. — Наши дѣти ростутъ и крѣпнутъ. Они уплатятъ долги, которые мы дѣлаемъ, они также уступятъ часть своей прибыли, чтобы уплатить проценты.

Дѣти кричатъ: Но мы такъ голодны!

Б.—Молчите! Я не потерплю недовольства. Я люблю свободу и каждому изъ васъ разрѣшаю голодать, сколько ему вздумается, только пусть онъ не становится недовольнымъ.

Мать и дѣти стали плакать и изъ чистой любви къ миру имъ задана хорошая трепка.

И такъ продолжалось у двухъ сосѣдей.

Они вооружаютъ нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣтей, чтобы лучше жить въ мирѣ, чтобы довести до нищеты другихъ дѣтей, и разстрѣлять ихъ при помощи ихъ же вооруженныхъ братьевъ, когда нужда доведетъ ихъ до возмущенія противъ родительскаго авторитета. Такимъ образомъ многія хозяйства продолжаютъ нищенствовать.

Постоянно покупается новое оружіе, на его покупку всегда находятся нужныя деньги, но голоднымъ отказываютъ въ хлѣбѣ. Каждый годъ сосѣди аккуратно увѣряютъ другъ друга въ хорошихъ отношеніяхъ и въ томъ, что миръ не рискуетъ быть нарушеннымъ.

Что же можно было бы сказать о сосѣдяхъ, которые дѣйствуютъ такимъ образомъ?

Ихъ заперли бы въ домъ для сумасшедшихъ или въ тюрьму за истязанія дѣтей.

Однако, отношенія между державами совершенно таковы. Каждый годъ народъ выслушиваетъ подобные разговоры, произносимые безстыдными людьми въ парламентахъ, а правительства относятся къ народу совершенно такъ же, какъ сосѣди къ своимъ дѣтямъ.

Вотъ ужъ сто пятьдесятъ девять лѣтъ какъ Монтескье написалъ слѣдующія слова, оставшіеся и до нынѣ справедливыми и дѣйствительными, точно они были сказаны вчера:

„Въ Европѣ распространилась новая болѣзнь, она охватила нашихъ царей и заставляетъ ихъ содержать безчисленное множество войскъ. У нея свои припадки и она становится непремѣнно заразительной, и если одно государство усилитъ то, что оно называетъ своимъ войскомъ, другія тотчасъ-же увеличиваютъ свои, такимъ образомъ никто ничего не выигрываетъ, доводя только себя до общаго разоренія. Каждый монархъ держитъ на готовѣ всѣ войска, которыя понадобились бы, если бы народу угрожала опасность нападенія, и это напряженное состояніе всѣхъ противъ всѣхъ называютъ миромъ. Европа такъ разорена, что если бы частныя лица оказались въ положеніи трехъ могущественнѣйшихъ державъ этой части свѣта, то

имъ нечѣмъ было бы жить. Мы бѣдны, несмотря на всѣ богатства и промышленность вселенной и вскорѣ, благодаря тому, что у насъ есть солдаты, у насъ не будетъ ничего больше, кромѣ солдатъ, и мы станемъ вродѣ татарской орды.

Слѣдствіемъ такого положенія является постоянное увеличеніе налоговъ; мѣшаетъ поправить дѣло и то обстоятельство, что не считаются съ доходами и ведутъ войну на капиталъ. Развѣ не правда, что государства дѣлаютъ займы даже во время мира и употребляютъ, такъ называемыя, чрезвычайныя средства, чтобы разоряться; разореніе это такъ велико, что сыновья самыхъ разстроенныхъ семей едва могутъ вообразить себѣ что-нибудь подобное. Примѣните эти слова къ нашему обществу и спросите себя, развѣ это не справедливо, отъ слова до слова; государства какъ будто назначили состязаніе, чтобы узнать, кто изъ нихъ скорѣе доведетъ свой народъ до полнаго разоренія.

Говорятъ о томъ, чтобы сдѣлать войну болѣе гуманной (человѣчной)! Можно ли быть болѣе лицемѣрнымъ? Идея гуманизировать войну такъ же нелѣпа, какъ улучшить тюрьмы. Какія бы ни были необходимы улучшенія, можно только разрушить тюрьмы; также ничего больше не остается, какъ уничтожить войны.

Развѣ гуманизированныя пули не будутъ убивать! Или ихъ хотятъ снабжать пластыремъ, который самъ будетъ лѣчить причиненныя пулями раны?

Нелѣпость! Не употребляйте совершенно пуль, что гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ гуманизированныя пули.

Гуманизировать войну,—можетъ быть подъ руководствомъ германскаго императора Вильгельма, который во имя цивилизаціи избиваетъ нецивилизованныхъ китайцевъ, не давая пощады и нанизывая на штыкъ женщинъ и дѣтей! Европа, скрой свое лицо при извѣстіи о такомъ варварствѣ!

Но нецивилизованные китайцы разгадали цивилизованныхъ европейцевъ! Недавно одинъ китайскій ученый писалъ по данному поводу:

„Сначала пришли люди въ черныхъ одеждахъ (миссіонеры), они хотѣли открыть намъ даромъ врата неба.

„Въ дѣйствительности же, они стали шпіонами людей въ бѣлыхъ одеждахъ.

„Эти явились и ведутъ съ нами торговлю, обманываютъ насъ

и мошенничаютъ. Но едва мы начинаемъ требовать отчетау этихъ бѣлыхъ людей, они являются въ многоцвѣтныхъ одеждахъ съ пушками и съ ружьями и насъ убиваютъ!"

Вотъ хорошее олицетвореніе мирового, интернаціональнаго капитализма: алтарь, несгораемый шкафъ и армія.

Если я не ошибаюсь, мы въ періодѣ реакціи. Римъ въ настоящее время могущественнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, благодаря капиталамъ, находящимся въ распоряженіи его, и цѣлой толпы священниковъ, на которыхъ онъ можетъ полагаться. Церковь и армія идутъ во главѣ, и капитализмъ скорѣе провозгласитъ папу начальникомъ міра, чѣмъ дастъ народу его права. Буржуа, по правдѣ сказать, ненавидитъ войну, но онъ хочетъ въ то же время и сильныхъ правительствъ, чтобы держать рабочую массу въ слѣпомъ послушаніи, и парламентовъ, чтобы освятить свои дѣйствія кажущимся согласіемъ народа. Они притворно закрываютъ глаза на плачевное экономическое положеніе. Они заявляютъ, что ненавидятъ войну и дѣлаютъ все, чтобы сохранить то, что поддерживаетъ войну; они презираютъ цѣли и культивируютъ средства, ведущія неизбѣжно къ этой цѣли. Реакція—это партіи авторитета, распространяющаяся отъ Рима до соціалъ-демократіи, отъ папы до Маркса, цѣлая реакціонная масса противъ анархистовъ, совсѣмъ какъ Луи Бланъ, старый соціалистъ, голосовавшій вмѣстѣ съ клерикалами, чтобы заявить, что Тьеръ, Макъ-Магонъ, Галлифе отличились передъ родиной, утопивъ Коммуну въ крови ея борцовъ; теперь мы видимъ соціалъ-демократовъ, устраивающихъ собесѣдованія съ убійцами Коммуны; одинъ заявляетъ, что въ 1871 г. парижане сдѣлали бы лучше, оставаясь спать (Вальмаръ), другой отправился засѣдать въ министерствѣ съ злѣйшими убійцами и, такимъ образомъ, братается съ ними (Мильеранъ). Авторитетъ не можетъ существовать безъ милитаризма, безъ возможности удержаться силой, если кто нибудь воспротивится ему. Мы, анархисты, можемъ разсчитывать только на себя, на соціалистовъ-революціонеровъ и на свободомыслящихъ.

А теперь, какимъ должно быть наше отношеніе къ милитаризму?

Вотъ главный вопросъ, который нужно хорошенько обсудить.

Фразами, платоническими заявленіями, которыми мы вызываемъ правящіе классы на судъ, исторіи человѣчества мы не подвинемся ни на шагъ.

Подобныя рѣшенія хороши только для конгерессовъ и конференцій мира. Правительства, надсмѣхаясь надъ ними, идутъ медленно своей обычной дорогой.

Если въ 1891 г. на международномъ съѣздѣ въ Брюсселѣ, соціалисты имѣли мужество принять рѣшеніе отвѣтить всеобщей забастовкой на объявленіе войны, то, я думаю, я былъ бы достаточно наивенъ, если бы повѣрилъ тому, что десять лѣтъ тому назадъ энергическая пропаганда этой идеи привела бы насъ дальше, чѣмъ мы находимся теперь.

Гдѣ же то время, когда Жюль Гедъ писалъ:

„Мы рѣшились, и соціалистическія партіи должны тоже рѣшиться, бросить революцію подъ ноги выступающимъ въ походъ арміямъ.

„Нужно кричать пушкамъ, которыя катятъ и заряжаютъ: Нѣтъ прохода! Нѣтъ проѣзда!—Соціализмъ обладаетъ революціоннымъ и освободительнымъ стремленіемъ, но онъ долженъ дерзать, и когда соединенныя державы готовы совершить преступленіе и повергнуть міръ въ бѣдствія войны, онъ долженъ сказать то, что сто лѣтъ тому назадъ сказалъ съ кафедры Дантонъ о союзныхъ царяхъ, дѣлая намекъ на участь Людовика XVI: „Бросимте имъ, какъ вызовъ, голову одного короля!“ Если онъ смѣлъ заявить это по отношенію къ политическому освобожденію, мы должны поступить такъ же по отношенію къ освобожденію соціальному, гораздо болѣе необходимому, должны придать этому слову необходимое толкованіе. Пусть знаютъ, какова будетъ участь тѣхъ, кто для удовлетворенія своихъ хищныхъ стремленій ведетъ народъ на бойню. Что же мы должны дѣлать, чтобы бороться съ преступностью капиталистическаго правительства? Средство ужъ найдено.

«Если солдаты начнутъ думать, ни одинъ изъ нихъ не останется въ строю». Итакъ, думайте, вотъ что измѣнитъ положеніе народа. Слѣдовательно, соціализмъ заставляетъ думать, все возможное должно быть сдѣлано.

Перечислимъ сначала нѣкоторыя условія болѣе тѣснаго сближенія народовъ. Эмиль де-Лавелэ предлагаетъ кое-что въ

своей великолѣпной книгѣ: „Дѣйствительныя причины войнъ въ Европѣ и третейскій судъ". Ниже мы пополнимъ эти указанія.

I. Уменьшеніе (читай: уничтоженіе) вывозныхъ пошлинъ, торговыхъ трактатовъ и союзныхъ договоровъ, и, если возможно, полное уничтоженіе таможни. Все, что обособляетъ людей, толкаетъ ихъ на войну; все, что соединяетъ ихъ, приводитъ къ миру.

II. Упразднить пошлины на провозъ товаровъ, писемъ и телеграммъ, чтобы какъ можно больше увеличить обмѣнъ продуктовъ и циркуляцію мысли.

III. Ввести общую монетную систему по вѣсу, мѣркѣ и коммерческимъ законамъ не только для того, чтобы облегчить обмѣнъ, но также, чтобы эта форма дала почувствовать практическимъ образомъ различнымъ народамъ могущество соединяющаго ихъ союза.

IV. Дать иностранцамъ такія же гражданскія права, какъ и мѣстнымъ жителямъ, чтобы человѣкъ могъ вездѣ найти себѣ родину, и чтобы чувства братскаго космополитизма мало-по-малу замѣнили національную обособленность.

V. Способствовать изученію иностранныхъ языковъ и географіи и всѣхъ познаній о положеніи чужихъ странъ. Когда народы узнаютъ другъ друга, они увидятъ, что всюду у людей одна и та же натура, тѣ же потребности и тѣ же интересы.

VI. Увеличить количество книгъ и произведеній искусства, которыя заставляютъ дорожить миромъ и ненавидѣть войну; вычеркнуть тѣ, которыя учатъ любить ее.

VII. Поддерживать все, что можетъ дать силу и дѣйствительность представительной системѣ, и, въ особенности, отнять у исполнительной власти право войны и мира.

Весь народъ долженъ будетъ опредѣлять свою собственную участь, а вопросъ о войнѣ и мирѣ, это—вопросъ обращенія къ народу, но такимъ способомъ, чтобы тотъ, кто подаетъ голосъ за войну, былъ обязанъ вступить въ ряды арміи и идти сражаться.

VIII. Поощрять промышленныя предпріятія, которыя бы народныя сбереженія одной страны употребляли на поднятіе цѣнности естественныхъ богатствъ другихъ; такимъ образомъ ка

питалъ долженъ стать международнымъ, интересы всѣхъ капиталистовъ будутъ солидарны.

IX. Духовенство должно было бы, по примѣру квакеровъ, внушать сознаніе ужаса войны; вѣдь это духъ христіанства, который отличилъ бы наконецъ христіанъ отъ дикарей.

Лавелэ еще сохраняетъ нѣкоторую вѣру въ священниковъ, хотя и признано, что въ исторіи много войнъ создано попами и, во всякомъ случаѣ, поддержаны ими; до сихъ поръ не случалось, чтобы духовенство помѣшало хотя бы одной войнѣ. Потому послѣдній пунктъ очень слабъ. Вѣдь священники благословляютъ оружіе и знамена. Священники поютъ Te Deum въ благодарность за торжество одной арміи и уничтоженіе другой.

Такое религіозное лицемѣріе самая большая низость, которой оскверняютъ память Іисуса Христа.

Не вызывая ни слова протеста, императоръ Вильгельмъ II могъ сказать своимъ солдатамъ по случаю присяги на вѣрность: «Вы принадлежите мнѣ душой и тѣломъ. Съ сегодняшняго дня для васъ существуетъ только одинъ врагъ—это мой врагъ. Можетъ случиться, что, выступивъ противъ пронырливыхъ соціалистовъ, я прикажу вамъ стрѣлять въ вашихъ родственниковъ, въ вашихъ братьевъ и даже въ вашихъ отцовъ и матерей (да избавитъ насъ Богъ), но тогда вы должны будете повиноваться моимъ приказаніямъ безъ колебаній».

Этотъ христіанинъ (!) говоритъ откровенно, и христіанская церковь не противорѣчитъ ему, будто тотъ, кто служитъ въ арміи, предоставляется въ его распоряженіе и долженъ быть готовымъ для его пользы убивать своихъ братьевъ, отцовъ и матерей!

Толстой такъ возмущенъ этими богохульственными словами, что говоритъ: «Этотъ больной, ничтожный человѣкъ, опьяненный властью, оскорбляетъ своими словами все, что можетъ быть свято современному человѣку, а христіане, свободные мыслители, ученые—всѣ далеки отъ возмущенія подобнымъ оскорбленіемъ и даже не замѣчаютъ его».

Теперь мы прибавимъ къ условіямъ Маволэ нѣсколько другихъ, гораздо болѣе дѣйствительныхъ.

X. Возможность доставлять работниковъ международнымъ предпріятіямъ. Есть желтый Интернаціоналъ т. е. синдикаты

капиталистовъ, которые создаютъ больше стачекъ противъ рабочихъ, чѣмъ рабочіе между собой противъ капиталистовъ. Есть черный Интернаціоналъ, это Римъ съ цѣлой арміей священниковъ и монашекъ: они проникаютъ въ самые интимные кружки, т. е. въ семьи, и тамъ ведутъ свою подпольную работу.

Намъ нужно образовать красный Интернаціоналъ, совершенно революціонный. Война никогда не была благодѣяніемъ для работающихъ и, когда они поймутъ свою пользу, они станутъ оплотомъ противъ вредныхъ махинацій правительства. Трудъ и война— вотъ противоположности.

Солдаты не даютъ обществу продуктивнаго труда, напротивъ— они живутъ на счетъ продуктивныхъ работниковъ. Представьте себѣ общество въ 5.000 членовъ; только 1.000 взрослыхъ поддерживаютъ своимъ трудомъ все общество; изъ нихъ 200 берутъ въ военную службу: какъ это должно повліять на благосостояніе населенія?

Сначала каждый трудящійся содержалъ 5 человѣкъ: кромѣ самого себя еще четверыхъ; но затѣмъ ихъ остается только 800, они должны содержать 4.000 другихъ и 200 прежде работавшихъ, т. е. 4.200 человѣкъ. Каждый работающій долженъ содержать 5.000 раздѣленныхъ на 800, равно 6,25 человѣка, слѣдовательно, вмѣсто 5 нужно содержать 6,25. По мѣрѣ того, какъ армія увеличивается, увеличивается и количество тѣхъ, кого должны содержать работающіе. Какое вліяніе на всеобщее благосостояніе! Но еще хуже, они не только не производятъ, они розоряютъ; солдатъ—непродуктивный работникъ, но онъ въ то же время работникъ, уничтожающій и трудъ другихъ.

Животныя выше людей. Они убиваютъ, чтобы имѣть возможность жить добычей; но люди—существа наиболѣе жестокія изъ всѣхъ созданій: только они убиваютъ для того, чтобы убивать. И они это дѣлаютъ съ такой утонченностью, съ такой жестокостью, что кошка, играющая съ мышью, прежде чѣмъ ее съѣсть, игрушка въ сравненіи съ ними. Въ мірѣ животныхъ есть птица, она встрѣчается въ нѣкоторыхъ зоологическихъ садахъ; птица эта чувствуетъ отвращеніе къ другимъ сварливымъ птицамъ. Ее можно легко приручить и помѣстить въ курятникѣ, гдѣ она исполняетъ обязанности полицейскаго агента и судьи. Когда два пѣтуха враждуютъ изъ-за одной курицы, и готовы драться до

смерти, приверженецъ мира дѣлаетъ свое дѣло, ни на кого не обращая вниманія, и распредѣляетъ каждому изъ нихъ по нѣсколько ударовъ клюва. Если бы какое-нибудь существо, подобное этой птицѣ, исполняло такую же обязанность среди людей, оно было бы завалено работой.

Новиковъ говоритъ: „Подъ знаменами“ есть уже 3.300.000 человѣкъ. Если бы они не были солдатами и отдавались прибыльнымъ занятіямъ, зарабатывая только по тысячѣ франковъ на брата, они могли бы составить капиталъ въ 3 милліарда 800 милліоновъ франковъ. 4.500 милліоновъ, поглощаемыхъ нынѣ военными расходами, дали бы 5%, если бы ихъ помѣстили въ какомъ-нибудь хозяйственномъ или промышленномъ предпріятіи.

Это бы составило еще 225 милліоновъ. Двадцать восемь дней службы запасныхъ стоятъ самое меньшее 200 милліоновъ. Вотъ уже вѣрныхъ 4.225.000.000, а сколько колоссальныхъ потерь не поддается учету. Капиталы производятъ капиталы. Если бы эти милліарды сберегать каждый годъ на военныхъ издержкахъ и вкладывать ихъ въ новыя предпріятія, то они бы дали такую прибыль, которую сейчасъ невозможно опредѣлить.

Трудъ для обогащенія, война для разоренія: какое отношеніе можетъ быть между этими двумя противоположностями? Трудящихся отправляютъ на войну, какъ скотъ, они даже не знаютъ, за что они сражаются.

Вы знаете рисунокъ Германна Поля въ „Cri de Paris?“ („Крикъ Парижа“) На кораблѣ отправляются въ Китай два солдата: французъ и нѣмецъ. Они дружелюбно бесѣдуютъ во время безконечнаго пути... изъ котораго они можетъ быть не возвратятся.—

— Это смѣшно, говоритъ одинъ, я никакъ не могу вспомнить, почему сражались въ 1870 году.

— И я тоже,—отвѣчаетъ другой.

А корабль уноситъ ихъ къ полямъ китайской битвы, и они не знаютъ и теперь, ради чего они будутъ сражаться.

Развѣ не глупо позволить убить себя ради удовольствія, ради преимуществъ другихъ, такъ какъ какое же преимущество можетъ рабочій извлечь изъ войны для себя лично?

Международные союзы рабочихъ будутъ служить доказательствомъ, что они поставятъ преграду властолюбію сильныхъ

земли. Интернаціоналъ царей—это война, чтобы угнетать народъ и держать его въ рабствѣ по желанію угнетателей. Интернаціоналъ работающихъ, это — миръ, такъ какъ работающіе нуждаются въ мирѣ, чтобы заботиться о производствѣ.

XI. Отмѣна царей, президентовъ, сенаторовъ, парламентовъ, какъ общественныхъ учрежденій, враждебныхъ миру.

Развѣ императоръ Вильгельмъ II не постоянная опасность для мира? Эти учрежденія устарѣли и, такъ какъ они являются орудіемъ въ рукахъ капиталистовъ, защищая ихъ интересы противъ интересовъ народа, они угрожаютъ миру.

XII. Уничтоженіе посланниковъ.

Посланники, это—пережитокъ въ эпоху желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ. Каждый министръ можетъ разговаривать со своимъ товарищемъ вездѣ и безъ посредниковъ, что стоитъ много денегъ. Въ большихъ государствахъ они — постоянная опасность, ибо дипломаты прежде всего развиваютъ свой талантъ на осложненіяхъ и интригахъ, чтобы потомъ ихъ распутывать. Это трудъ Пенелопы, которая ткала днемъ и распускала ночью. Поступаютъ такъ, чтобы миръ подвергнуть опасности, а потомъ изображать спасителей мира и укрѣплять положеніе ловкихъ дипломатовъ. А въ маленькихъ странахъ посланники только украшеніе на ужинахъ, обѣдахъ и балахъ. Леруа-Больe согласенъ съ нами, когда онъ говоритъ, что онъ не понимаетъ пользы и удовольствія имѣть посланниковъ.

XIII. Реформа обученія исторіи.

Что такое исторія по большинству книгъ?

Исторія войнъ и царей безъ знанія народной жизни, труда и мысли. А между тѣмъ исторія крестьянъ, ремесленниковъ, рабочихъ, народа гораздо поучительнѣе и интереснѣе, чѣмъ исторія лѣнтяевъ, царей, аристократіи, духовенства. Исторія плуга и тачки гораздо нужнѣе для цивилизаціи, чѣмъ исторія Габріелли д'Эстре, Дюбари, г-жи Помпадуръ и любовныхъ похожденій королей.

Исторія должна стать исторіей цивилизаціи, а убійства, избіенія, войны—составляютъ скорѣе главу въ исторіи каннибализма и не имѣютъ ничего общаго съ цивилизаціей. Въ воспитаніи съ самаго начала воинственный духъ долженъ быть отброшенъ. Долой игрушки, которыя поощряютъ милитаризмъ, долой воин-

ственныя книги и картины для дѣтей; нужно избѣгать всего, что развиваетъ въ дѣтяхъ воинственность. Я знаю хорошо, что духъ кое въ чемъ измѣнился, но здѣсь еще обширное поле дѣйствія, въ особенности для воспитателей молодежи, такъ какъ они остаются еще въ рукахъ капиталистовъ орудіемъ порчи воспитанія дѣтей и дѣлаютъ изъ нихъ послушныхъ и покорныхъ подданныхъ.

XIV. Уничтоженіе постоянныхъ армій.

Война неизбѣжно развивается изъ армій, какъ растеніе изъ сѣмени. Я даже думаю, что война едва ли нелѣпѣе и вреднѣе вооруженнаго мира. Война продолжается нѣкоторое время, но все-таки кончается; вооруженный миръ постояненъ, это бичъ для всего общества. Сколько денегъ отнимается у общества постоянными арміями! Сколько силъ отнимается у производительности! Это тоже налогъ, но не естественный, а скорѣе искусственный. Это не борьба за существованіе, (Struggle for life), о которой говоритъ Дарвинъ, это борьба противъ существованія. Что говоритъ знаменитый дарвинистъ, профессоръ Геккель въ своей «Исторіи созданія организованнаго существа по естественнымъ законамъ»? Онъ говоритъ: роковой милитаризмъ, бичъ современной Европы, получилъ неожиданное господство со всеобщей воинской повинностью; республиканское учрежденіе соединенное съ постоянной арміей, служащей для поддержанія династическаго самодержавія, является противоестественнымъ чудовищемъ *).

Чтобы какъ можно больше увеличить армію, ежегодно отбираются суровымъ рекрутскимъ наборомъ самые здоровые и сильные люди во всѣхъ слояхъ общества. Самый сильный и самый нормальный молодой человѣкъ имѣетъ больше всѣхъ шансовъ быть убитымъ новѣйшимъ ружьемъ, артиллерійской пушкой и другими орудіями цивилизаціи.

*) Въ первомъ изданіи и до пятаго 1874 г. есть эти слова, но они исчезли въ послѣдующихъ, такъ какъ авторъ сталъ прославлять человѣка „крови и желѣза“, какъ одного изъ героевъ, которому Германія, и даже человѣчество многимъ обязаны. Мы видѣли, что въ Германіи такой уважаемый человѣкъ какъ Дюбуа-Реймондъ могъ дѣйствительно сказать: университетъ это духовная стража (гвардія) Гогенцоллерновъ. Наука стала покорной прислужницей царей! Какой позоръ!

„Всѣ слабые, больные и нездоровые избавлены отъ этого военнаго налога; во время войны они остаются дома, женятся и размножаются. Чѣмъ слабѣе какой-нибудь молодой человѣкъ, тѣмъ больше у него возможности избѣжать войны и обзавестись семьей. Въ то время какъ цвѣтъ молодежи погибаетъ на полѣ битвы, самые негодные имѣютъ удовольствіе размножаться и передавать свои слабости и недостатки потомству. По закону наслѣдственности, у каждаго поколѣнія совпадаютъ роковымъ образомъ слабость тѣла со слабостью духа, онѣ увеличиваются и распространяются. Не слѣдуетъ удивляться, что въ дѣйствительности слабость духа и тѣла все увеличивается у насъ, цивилизованныхъ народовъ, а свободный и независимый духъ вмѣстѣ съ сильнымъ и здоровымъ тѣломъ дѣлаются все большей и большей рѣдкостью". Вы видите, что не самые сильные и лучшіе переживаютъ и размножаются, напротивъ слабые, больные побѣждаютъ. И этотъ же профессоръ былъ совершенно правъ, когда онъ писалъ: „Въ сравненіи съ удивительнымъ прогрессомъ естественныхъ наукъ, наша государственная система администраціи, юстиціи, просвѣщенія и другія наши общественныя и нравственныя учрежденія пребываютъ въ варварскомъ состояніи".

А разрушающее вліяніе военной жизни въ казармахъ, этихъ школахъ цивилизаціи, какъ увѣряютъ насъ господа милитаристы! Увы! мы знаемъ, что казарменная цивилизація очень сходна съ сифилизаціей. До тѣхъ поръ, пока будутъ существовать постоянныя арміи, война будетъ показывать свое угрожающее лицо, какъ одну изъ причинъ, порождающихъ войну.

XV. Третейскій судъ въ случаѣ недоразумѣній.

Если жители какой-нибудь культурной страны поссорятся, то они не станутъ драться, но обращаются къ третейскому суду. Почему же нельзя такъ же дѣйствовать въ случаѣ недоразумѣнія между странами?

Еще знаменитый Гуго Гроцій написалъ книгу „О Войнѣ и Мирѣ", гдѣ онъ говоритъ, что «сторона, отказывающаяся отъ третейскаго суда, можетъ быть подозрѣваема въ зломъ умыслѣ». Конечно, мы станемъ смѣяться, если намъ будутъ говорить о „правѣ войны". Право войны, это — пятно въ родѣ четырехугольнаго круга: право исключаетъ войну, война исключаетъ

право. Даже право народовъ (международное), которое преподаютъ намъ въ университетахъ, намъ кажется смѣшнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности никто не заботится объ этомъ правѣ.

Мы видѣли его вмѣстѣ съ пулями думъ-думъ, которыя англичане употребляютъ въ Африкѣ; хотятъ ли объ этомъ знать или нѣтъ, это — правда, и останется правдой; отвратительной правдой, я согласенъ, но всетаки это — дѣйствительность. Человѣкъ, который побѣдитъ, согрѣшивъ даже противъ женевской конференціи и противъ всевозможныхъ договоровъ, будетъ восхваляться, какъ герой, гораздо больше, чѣмъ побѣжденный вслѣдствіе вѣрности договорамъ. Человѣкъ, сумѣвшій убить какимъ-нибудь адскимъ изобрѣтеніемъ цѣлую непріятельскую армію въ одну секунду, при возвращеніи на родину будетъ засыпанъ цвѣтами своихъ соотечественниковъ.

Вспомните о мясникахъ вродѣ лорда Китченера, Маршанда и многихъ другихъ, они встрѣчаются въ каждой странѣ. Третейскій судъ не является непремѣннымъ средствомъ во всѣхъ случаяхъ, но часто удавалось избѣжать войны при помощи посредничества. Случаи не такъ рѣдки, какъ думаютъ. Почему же не пойти путемъ, ведущимъ къ избѣжанію нѣкоторыхъ войнъ?

XVI. Федеративное соединеніе разныхъ государствъ въ Соединенные Штаты Европы подобно Американскимъ.

Прежде различные города и различныя области вели между собой войны, но это кончилось съ момента объединенія въ государства. Теперь государства ведутъ войны, это кончится, когда государства объединятся, на основѣ самоуправленія для каждаго. Всѣ вопросы, какъ Финляндскій, Польскій, Русскій, Шлезвигъ-Гольштинскій, Эльзасъ-Лотарингскій, Ирландскій, Англійскій, Чешскій, Австрійскій и проч. исчезнутъ, когда образуются федераціи разныхъ странъ. Это вопросъ времени и цивилизаціи.

Новиковъ говоритъ въ своей книгѣ «Расточительность современныхъ обществъ»: Она сдѣлается не тогда, когда мы станемъ кроткими, какъ голуби, и будемъ любить другъ друга, какъ братья, но тогда, когда она будетъ соотвѣтствовать нашимъ интересамъ. Достаточно, если пожелаютъ правящіе классы. Тогда каждый изъ насъ избавится отъ кошмара вѣчнаго грабежа и въ первый разъ отъ сотворенія міра насладится вполнѣ своимъ трудомъ. Это—преувеличенно. Европейская федерація не будетъ имѣть

послѣдствій; если бы она и могла осуществиться, то правящіе классы никогда не согласились бы. Нѣтъ, только анархія можетъ достигнуть этого.

XVII. Военная забастовка въ случаѣ войны и всеобщая забастовка.

На съѣздѣ Интернаціонала въ 1868 г. принято единогласно: Съѣздъ въ особенности предлагаетъ рабочимъ перестать работать въ случаѣ возникновенія войны въ ихъ странахъ. Съѣздъ разсчитываетъ на духъ солидарности, поддерживающій рабочихъ всѣхъ странъ, и надѣется на ихъ поддержку въ этой войнѣ народа противъ войны.

Вотъ уже и забастовка въ случаѣ войны. Когда я предложилъ военную забастовку на Съѣздѣ 1891 г. въ Брюсселѣ, сопротивленіе было велико, предложеніе объявлено утопическимъ и фантастическимъ.

Вотъ прогрессъ соціализма за двадцать лѣтъ! Къ несчастію этотъ прогрессъ ретроградень. Если рабочіе разныхъ странъ откажутся явиться, что сдѣлаютъ правительства въ случаѣ мобилизаціи? Примѣръ нѣсколькихъ увлечетъ многихъ. Можно ли ихъ посадить въ тюрьму, если ихъ будетъ тысячи? Это становится невозможнымъ. Можно разстрѣлять нѣсколькихъ, чтобы дать примѣръ дисциплины; но развѣ нѣтъ средствъ отвѣтить на эту жестокость также; и наконецъ развѣ мятежная армія не явится неизбѣжнымъ слѣдствіемъ? Если систематически начнутъ отказываться повиноваться, самыя могущественныя правительства не будутъ въ состояніи принудить соціалистовъ къ братоубійственнымъ дѣяніямъ.

Я предпочитаю гражданскую войну войнѣ національностей; въ первомъ случаѣ сражаются за идею, во второмъ ради удовольствій и выгодъ другихъ. Тамъ сражаешься съ настоящими врагами. Кто же врагъ французскаго рабочаго? Вѣдь не нѣмецкій рабочій, не англійскій. Нѣтъ, это французскій капиталистъ, хотя онъ и говоритъ на одномъ и томъ же языкѣ, имѣетъ одну и ту же родину. Рабочіе всѣхъ странъ друзья, у нихъ общіе интересы. Угнетатели рабочихъ всюду могущественны и побѣда надъ ними — освобожденіе рабочихъ, стонущихъ подъ игомъ притѣсненій.

Родина; но это пустой звукъ!—развѣ страна, гдѣ васъ му-

чаютъ и морятъ голодомъ заслуживаетъ названія родины? Нѣтъ, у васъ украли родину, и вотъ почему у васъ не можетъ быть любви къ родинѣ.

Пусть правительства знаютъ заранѣе, что анархисты не будутъ столь наивны и глупы, чтобы душить другъ друга на потѣху своимъ противникамъ. Самымъ прекраснымъ моментомъ было братаніе солдатъ съ рабочими 18 марта 1871 г. Итакъ, пусть ведутъ пропаганду братства въ арміи передъ лицомъ начальниковъ, которые поблѣднѣютъ отъ ужаса при такомъ грандіозномъ зрѣлищѣ.

Но вотъ что необходимо, это динамитъ.

Развитіе милитаризма, улучшеніе оружія сдѣлали въ послѣднее время невозможной борьбу на улицахъ, на баррикадахъ.

Для освобожденія пролетаріата динамитъ или другое взрывчатое вещество можетъ имѣть такое же значеніе, какое имѣлъ пушечный порохъ во время освобожденія городского населенія въ средніе вѣка.

Кто доставляетъ намъ необходимыя взрывчатыя вещества, чтобы покорить армію и полицію, такъ что онѣ не увѣрены ни въ одной минутѣ?

Кто доставляетъ намъ динамитные патроны въ такомъ видѣ, что ихъ можно безопасно носить при себѣ въ карманѣ? Фридрихъ Энгельсъ сказалъ однажды: „Дайте каждому гражданину ружье и пятьдесятъ патроновъ, и вы будете имѣть лучшую гарантію для свободы народа“.

А мы скажемъ: „Дайте каждому гражданину пятьдесятъ динамитныхъ патроновъ, и вы будете имѣть лучшую гарантію для свободы противъ произвола полиціи и правительства“.

Въ рукахъ рабочихъ есть средство помѣшать каждой войнѣ. Представьте себѣ, напримѣръ, что рабочіе по перевозкѣ на землѣ и водѣ, рабочіе въ портахъ и на желѣзныхъ дорогахъ начали забастовку. Что сдѣлаетъ правительство, чтобы перевезти солдатъ? Арміи не могли бы подойти другъ къ другу, а цѣль и заключается въ томъ, чтобы помѣшать ихъ приближенію. Недавно мы читали, что забастовка англійскихъ и мулатскихъ кочегаровъ въ Новомъ Орлеанѣ имѣла цѣлью воспрепятствовать отправкѣ 1.400 мулатовъ въ южную Африку.

Браво! Вотъ какъ нужно дѣйствовать!

Война невозможна съ того момента, какъ прекращается транспортъ солдатъ, лошадей, муловъ, пушекъ, амуниціи и фуража. Будемъ же продолжать нашу пропаганду, чтобы идея отказаться отъ службы въ случаѣ войны развивалась наряду съ мыслью о всеобщей забастовкѣ.

Идея сдѣлаетъ свое дѣло. Употребимъ всѣ усилія, чтобы анархисты, единственные настоящіе революціонеры и интернаціоналисты, поняли наконецъ, что пролетаріи всего міра должны жертвовать своей кровью только въ борьбѣ съ настоящимъ врагомъ—капитализмомъ.

XVIII. Пассивное сопротивленіе и личный отказъ.

То, что забастовка дѣлаетъ коллективно, дѣлаетъ лично пассивное сопротивленіе. Отказъ отъ военной службы, вотъ дѣйствительный способъ борьбы съ правительствомъ. Но такой отказъ требуетъ чрезвычайной нравственной силы: чтобы устоять передъ мученіями и придирками, какимъ придется подвергаться, нужно обладать почти сверхчеловѣческимъ характеромъ. Вамъ извѣстны мужество и характеръ русскихъ духоборовъ, которые, несмотря на всѣ страданія, остались непоколебимы въ своемъ отказѣ. Шапки долой передъ этими героями не только въ Россіи, но повсюду. У насъ, въ Нидерландахъ, въ прошломъ году было два молодыхъ человѣка, которые отказались отъ военной службы. Одинъ изъ нихъ былъ анархистъ-христіанинъ: его продержали въ тюрьмѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и онъ сдался. Другой, наоборотъ, анархистъ-индивидуалистъ; онъ перенесъ свое первое наказаніе, отсидѣлъ цѣлый годъ. Когда онъ вышелъ изъ тюрьмы въ маѣ, его снова спросили, согласенъ ли онъ отбывать воинскую повинность. Онъ еще разъ отказался и, какъ рецедивистъ, былъ приговоренъ на годъ и четыре мѣсяца. Онъ остался вѣренъ себѣ. Такому характеру удивляются,—недавно онъ писалъ изъ тюрьмы: «Мои убѣжденія мнѣ дороже жизни. У меня можно отнять жизнь, но убѣжденій — никогда!» Когда человѣкъ говоритъ: «Я не хочу убивать», правительство отвѣчаетъ послѣ двадцати вѣковъ христіанства и цивилизаціи:

«Въ тюрьму его, это—злодѣй! Для него нѣтъ мѣста въ нашемъ обществѣ; онъ опасенъ для общественнаго порядка».

Я предлагаю вамъ послать ему почетное привѣтствіе и заявить, что его поступокъ въ нашихъ глазахъ гораздо болѣе

геройскій, чѣмъ пренебреженіе къ опасностямъ войны. Общество, позволяющее, чтобы его достойнѣйшіе сыны томились въ тюрьмахъ, не достойно существовать.

И мы утверждаемъ, что индивидуальный поступокъ этого молодого человѣка долженъ непремѣнно имѣть большое вліяніе. А когда эти примѣры множатся, эти мужественные люди являются піонерами новой эры, эры настоящей цивилизаціи, не имѣющей ничего общаго съ лицемѣріемъ, которымъ отличается наше время.

XIX. Способствовать общему развитію и условіямъ всеобщаго благосостоянія.

Если люди что-нибудь и теряютъ вслѣдствіе войны, ихъ интересъ въ сохраненіи мира.

Придетъ время, когда на войну будутъ смотрѣть, какъ на пережитки варварства, когда люди видѣли въ силѣ единственный способъ получить, такъ сказать, право и покончить ссору. Мнѣніе многихъ лицъ, что „ultima ratio" народовъ, какъ раньше царей, станетъ въ будущемъ пушка, не наше мнѣніе, и исторія цивилизаціи не говоритъ въ пользу вѣрности этого предположенія. Было время, когда смотрѣли на дуэль, какъ на единственное средство возстановить честь; теперь все больше кажется странной мысль, что честь можетъ имѣть что-нибудь общее съ пролитіемъ крови.

Такъ же и съ войной. Вопросъ не въ томъ, прекратятся-ли всѣ ссоры и общество въ будущемъ превратится въ общество ангеловъ; а въ томъ, почему человѣкъ, разумное существо, долженъ драться, чтобы прекратить свои ссоры?

Мыслящее созданіе не дѣйствуетъ мѣрами насилія, но доказательствами. Вотъ почему король Фридрихъ II былъ правъ, говоря, что если его солдаты начнутъ думать, то ни одинъ изъ нихъ не останется въ строю.

Что же такое армія? Собраніе лицъ, которыя не думаютъ, послушныя орудія, съ которыми начальники могутъ дѣлать все, что угодно. Армія, слѣдовательно, совершенно противоестественна человѣчеству, она противоположна человѣку, какъ существу мыслящему, какъ характеру, какъ личности.

Принципъ военнаго типа—насильственное соединеніе, но что такое насильственное соединеніе, какъ не другое названіе, данное рабству и деспотизму? Вотъ почему милитаризмъ прямая

атака противъ цивилизаціи. Знаменитый философъ Кантъ въ своемъ проектѣ вѣчнаго мира говоритъ, что всѣ „кратіи“, пусть это будетъ автократія, аристократія или демократія (господство одного, лучшихъ или народа), пагубны и деспотичны. Долой же «кратіи»,—но что такое анархизмъ или акратія?

Соединяясь подъ краснымъ знаменемъ, мы забываемъ національныя знамена, и когда послѣдняя пушка будетъ разбита анархизмомъ, который является человѣчнымъ и цивилизаторомъ, какъ показываетъ намъ въ одной изъ своихъ картинъ художникъ Вирцъ изъ Брюсселя, бѣлое знамя мира водрузится повсюду, наступитъ торжество пролетаріата — соціальный и интернаціональный миръ, всеобщая республика безъ различія національностей, пола, расы и цвѣта.

Отказъ отъ труда, отказъ отъ военной службы—вотъ самыя дѣйствительныя средства,—нужно бросить революцію подъ ноги выступающихъ армій.

Когда правительство объявляетъ войну, это — революція, и мы имѣемъ право отвѣтить революціей же.

Когда производится нападеніе, нужно защищаться. Война посягаетъ на нашу жизнь, на наше благосостояніе, на нашу свободу и человѣчность, и мы защищаемся во имя цивилизаціи; человѣчность противъ пушекъ и ружей нашихъ угнетателей.

Смѣлости, смѣлости и еще разъ смѣлости—вотъ что нужно и побѣда за нами, анархія — это порядокъ, это — миръ, это— уничтоженіе нищеты, это—свобода.

Д-ръ Фридбергъ.

Парламентаризмъ и Всеобщая забастовка.

Перев. съ франц. Э. Ивинской.

У нѣмецкаго пролетаріата больше причинъ, чѣмъ у какого-нибудь другого, быть освѣдомленнымъ о состояніи соціалистическаго международнаго движенія, потому что ему, какъ самому развитому, приходится безъ посторонней помощи избѣгать тактическихъ ошибокъ.

Измѣрять прогрессъ соціализма, это значитъ опредѣлять, насколько онъ приблизился къ своей окончательной цѣли.

Цѣль каждаго рабочаго движенія, какъ уже извѣстно, уничтоженіе классоваго антагонизма и свободное развитіе человѣческой личности. Все остальное, пусть его называютъ какъ угодно, только средство. Можно было бы сказать, что соціализмъ прогрессируетъ, если бы можно было доказать, что въ настоящее время онъ мало-по-малу ограничиваетъ могущество буржуазіи и осуществляетъ матеріальное и интеллектуальное освобожденіе рабочаго класса—или же, по крайней мѣрѣ, накопилъ столько энергіи, что это освобожденіе вскорѣ можетъ осуществиться.

Но, если мы и должны сознаться, что дѣло обстоитъ не такъ, то должны, съ другой стороны, согласиться, что мы сами не были на высотѣ своего призванія, и оттого наша тактика не привела насъ туда, куда мы хотимъ идти.

Господство классовъ несомнѣнно, когда одинъ классъ держитъ въ экономической зависимости другой, когда горсть капиталистовъ владѣетъ всѣми средствами производства, а множество неимущихъ, т. е. пролетаріатъ, обреченъ продавать имъ свой трудъ, свою силу, чтобы жить, и все это—на условіяхъ, которыя этой горсти капиталистовъ угодно предложить. Пролетаріи сами по себѣ не могутъ производить, они только могутъ продавать свою рабочую силу. Изъ этого экономическаго рабства вытекаютъ и политическое, и соціальное со всѣми послѣдствіями. По этимъ основнымъ чертамъ отдѣленія производителей отъ орудій производства узнаютъ о существованіи господства классовъ.

Каждый изъ васъ знаетъ, что еще до настоящаго времени существуетъ это господство классовъ, и что еще до настоящаго

времени пролетаріи отдѣлены отъ орудій производства. Но можно было бы замѣтить, что если господство классовъ и сохранилось въ этомъ смыслѣ, то оно по крайней мѣрѣ приняло другія, болѣе смягченныя формы, а матеріальное и нравственное положеніе нѣмецкихъ рабочихъ стало относительно лучше и удовлетворительнѣе. Разсмотримъ по порядку то, что называютъ неоспоримыми правами человѣка, и то, дѣйствительно ли нѣмецкій пролетаріатъ достигъ въ своей долгой борьбѣ такого положенія.

Положеніе рабочаго.

Первое изъ этихъ правъ, это безопасность физической личности. Находится ли пролетаріатъ съ точки зрѣнія жизни и здоровья въ такомъ положеніи, которое вознаграждало бы его за экономическую зависимость. Мы всѣ должны умереть, конечно, и пролетаріатъ не безсмертенъ; имѣются для опредѣленныхъ эпохъ среднія долговѣчности, и мы должны спросить себѣ, достигъ ли пролетаріатъ ихъ, покрайней мѣрѣ, приблизился къ этой средней, принимая во вниманіе, что здоровье рабочаго съ каждымъ днемъ все лучше охраняется. Затѣмъ, обезпеченность завтрашняго дня, что является для каждаго существа первымъ признакомъ и условіемъ sine qua non благосостоянія и довольства. Никто не станетъ утверждать, что жить, какъ птица на вѣткѣ, въ постоянной заботѣ о завтрашнемъ днѣ, значитъ жить въ хорошихъ и счастливыхъ условіяхъ.

Рядомъ съ этой безопасностью матеріальнаго существованія, этими условіями чисто физической жизни, мы должны еще разсмотрѣть, обезпечено ли интелектуальное и нравственное развитіе пролетаріата. Это одна изъ важнѣйшихъ нуждъ культурнаго человѣка, и безъ нея нѣтъ для него счастливой жизни, если не удовлетворена потребность безпрестанно работать для своего нравственнаго и умственнаго усовершенствованія. Разсмотримъ также, обезпечены ли политическія права, можетъ ли каждый защищать свои права въ своей сферѣ дѣлъ, въ своей средѣ, или же онъ подвергается злоупотребленіямъ власти, произволу, отъ которыхъ члены другихъ классовъ освобождены.

Намъ остается, наконецъ, разсмотрѣть и еще пунктъ не

менѣе важный,—имѣетъ ли пролетаріатъ возможность дать своимъ дѣтямъ образованіе, соотвѣтствующее успѣхамъ общей культуры. Это—также вѣчная потребность культурнаго человѣка; такъ какъ при современныхъ условіяхъ ему самому недоступны общія благодѣянія цивилизаціи, онъ надѣется, и эта надежда для него—центръ нравственной жизни, что его дѣтямъ въ этомъ отношеніи достанется болѣе счастливый удѣлъ. Вопросъ въ томъ, чтобы узнать, закрѣплены-ли за нѣмецкимъ пролетаріатамъ, не смотря на постоянное господство капиталистовъ и экономическую зависимость, въ которой пролетаріатъ и находится,—это существенная характеристика современнаго режима,—всѣ только что перечисленныя права.

Что касается безопасности жизни, что я подчеркнулъ, какъ одно изъ вѣчныхъ требованій человѣческой жизни, то вы знаете хорошо, что она не существуетъ для пролетаріата, даже до момента рожденія, еще въ утробѣ матери. Вы знаете, что женщину все больше и больше капитализмъ втягиваетъ въ кругъ промышленности и даже беременную часто заставляетъ продолжать работу. Вы знаете, что есть такія опасныя для здоровья занятія, которыя угрожаютъ жизни ребенка даже въ утробѣ матери. Я говорю о томъ производствѣ, гдѣ употребляется ртуть, свинецъ, фосфоръ; я думаю о ремеслѣ портныхъ и многихъ другихъ: они полны опасностей для ребенка въ утробѣ матери. Мы знаемъ изъ трудовъ по гигіенѣ, изъ статистическихъ медицинскихъ и гигіеническихъ сообщеній, что число выкидышей въ этихъ ремеслахъ значительно, что при луженіи, напримѣръ, для котораго раньше употребляли ртуть, ни одна работница не родила во-время. Мы знаемъ, что золотуха и рахитизмъ — удѣлъ рабочихъ съ дѣтства. Условія существованія дѣтей рабочихъ такъ плачевны, что дѣтская смертность вдвое больше среди рабочаго класса, чѣмъ въ другихъ классахъ, и что вообще, не говоря о грудныхъ, въ четыре или въ пять разъ больше умираетъ дѣтей среди пролетаріата, чѣмъ у другихъ классовъ. Вы также знаете, что одинъ пролетарій изъ двухъ умираетъ отъ чахотки, туберкулеза и не послѣ долгой и веселой жизни, а во цвѣтѣ лѣтъ, послѣ короткой жизни и тяжелаго труда. Статистика комиссіи Государственнаго страхованія показала, что между 20 и 30 годами чахотка поглощаетъ больше всего жертвъ,

и если не убиваетъ, то дѣлаетъ инвалидомъ; гораздо раньше, чѣмъ болѣзнь достигнетъ своего конечнаго развитія, рабочій усталый, немощный только влачитъ свое существованіе. Вы знаете, что для пролетарія средняя продолжительность жизни, въ сравненіи съ другими классами, сводится къ 20 годамъ. И эта цифра не выдумана политическими демагогами, а установлена людьми науки, самими статистиками Германской имперіи, а отъ нихъ нельзя ожидать достаточной точности. Я думаю о плачевныхъ условіяхъ квартиръ, устроенныхъ для рабочихъ. Въ Берлинѣ и другихъ городахъ по опросу, который сдѣлали кассы помощи больнымъ и въ особенности мѣстныя кассы коммерсантовъ, можно было установить, въ какихъ мансардахъ безъ воздуха и свѣта должны размѣщаться рабочіе, приговоренные, такимъ образомъ, снова подвергаться припадкамъ болѣзни. Вы знаете, что для больного работника нѣтъ другихъ средствъ, какъ частная или общественная помощь. Вы знаете, что работникъ рѣдко достигаетъ возраста, когда онъ могъ бы наслаждаться, такъ сказать, благами соціальнаго законодательства, о которомъ теперь столько говорятъ. Статистика, касающаяся уже хорошо поставленныхъ рабочихъ въ производствѣ предметовъ первой необходимости, положительно утверждаетъ, что на 40.000 рабочихъ этой профессіи, только 28 достигли возраста, опредѣленнаго для пенсіи.

Итакъ, что касается безопасности тѣлеснаго существованія, то условія неумолимо скверны.

А матеріальное положеніе, насколько обезпечено оно?

Я думаю, что каждый изъ васъ можетъ подтвердить, что случается очень рѣдко, чтобы рабочій былъ занятъ круглый годъ. Работникъ зависитъ отъ всесильнаго государства, отъ произвола и каприза частныхъ капиталистовъ; они его оставляютъ или расчитываютъ по своему усмотрѣнію. Иногда достаточно только слова, чтобы рабочій, лишенный въ этомъ отношеніи всѣхъ правъ, былъ выброшенъ на мостовую, какъ бы ни было продолжительно или коротко время, которое онъ проработалъ у одного и того же предпринимателя. Мы даже можемъ сказать, что чѣмъ больше времени рабочій проработалъ въ одной мастерской, тѣмъ менѣе обезпечено его существованіе, такъ какъ чѣмъ больше онъ старится, тѣмъ больше истощены его силы. Работника легко за-

мѣнить: куда легче, чѣмъ машину; запасъ промышленной арміи безпрестанно представляетъ въ распоряженіе капиталистовъ болѣе продуктивныя рабочія силы.

Мы знаемъ, что постоянная характерная черта нашего соціальнаго положенія и современнаго способа производства, это— преимущественно необезпеченность экономической жизни. Это— фактъ. Даже въ лучшее время, когда промышленность идетъ хорошо, всегда есть избытокъ рабочихъ силъ, такъ что всѣ рабочіе, которые могли бы и хотѣли работать, не могутъ быть заняты во всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ національныхъ производствахъ, и постоянно существуетъ запасная рабочая армія, могущая достигать во время кризисовъ, потрясающихъ рабочій рынокъ, до 100.000. Мы знаемъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ Берлинѣ число безработныхъ достигало 100.000, а во всей Германіи почти полмилліона людей не могли достать работы. До сегодняшняго дня еще нѣтъ никакихъ законовъ труда: рабочій, гражданинъ государства, подлежитъ всѣмъ обязанностямъ: онъ долженъ отдавать свои силы труду, свою кровь и свои деньги родинѣ въ опасности; но нѣтъ закона, который обезпечивалъ бы старость работника; и когда онъ испортитъ всѣ свои силы въ работѣ и на службѣ государству и обществу, никому нѣтъ до него дѣла!

А моральное образованіе, интелектуальное развитіе, которыя такъ близки сердцу каждаго культурнаго человѣка, насколько обезпечены они? Вы знаете достаточно хорошо, что такое наши общественныя школы. Вы знаете, что государство и правящіе классы даютъ народу дозы просвѣщенія, соотвѣтствующія ихъ интересамъ и стремятся только къ одному: имѣть послушныхъ работниковъ. Дебаты въ Палатѣ депутатовъ въ Пруссіи обнаружили въ свое время, какъ юнкера, поземельные собственники государства, понимаютъ народное образованіе. Умѣть писать, читать и считать имъ кажется достаточнымъ, а чему въ особенности нужно учить, такъ это религіи, чтобы дѣти росли въ уваженіи къ своимъ учителямъ и правящимъ классамъ. Даже буржуазія хочетъ посредствомъ народнаго образованія только создать опытныхъ и умныхъ рабочихъ; она противъ высшаго народнаго образованія изъ боязни, чтобы народъ, ставъ болѣе образованнымъ подымался до болѣе высокихъ потребностей и до со-

знанія своего классоваго положенія, не опрокинулъ современнаго общества. Идетъ вѣчная борьба за обязательное обученіе даже съ либеральнымъ правительствомъ. Эти господа постоянно отказываются установить безплатное и обязательное обученіе.

Вы знаете, какимъ образомъ посредствомъ продолжительныхъ рабочихъ дней—этого способа удерживать массы пролетаріата въ рабствѣ и оскотинивать ихъ — подавляются культурныя потребности народа, какъ раздѣленіе труда, увеличивающееся ежедневно съ развитіемъ машинъ, превращаетъ человѣка въ автомата, не знающаго ничего объ общемъ производствѣ и часто проводящаго всю свою жизнь за выполненіемъ одной и той же частичной задачи. Итакъ, работникъ приговоренъ сложнымъ дѣйствіемъ этого раздѣленія къ отупѣнію и долгимъ днямъ труда.

А индивидуальныя права, права личности, развѣ они гарантированы? Достаточно одного слова, чтобы охарактеризовать положеніе: справедливость классовъ. Вы знаете всѣ, что мы живемъ въ самый разгаръ борьбы классовъ, что правящіе классы употребляютъ всѣ средства, чтобы удержать свое господство, и не боятся представлять это господство какъ божественный законъ, какъ проявленіе высшей справедливости. Вы знаете, что законъ примѣняется различнымъ образомъ, если дѣло касается съ одной стороны — члена правящихъ классовъ, съ другой — пролетарія. Вы знаете, что въ нашей военной организаціи преступленіе, совершенное простымъ солдатомъ, имѣетъ иныя послѣдствія, чѣмъ преступленіе, совершенное старшимъ. Вы знаете, какъ оберегается личная свобода рабочаго; мнѣ достаточно напомнить вамъ эти имена: Гессенъ, Лобтау, Гейдельбергъ, не говоря уже о Брюзевитцѣ, Гуссенерѣ и другихъ случаяхъ. Мнѣ только нужно напомнить о положеніи сельскихъ рабочихъ, которымъ до настоящаго времени не удалось получить простого права союзовъ, основного права, которымъ рабочій классъ долженъ пользоваться въ государствѣ, права собираться, чтобы улучшить свое матеріальное положеніе и условія работы.

А обученіе дѣтей,—насколько обезпечено оно?

Я уже говорилъ о народныхъ школахъ. А дѣтскій трудъ? Нужно подумать о немъ, чтобы быть недовольнымъ по этому поводу. Вы знаете, что нынѣ отцы-рабочіе не въ состояніи прокормить

своей семьи, несмотря на длину рабочаго дня; если семья рабочаго хочетъ удержаться только на уровнѣ человѣческой жизни, то нужно, жена чтобы и дѣти работали тоже. Дѣти должны помогать содержать семью съ самаго нѣжнаго возраста, прежде чѣмъ ихъ тѣло и умъ достигнутъ зрѣлости. Могутъ ли они надѣяться подняться надъ уровнемъ своего класса? Можетъ ли ребенокъ рабочаго разсчитывать выйти изъ среды пролетаріата? Вы всѣ знаете, что это почти невозможно; одинъ случай приходится на сто тысячъ. Это особенно характерно для нашего соціальнаго положенія; онъ долженъ оставаться рабочимъ, онъ долженъ вѣчно работать для капитализма, онъ на всю жизнь обреченъ нищетѣ и печальной участи пролетарія.

Парламентское завоеваніе.

Если мы разсмотримъ эти факты, мы должны будемъ согласиться, что жизнь пролетаріата незначительно улучшилась съ тѣхъ поръ, какъ мы ведемъ классовую борьбу, и мы предложимъ себѣ вопросъ: отчего зависитъ то, что нѣмецкій пролетаріатъ не могъ до сихъ поръ завоевать себѣ лучшей доли?

Можетъ быть скажутъ, что все сдѣланное соціалистическимъ движеніемъ за сорокъ лѣтъ борьбы въ цѣляхъ всколыхнуть сильно приниженныя пролетарскія массы, жизнь которыхъ едва походила на человѣческую, это — первые проблески классоваго самосознанія. Но не въ этомъ дѣло: нѣмецкій народъ сталъ уже давно однимъ изъ наиболѣе цивилизованныхъ народовъ; нѣмецкій народъ имѣетъ свое революціонное прошлое, онъ пережилъ не одну сильную и трудную классовую борьбу, и даже буржуазная революція совершилась съ существенною помощью рабочихъ классовъ. Слѣдовательно, эта причина не подходитъ; но вы можете упрекнуть меня, что я изобразилъ положеніе слишкомъ черными красками. Я соглашусь, что теперь положеніе нѣмецкихъ рабочихъ улучшилось. Конечно, мы хоть на нѣсколько шаговъ подвинулись впередъ, у насъ есть законодательство, покровительствующее труду, и хотя оно весьма плачевно, всетаки содержитъ въ себѣ зародышъ лучшаго будущаго. Слѣдовательно, поднятіе уровня пролетарской жизни на

лицо. Но развѣ эти результаты явились дѣйствительно и исключительно слѣдствіемъ классовой борьбы, а не совокупности также и другихъ обстоятельствъ?

Я думаю о счастливыхъ обстоятельствахъ въ этотъ періодъ благоденствія, который Германія пережила втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ заставилъ пролиться на нѣмецкій народъ цѣлый золотой дождь, изъ котораго классъ капиталистовъ урвалъ себѣ львиную долю, оставляя пролетаріату только крохи. Конечно, центральное положеніе Германіи, техника и нѣмецкая наука и причина вовсе не второстепенная—скромные вкусы нѣмецкихъ рабочихъ позволили намъ развить громадное производство на иностранныя рынки, что дало Германіи большіе капиталы, изъ которыхъ нѣмецкій пролетаріатъ получилъ только тощую долю. Но подумайте объ этомъ сами. Еслибы положеніе капиталистовъ было менѣе счастливымъ, еслибы борьба была болѣе ожесточенной, развѣ получилъ бы нѣмецкій пролетаріатъ и тѣ крохи, которые онъ получилъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только пожатіемъ плечъ.

Если мы согласимся, что классъ капиталистовъ удержалъ свое господство безъ всякаго измѣненія, что положеніе пролетаріата въ общемъ, несмотря на счастливыя обстоятельства и огромныя усилія, которыя онъ потратилъ, улучшилось весьма незначительно, то мы должны спросить себя, не ошибочна ли система борьбы, примѣненная нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ, и не было ли ошибокъ въ тактикѣ; тактика при примѣненіи можетъ быть усилила бы и улучшила положеніе пролетаріата, но въ другомъ отношеніи она могла бы также укрѣпить положеніе имущихъ классовъ и господство буржуазіи, доставляя ей средства для еще большаго могущества, чѣмъ то, которое пролетаріатъ уничтожилъ. И я утверждаю, что въ дѣйствительности такъ и было. Тактика, которой до настоящаго времени придерживался пролетаріатъ, можетъ быть и была пригодна, но теперь она по крайней мѣрѣ недостаточна. Тактика нѣмецкаго пролетаріата заключается въ одной фразѣ: „Завоеваніе политической власти“.

Вотъ пароль, потрясающій массы.

Для этого завоеванія единственное средство—всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосовъ. Что нѣмецкій пролета-

ріатъ направился по этому пути, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: у него передъ глазами примѣръ буржуазіи. Третье сословіе освободилось, оно завоевало свою долю политическаго могущества посредствомъ политической революціи. Оно завоевало ту долю могущества, которая съ древнихъ временъ по различнымъ причинамъ и сложному дѣйствію традиціи, экономическаго и религіознаго могущества, принадлежала феодаламъ, юнкерамъ, господамъ земельнаго капитала, обладателямъ земли. Оно завоевало свою долю политическаго могущества благодаря экономическому могуществу: буржуазія была собственницей подвижного капитала и большой части орудій производства. Само собой разумѣется, что классъ, обладая экономическимъ могуществомъ, но не имѣя возможности дать этому могуществу полной свободы вслѣдствіе нѣкоторыхъ препятствій, постарался завоевать политическую власть и соединилъ свое господство — такъ какъ въ этомъ былъ весь вопросъ — съ господствомъ древнихъ обладателей власти, чтобы лучше раздавить угнетенныя массы пролетаріата. Итакъ, мы видимъ, что часть взятаго буржуазіей у администраціи политическаго могущества подъ видомъ парламентаризма, послужила къ увеличенію экономическаго могущества, къ усиленію господства класса буржуазій и, вмѣстѣ съ юнкерами, къ эксплуатаціи рабочаго класса. Такимъ образомъ, когда на сцену появилось рабочее движеніе, понятіе государства получило двойной смыслъ.

Съ одной стороны государство являлось, какъ нелицемѣрное могущество, парящее надъ классами. Вы знаете, что въ началѣ движенія такія абстрактныя понятія, какъ государство, были очень неясны, они были заложены въ народное сознаніе съ благопріятнымъ значеніемъ для правящихъ классовъ — школой, церковью и воспитаніемъ. Это еще было вліяніемъ древней религіозной совѣсти, выводомъ божественной справедливости, отъ которой государство и происходило; оно было зачато, какъ нѣчто превосходное, представляло общіе интересы общества и должно было служить примирителемъ классоваго антогонизма. И въ извѣстномъ смыслѣ, очень ограниченномъ, государство, дѣйствительно, является таковымъ. У государства свои интересы, которые не вполнѣ согласуются съ интересами имущихъ классовъ: напримѣръ, оно представляетъ всю національ-

ность по отношенію къ другимъ національностямъ, такъ какъ борьба изъ-за барыша возникаетъ также между національностями; и наряду съ обычными интересами частнаго капиталиста, государство должно защищать интересы національной безопасности и культуры.

Но каждый знаетъ, есть ли въ этомъ смыслъ дѣйствительной жизни; вѣдь это все въ интересахъ капитализма, и въ дѣйствительности государство въ рукахъ имущихъ классовъ — только орудіе, предназначенное для поддержанія господства надъ пролетаріатомъ. Поэтому всѣ иллюзіи, которыя еще могъ питать Лассаль на счетъ государства, желая основать производства при его помощи, давно уже брошены пролетаріатомъ въ складъ стараго хлама.

Но остается еще другой смыслъ въ государствѣ. Хотя его и признали учрежденіемъ враждебнымъ пролетаріату, однако думали сумѣть имъ овладѣть. Такимъ образомъ, совершенно забыли, что государство само по себѣ не больше, какъ отвлеченность, что оно имѣетъ смыслъ только постольку, поскольку оно существуетъ для угнетенія, и что вмѣстѣ съ соціалистической организаціей, гдѣ нѣтъ угнетенныхъ, оно перестанетъ существовать. Государство это—квинтъ-эссенція буржуазнаго господства.

Слѣдовательно, намъ нечего завоевывать власть, но нужно организовать экономическую и нравственную жизнь пролетаріата такимъ образомъ, чтобы прекратилась всякая зависимость и эксплуатація. Мы видимъ, что въ демократическихъ государствахъ, даже самыхъ либеральныхъ, гдѣ кажется, будто государство вполнѣ къ услугамъ народа, какъ напримѣръ въ Швейцаріи, гдѣ существуетъ иниціатива и референдумъ,—власть не приноситъ никакой пользы пролетаріату, тяжелое господство классовъ давитъ его, такъ какъ ни его экономическая организація, ни его моральная свобода не развиты въ достаточной степени. И государство, это орудіе господства для имущихъ классовъ, существованіе которыхъ связано поддержаніемъ эксплуатаціи, не терпитъ никакого учрежденія, могущаго компрометировать его могущество; напротивъ, оно допускаетъ такія учрежденія, которыя его могутъ усилить. Но защитники парламента воображаютъ, что государство само дастъ имъ средства и возможность

уничтожить себя, если не въ одинъ пріемъ, то постепенно, и государство не станетъ сопротивляться своему собственному уничтоженію!

Ясно, что, стараясь завоевать политическое могущество, мы дѣлаемъ, самое меньшее, большой крюкъ. Народъ не получилъ всеобщей подачи голосовъ, хотя онъ былъ достаточно силенъ, чтобы завоевать ее, но Бисмаркъ создалъ налогъ на съѣстные припасы, и это былъ мастерской ходъ въ партіи политическихъ шахматъ—и двойной ходъ. Во первыхъ, какъ хорошій юнкеръ онъ хотѣлъ бросить пролетаріатъ къ ногамъ промышленной и либеральной буржуазіи, вѣрно разсчитывая задержать одну и парализовать другого; и Бисмаркъ зналъ хорошо, какъ тонкій знатокъ человѣческой души, что, если онъ сумѣетъ привязать пролетаріатъ къ легальной борьбѣ, онъ направитъ въ другую сторону революціонную энергію народа, котораго онъ, несмотря ни на что, все-таки боялся. Послѣдствія оправдали вполнѣ его предположенія. Если пролетаріатъ и добился кой-какихъ экономическихъ преимуществъ, то этимъ онъ обязанъ всецѣло уму и энергіи революціонеровъ, воодушевлявшихъ въ началѣ соціальное движеніе и внушавшихъ такія большія опасенія правящимъ классамъ.

Главари, передовые борцы сумѣли передать массамъ воодушевляющій ихъ энтузіазмъ, духъ самопожертвованія и готовность на всѣ испытанія; вотъ чему обязанъ пролетаріатъ нѣкоторыми преимуществами, которыми онъ пользуется, а не численности голосовъ, нынѣ данныхъ соціализму, и не представляющихъ никакихъ серьезныхъ гарантій. Прежде, если подавали свой голосъ за соціализмъ, если на него соглашались, это было дѣйствіемъ обдуманной вѣры въ новый порядокъ; теперь же къ намъ часто приходятъ своекорыстныя массы, у насъ есть голоса, потому что мы имѣемъ власть во многихъ мѣстахъ. Мы завоевываемъ отъ 22 до 23 креселъ въ Саксоніи, потому что налоги увеличились на 25%. Именно такое увеличеніе привело къ намъ много недовольныхъ, а не то, что задачи соціализма глубоко проникли въ сердца работниковъ. Три милліона голосовъ, которыми мы обладаемъ теперь, не много значатъ въ моихъ глазахъ. Лучшее доказательство ихъ малой цѣнности доставила намъ германская Саксонія. Въ той Саксоніи, которую торже-

ствующій „Forwerts“ называетъ „краснымъ государствомъ“, въ той самой Саксоніи, гдѣ недавно развились событія Лобтау, гдѣ еще томятся въ тюрьмахъ жертвы Лобтау, въ той Саксоніи, гдѣ уже на предшествующихъ выборахъ половина голосовъ была за соціалистами и гдѣ, если прибавить еще голоса несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, не имѣющихъ 25 лѣтъ и права выборовъ, 60% рабочихъ было воодушевлено задачами соціализма, въ той Саксоніи, наконецъ, гдѣ на послѣднихъ выборахъ 60% голосовъ, а съ прибавленіемъ еще и голосовъ не выборщиковъ, три четверти рабочихъ были соціалистами, соціаль-демократія позволила отнять у себя, безъ малѣйшей попытки сопротивленія, всеобщую подачу голосовъ, посредствомъ которой, слѣдуя намѣченной до сихъ поръ тактикѣ, мы должны были перевернуть все общество! Ни одна рука не поднялась на ея защиту!

И еще будутъ убѣждать, что есть разница между правомъ, которое я еще не завоевалъ и за которое долженъ вести борьбу, и правомъ, которымъ я уже обладаю, но позволяю отнять у себя, не имѣя возможности его защищать! Гдѣ же это могущество, эта пролетарская энергія, которой мы себя опьяняемъ, если мы не можемъ даже сохранить права, находящагося уже въ нашей власти? И я навѣрное скажу вамъ, что, если бы угроза отнять всеобщую подачу голосовъ была исполнена, нѣмецкій пролетаріатъ совершено не могъ бы сопротивляться этому. Впрочемъ я сознаюсь. Мы не стали бы оплакивать всеобщей равной и тайной подачи голосовъ, напротивъ, мы, скорѣй, будемъ восхищаться глупостью нашихъ противниковъ, достаточно дурныхъ тактиковъ, чтобы самимъ открыть глаза рабочихъ на путь, по которому тѣ должны слѣдовать.

Многіе изъ васъ, несомнѣнно, не согласятся со мной. Парламентарская тактика, преувеличенная оцѣнка парламентаризма, это вещи слишкомъ укрѣпившіяся въ нѣмецкой пролетарской массѣ. Такая тактика, дѣйствительно, очень удобна! Все должно дѣлаться законнымъ образомъ; законность измѣнитъ всѣ соціальныя отношенія, нужно только каждые четыре года опускать въ какую-нибудь урну бюллетень соціалистовъ. Такъ утверждаютъ нѣкоторые защитники парламентаризма; мало по малу, безъ большихъ усилій, мы войдемъ въ райскую область будущаго государства! Но я хочу дать вамъ нѣсколько доказательствъ серьезнаго вреда,

который намъ причинила эта парламентарская тактика. Прежде очень опытные борцы были такого же мнѣнія; они могли измѣнить свой взглядъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ вліяній, когда имъ показалось, что нѣмецкій пролетаріатъ можетъ добыть этой тактикой серьезныя преимущества. Старый Либкнехтъ воскликнулъ однажды:

Поймемъ хорошо, словами мы не можемъ производить никакого прямого давленія на законодательство. Мы не можемъ взволновать рейхстагъ нашими рѣчами. Если бы мы могли своими рѣчами распространять правду въ народѣ, мы бы еще лучше сдѣлали это другимъ способомъ. Какое практическое дѣйствіе имѣютъ наши рѣчи въ рейхстагѣ? Никакого. А говорить безъ результатовъ—это удовольствіе сумасшедшихъ.

Ни одного преимущества, а съ другой стороны опасности: священные принципы, серьезная политическая борьба понижаются парламентскими стычками, въ народѣ поддерживается иллюзія, что рейхстагъ можетъ рѣшить соціальный вопросъ.

И можемъ ли мы дѣлать „практическое дѣло“ въ рейхстагѣ? Тогда это будетъ только измѣной нашимъ принципамъ или близорукимъ шарлатанствомъ.

Я не считаю ничтожнымъ слово. Но въ моментъ кризиса, въ моментъ смерти одного міра и рожденія другого мѣсто защитниковъ народа среди народа.

Но допустимъ, что эти мечты осуществятся, и что большинство соціалистовъ войдетъ въ рейхстагъ. Что же дѣлаетъ это большинство? „Hic Rhodus, hic salta“. Сейчасъ настало время передѣлать общество въ государствѣ. Большинство издаетъ историческій декретъ, новый миръ родился. Но нѣтъ, толпа солдатъ выгоняетъ большинство соціалистовъ изъ храма, и если эти господа сопротивляются, нѣсколько полицейскихъ отводятъ ихъ въ городскую тюрьму, гдѣ они и могутъ раздумывать на свободѣ о своемъ донъ-кихотствѣ.

Старый Либкнехтъ былъ совершенно правъ. Парламентъ—это буржуазное учрежденіе, предназначенное для борьбы съ царской властью и феодализмомъ. Мы хотѣли совратить его съ его настоящаго пути и заставить служить освобожденію пролетаріата. Но парламентаризмъ влечетъ неизбѣжно нѣкоторыя слѣдствія, которыя подорвали и парализовали въ корнѣ рабочее движе-

ніе. Онъ носитъ въ самомъ своемъ зародышѣ причины непоправимой безплодности по отношенію къ улучшенію участи рабочаго класса, безплодности, проявляющейся тѣмъ скорѣе, чѣмъ активнѣе Парламентъ начинаетъ заниматься угнетенными классами. Прежде всего, какъ только наши противники замѣчаютъ, что ихъ раздоры обращаются въ нашу пользу, они спѣшатъ устроить блокъ противъ насъ и они не колеблясь измѣняютъ или способъ голосованія или какое-нибудь правило въ рейхстагѣ.

Но парламентаризмъ является еще лучшимъ средствомъ порабощенія пролетаріата, если принять во вниманіе то нравственное вліяніе, которое онъ имѣетъ на угнетенные классы. Я думаю о непрестанномъ сотрудничествѣ съ противниками по вопросамъ, касающимся современнаго общества. 99% вопросовъ, разбираемыхъ въ Парламентѣ съ участіемъ нашихъ представителей, насъ совершенно не касаются и объ нихъ не должно быть и рѣчи, пока пролетаріатъ не уничтожитъ господства капитализма. Всѣ эти нужды касаются только современной соціальной организаціи, и когда наши представители начинаютъ ими заниматься, они должны становиться на точку зрѣнія нашихъ противниковъ и, конечно, теряютъ долю независимости мысли, они связаны, они не могутъ дать свободу своему мнѣнію, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни малѣйшей общности идей съ ихъ противниками, на которыхъ они не имѣютъ никакого вліянія. И почему, дѣйствительно, ждутъ этого вліянія? Достоинство нашихъ представителей страдаетъ отъ невозможности говорить такъ свободно, какъ имъ бы хотѣлось, хотя бы подъ угрозой не быть понятыми. Вотъ вѣчные компромисы. А свободная пропаганда? Она забыта! Вы лучше другихъ знаете объ этомъ, вы, старые борцы! Когда мы не посылали депутатовъ въ парламентъ, всѣ наши силы концентрировались на рабочей агитаціи, каждый вкладывалъ свое, рвеніе среди массъ было совсѣмъ другое. Пламенная рѣчь оратора не можетъ замѣнить личнаго вліянія, ничто не можетъ замѣнить прямого воздѣйствія революціонной энергіи на массы, — а парламентскіе отчеты еще менѣе, чѣмъ что-нибудь: если они и достигаютъ до читателей, что большая рѣдкость, то они являются изуродованными и извращенными непріязненной прессой.

Всѣ вы согласитесь со мной, что въ этой борьбѣ за обла-

даніе властію, мы должны считаться съ тѣми, чьи голоса мы хотѣли бы пріобрѣсти. Никто не станетъ оспаривать, что боязнь не получить голосъ, не завоевать всеобщую подачу голосовъ взволновала революціонные верхи рабочаго движенія. На ряду съ другими доказательствами достаточно будетъ перечесть протоколъ Франкфуртскаго съѣзда, гдѣ самъ Гриллембергеръ сознался, что боится ретроградныхъ избирателей и старается оправдать эту боязнь всѣми силами, точно она была чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ. Мало по малу великое движеніе всеобщей культуры выродилось въ чисто-экономическое движеніе, въ вопросъ желудка.

Вотъ путь, который мы прошли. Мы уже не требуемъ обратно полной свободы, полнаго и дѣйствительнаго развитія человѣческой личности, мы помѣстили въ нашей программѣ, что религія—частный вопросъ! Но если нашъ идеалъ—личная свобода, то мы не нуждаемся ни въ какой религіи. Въ самомъ человѣкѣ условія его поступка; онъ долженъ дѣйствовать, слѣдуя своей внутренней нравственности, какъ свободная личность, перешагнувъ черезъ всѣ тираніи, какимъ бы именемъ онѣ ни назывались.

Какъ только соціаль-демократія отказалась отъ этой точки зрѣнія, отъ нея отдѣлилась большая часть благороднѣйшихъ умовъ, и она стала реакціонной—и все это затѣмъ, чтобы пріобрѣсти голоса! А что сдѣлалось съ нашимъ, такъ сказать, идеаломъ брака, этимъ экономическимъ учрежденіемъ, изъ котораго мы хотѣли сдѣлать нравственное учрежденіе, гдѣ человѣкъ слѣдовалъ бы свободно своей природѣ, — не низменнымъ страстямъ, но свободной личной нравственности? И что же мы видимъ среди насъ? Понятія пролетаріата и многихъ его представителей стали гораздо болѣе филистерскими, чѣмъ понятія буржуазіи. Лозунгомъ является уважать приличія, не дѣлать скандала, чтобы не вызвать упрековъ за проповѣдь свободной любви и другихъ ужасовъ. Мы проводимъ наше время въ публикованіи скандаловъ изъ частной жизни буржуазіи, въ втаптываніи въ грязь передъ пролетаріатомъ людей, являющихся часто только жертвами своихъ страстей или темперамента, и мы пренебрегаемъ дѣйствительно свободными преніями, которыя развивали бы чувство классовой борьбы. Теперь же мы боремся

за власть. Я убѣжденъ, и вы согласитесь со мной, что не этимъ путемъ осуществится соціализмъ.

Но вотъ, что еще важнѣе и еще значительнѣе. Такъ какъ пролетаріатъ черезъ своихъ представителей принимаетъ ближайшее участіе въ составленіи законовъ, такъ какъ законы доводятся до конца благодаря содѣйствію и согласію пролетаріата, то сознаніе равенства усилилось среди рабочаго класса, равенства, не соотвѣтствующаго глубокимъ потребностямъ свободы, основаннаго только на жандармахъ и полиціи. Итакъ, мы видимъ, что соціалистическое движеніе далеко отъ того, чтобы стать дѣйствительно свободнымъ и сильнымъ движеніемъ, оно вырождается, но въ этомъ не имѣютъ мужества сознаться открыто и гордо. Нѣтъ, мы не хотимъ вашего извращеннаго равенства, мы непримиримые противники вашего классоваго положенія, вашихъ законовъ. Бебель удачно заявилъ въ Дрезденѣ, что соціализмъ объявилъ буржуазному обществу борьбу не на животъ, а на смерть; но можемъ ли мы вѣрить словамъ, когда онъ, Бебель, и всѣ прочіе депутататы принимаютъ все большее участіе въ составленіи законовъ!

Но бываетъ и лучше. Средства пролетаріата ограничены. Пролетаріатъ—бѣдный классъ, и только благодаря лишеніямъ каждый членъ достигаетъ того, что онъ можетъ хоть что-нибудь дѣлать для улучшенія участи своего класса, для классовой борьбы. Слѣдовательно, средства тощи, и мы не должны скрывать, что парламентаризмъ стоитъ дорого. Это пустое и изъ-за этого я послѣдній сталъ бы возставать противъ парламентаризма; но мы должны спросить себя, не найдутъ ли эти деньги лучшаго примѣненія, — и по моему мнѣнію, въ виду опасностей парламентаризма, лучше бы сдѣлали, употребивъ эти средства полезнѣе и плодотворнѣе —непосредственно на пролетаріатъ. Сверхъ всего, нужно сознавать ясно: въ такой борьбѣ, которую мы ведемъ, мы нуждаемся въ сильныхъ и могущественныхъ личностяхъ, мы нуждаемся въ людяхъ, которые бы всю свою энергію вложили въ дѣло служенія нашему идеалу. Парламентаризмъ для каждаго изъ насъ является продажей нашей личной дѣятельности; парламентаризмъ—это система передачи обязанностей; говоря откровенно, онъ не можетъ создать такихъ людей, какіе намъ нужны, потому что все дѣло ведется тайной подачей голосовъ. Я пока-

залъ примѣры нашего современнаго безсилія. Я имѣю въ виду также и тѣ права, которыя за нами числятся по закону и существуютъ только на бумагѣ, потому что за ними нѣтъ реальной силы для ихъ защиты. Я намекаю на Саксонію, на законодательство рейхстага, попранное вопреки этому самому равенству, которое такъ высоко чтятъ наши противники и которое они затоптали ногами, лишь только дѣло коснулось существенныхъ интересовъ правящихъ классовъ и юнкеровъ.

Вы мнѣ, пожалуй, скажете, что парламентаризмъ все-таки хорошее средство внести соціальную критику въ среду нашихъ противниковъ. Я ничего не имѣю противъ этого, но замѣчу, что воспитаніе, полученное пролетаріатомъ при посредствѣ парламентаризма, имѣетъ чисто отрицательное значеніе и допускаетъ весьма ограниченное развитіе индивидуальности. Скажу прямо, что это плохое средство воспитать пролетаріатъ.

Допускаю, что парламентаризмъ имѣлъ нѣкоторое значеніе въ историческомъ развитіи пролетаріата и еще способенъ оказать вліяніе. Но онъ не далъ намъ того, въ чемъ мы больше всего нуждаемся, и онъ не могъ этого дать по самой своей сущности. Это должно быть для васъ очевиднымъ послѣ высказанныхъ соображеній.

Экономическая побѣда. Всеобщая забастовка.

Къ счастью у насъ есть еще и другія учрежденія, чтобы вести классовую борьбу; учрежденія, возникшія исключительно волею пролетаріата и независимыя, не въ примѣръ парламентаризму, отъ прихоти нашихъ противниковъ, — я говорю въ особенности о профессіональныхъ организаціяхъ.

Сравнивая политическое и профессіональныя движенія въ ихъ развитіи, можно опредѣлить, какія изъ нихъ болѣе соотвѣтствуютъ истиннымъ убѣжденіямъ и чувствамъ рабочаго класса. Не будемъ подсчитывать голоса, собранныхъ на выборахъ, и остановимся лишь на политическихъ группировкахъ. Мы увидимъ, что послѣ 40 лѣтней борьбы онѣ сумѣли сорганизовать всего 200,000 человѣкъ. Вотъ все, что сдѣлалъ парламентиризмъ. Профессіональное движеніе болѣе молодое. Партія сначала смотрѣла на него, какъ на конкуррирующее, и оно только отчасти

получило признаніе на партійномъ съѣздѣ въ Кельнѣ. Но вскорѣ послѣ того оно объединило больше милліона рабочихъ. Слѣдовательно, надо признать, что объединеніе рабочихъ въ профессіональные союзы болѣе могущественное орудіе классовой борьбы, чѣмъ политическая организація со своими пустыми кадрами, поглощенная лишь тонкостями парламентиризма. Цѣль, которую мы преслѣдуемъ,—учрежденіе соціальной организаціи—можетъ осуществиться только тогда, когда профессіональные союзы станутъ существенными факторами производства. Такіе союзы отнынѣ въ зародышѣ носятъ первые ростки новаго соціальнаго строя.

Несомнѣнно,—и мы, увы, должны это признать, что это еще далеко не идеалъ, къ которому вообще стремится профессіональное движеніе. Конечно, многіе изъ членовъ профессіональной организаціи имѣютъ весьма невысокія стремленія и видятъ въ ней только кошелекъ съ деньгами. Они вносятъ свою долю тяжеловѣсными грошами и расчитываютъ получить какія-то чудеса. Все это, конечно, обидно, но задача революціоннаго профессіональнаго движенія именно и заключается въ преобразованіи этихъ практическихъ союзниковъ въ политическихъ борцовъ, въ сознательныхъ соціалистовъ. Мы должны сознаться, что, если политическое движеніе и пошло по ложной дорогѣ, оно все-таки поставило себѣ высокій идеалъ. Профессіональное же движеніе, хотя и стоитъ на вѣрной дорогѣ и его основныя стремленія вполнѣ сбываются, однако часто, въ противовѣсъ чистой политикѣ, оно суживаетъ свои задачи и свои основныя требованія, и, такимъ образомъ понижаетъ свое революціонное значеніе. Вы видѣли, что англійскій трэдъ-юніонизмъ ограничилъ свой горизонтъ повсе-дневной борьбой за улучшеніе условій труда, и вотъ что до настоящаго времени чаще всего суживаетъ его идеалъ. Движеніе нѣмецкаго профессіонализма идетъ по такому же, только болѣе жалкому пути. Вначалѣ, когда онъ находился подъ вліяніемъ Парижа (члены союза были какъ разъ тѣ же самые, что и въ политическихъ группахъ), у него былъ болѣе широкій горизонтъ. Но чѣмъ болѣе онъ увеличивалъ свое экономическое могущество, тѣмъ болѣе онъ ограничивалъ свой кругозоръ. Мы замѣчаемъ въ немъ досадную перемѣну направленія. Онъ также все болѣе и болѣе суживаетъ свою задачу:

улучшить настоящее положеніе и добиться лучшихъ условій труда. Теперь онъ лишенъ возвышеннаго идеала или по меньшей мѣрѣ онъ затемняетъ его до полнаго отсутствія.

И однако онъ призванъ образовать и будущее общество, въ которомъ профессіональныя соединенія будутъ существенными экономическими факторами, и свободныхъ, сильныхъ людей, въ которыхъ мы такъ нуждаемся. Въ то время, какъ парламентаризмъ со своей тайной подачей голосовъ не развиваетъ индивидуальности, профессіонализмъ охватываетъ всего человѣка. Напримѣръ, при забастовкѣ тотъ, кто примкнулъ къ рѣшенію, жертвуетъ своимъ существованіемъ ради торжества своихъ требованій. Профессіональное движеніе какъ разъ способствуетъ развитію сильныхъ характеровъ, такъ какъ борьба, которую ведутъ организаціи — забастовка, бойкотъ, 1-ое мая — требуетъ полной отвѣтственности каждаго. 1-ое мая въ профессіональномъ движеніи имѣетъ большое значеніе. Оно, можетъ быть, является единственнымъ народнымъ и революціоннымъ фактомъ, который мы теперь примѣняемъ.

По тому, какъ отпраздновано 1-ое мая, можно, по моему, судить, чего достигло рабочее движеніе. Сократите рабочій день, понивьте его отъ 12 до 11, отъ 11 до 10 ч., въ концѣ концовъ — 8-ми часовъ, и вы еще ничего не сдѣлали, чтобы уничтожить господство класса капиталистовъ. Но если рабочіе хоть одинъ день въ году рѣшатся бросить вызовъ капитализму въ лицо, и если у нихъ есть мужество заявить: нѣтъ, я въ этотъ день не желаю исполнять моей тяжелой работы, я хочу самостоятельно рѣшать, буду ли я работать или нѣтъ,—тогда это—объявленіе о капиталистическомъ порабощеніи, это признакъ, что среди нѣмецкихъ рабочихъ развивается классовое самосознаніе. И организаціи, которыя изъ-за матеріальныхъ интересовъ не хотятъ праздновать 1-ое мая, очень близоруки. Мы встрѣчаемъ здѣсь ту же узость взгляда, какъ и въ политическомъ движеніи. И политическое движеніе также страдаетъ отъ такой преувеличенной оцѣнки матеріальныхъ средствъ. Теперь и у того, и у другого одна и та же цѣль: получить какой бы то ни было цѣной экономическое преимущество. Это, быть можетъ, результатъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Положеніе Маркса и Энгельса: сознаніе опредѣляется

соціальнымъ, экономическимъ положеніемъ — недалеко отъ правды, это вѣрно, конечно, по отношенію къ доброй части человѣческой исторіи. Но такая мысль была причиной распространенія среди пролетаріата низменныхъ стремленій, далекихъ отъ возбужденія классовой борьбы, дѣйствующихъ на него умиротворяюще. Конечно, необходимо улучшить матеріальное положеніе пролетаріата, мы не вѣримъ въ теорію прогрессивнаго обѣдненія, мы знаемъ, что не люмпенъ-пролетаріатъ можетъ вести классовую борьбу. Но мы знаемъ также, что голодъ былъ не разъ хорошимъ революціоннымъ факторомъ, что разрывъ съ христіанствомъ и всѣми вѣрованіями въ будущую жизнь вызвалъ въ средѣ первыхъ соціалистовъ безконечное и радостное чувство самопожертвованія и мужество, стойкое при всевозможныхъ испытаніяхъ. Мы знаемъ также, что, наоборотъ, подчеркивая постоянно экономическую цѣль, разрушали стремленіе пролетаріата къ нравственнымъ побѣдамъ. Это печальный опытъ. Рабочіе, вѣроятно, чувствуютъ меньше жало физическаго голода, но и наоборотъ, они недостаточно ощущаютъ жало голода нравственнаго. Поэтому мы должны стараться пробудить и развить въ сердцахъ нѣмецкаго пролетаріата стремленіе къ идеалу. Вотъ что важно.

Важно не столько развитіе матеріальнаго могущества пролетаріата, сколько усиленіе внутренней жизни и революціонныхъ стремленій. Ревизіонисты идутъ такъ далеко въ своемъ усиліи завоевать во что бы то ни стало экономическое могущество, что ради нѣсколькихъ обрывковъ реформъ они соединяются съ царской властью, съ центромъ и самыми отъявленными реакціонерами. И профессіональные союзы, ради матеріальныхъ выгодъ посылающіе телеграммы министрамъ и берущіе подряды на предпріятія, надолго пріостанавливаютъ классовую борьбу.

Это не называется освобожденіемъ пролетаріата; это—выковка новыхъ цѣпей. Все, что мы должны дѣлать, это вдохновлять въ профессіональное движеніе могущественный духъ революціонной стойкости. Мы не хотимъ сдѣлать изъ профессіональной организаціи органъ, подчиненный партіи. Наоборотъ, мы разсматриваемъ профессіональное движеніе, какъ позвоночникъ, какъ существенный факторъ классовой борьбы. Мы надѣемся, что политическое движеніе еще разъ должно измѣнить

свой политическій методъ, слиться съ профессіональнымъ движеніемъ, чтобы отдать ему свою силу, свой порывъ. Намъ нужно сильное рабочее движеніе, совершенно однородное, съ профессіональнымъ во главѣ. Этому движенію придаетъ широкій горизонтъ и революціонный характеръ идея всеобщей забастовки.

Идея всеобщей забастовки не должна отвращать профессіональное движеніе отъ повседневной борьбы. Эта борьба должна продолжаться, такъ какъ, само собою разумѣется, должно улучшить матеріальное положеніе пролетаріата. Но намъ нуженъ болѣе широкій горизонтъ. Союзы должны сознательно вникнуть въ собственное значеніе зародыша будущей экономической организаціи. И они могутъ много сдѣлать въ этомъ отношеніи. Забастовками они воспитываютъ рабочихъ, даютъ имъ нравственную силу и развиваютъ чувство пролетарской солидарности. Идея всеобщей забастовки откроетъ профессіональнымъ организаціямъ широкій просторъ, какой открывало передъ ними до сихъ поръ только политическое движеніе. Всеобщая забастовка—совсѣмъ не утопія. Напротивъ,—она единственное средство разрушить классовое государство. Она одна дастъ возможность пролетаріату разрушить фундаментъ, на которомъ зиждется классовое государство. На чемъ же основано въ дѣйствительности такое государство? Оно зиждется на томъ, что пролетаріатъ эксплоатируется, какъ средство производства. Только при такомъ условіи пролетаріатъ необходимъ для существованія классоваго государства. Капиталъ не значитъ ничего, онъ мертвая вещь, если у него нѣтъ рукъ, чтобы дать ему жизнь, чтобы заставить создавать цѣнности. Если пролетаріатъ поймeтъ свое значеніе, дастъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ можетъ удалиться отъ процесса производства, съ классовымъ государствомъ будетъ покончено. Само собою разумѣется, мы не вѣримъ въ возможность постоянной всеобщей забастовки и несомнѣнно могущественная организація современнаго государства, располагающаго значительными средствами, не падетъ при первой всеобщей забастовкѣ. Но *идея всеобщей забастовки должна привести пролетаріатъ къ сознанію насущной необходимости основать сильныя организаціи и вложить въ нихъ всѣ свои надежды на будущее.*

Въ этомъ отношеніи положеніе превосходно. Наши профессіональныя организаціи пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все больше приверженцевъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности насчитываютъ больше 50% членовъ. Въ самые послѣдніе годы организаціи возросли на 21%. Они достигли того, что охватываютъ больше милліона рабочихъ, такъ что можно съ увѣренностью предсказывать,—мы имѣемъ дѣло съ факторами, дѣйствіе которыхъ, такъ сказать, автоматично,—что въ три-четыре года число членовъ дойдетъ до 2.000.000, а въ десять лѣтъ до 3 или 4 милліоновъ. Если идея всеобщей забастовки будетъ распространяться все больше и глубже въ рабочемъ классѣ, станетъ возможнымъ усиленный ростъ профессіональнаго движенія, какъ оказалось возможнымъ и для политическихъ группъ собрать 3 милліона голосовъ около урнъ. Въ короткое время будетъ возможно привлечь къ забастовкѣ около 4—5 милліоновъ человѣкъ и такимъ образомъ уничтожить классовое государство.

Конечно, это—не легкая задача. Но я спрошу васъ, что дали намъ политическое движеніе и парламентская дѣятельность за 4 года борьбы. Много ли нашихъ старыхъ товарищей, вступившихъ въ борьбу съ юношескимъ жаромъ и гордыми надеждами расчитываютъ увидѣть паденіе капитализма и освобожденіе пролетаріата?—Идея всеобщей забастовки вливаетъ въ наши сердца новую надежду, а этой надежды мы тщетно ждали съ давнихъ поръ.

Движеніе, которое находитъ подготовленную почву, можетъ увѣнчаться успѣхомъ гораздо скорѣе, чѣмъ предполагаютъ наши противники и даже мы сами. Мы не знаемъ помѣхъ для побѣды. Важно, чтобы безотвѣтственности, привычку къ которой намъ вселилъ парламентиризмъ, противопоставить сознаніе отвѣтственности. Это сознаніе образуетъ забастовка, 1-ое мая и бойкотъ. Прежде всего нужно развивать индивидуальность. Язва парламентиризма въ томъ и заключается, что всего можешь ожидать отъ противниковъ, отъ закона. Все должно прійти отъ другихъ. Парламентаризмъ до сихъ поръ не сдѣлалъ ничего для развитія индивидуальности.

И вотъ почему политическое движеніе привлекло столько народу, если судить по числу полученныхъ голосовъ. Если рабочіе хотятъ уничтожить капиталистическій строй, если же-

лаютъ установить новый соціалистическій строй, они должны стать лучше тѣхъ, съ кѣмъ сражаются и кого намѣрены уничтожить. Поэтому, они должны стараться искоренить въ себѣ все вульгарное, низкое, отказаться отъ безнравственности. Существенный же характеръ идеи всеобщей забастовки, это преимущественно—служить средствомъ борьбы высокаго нравственнаго значенія.

Политическая революція, къ которой стремятся, не можетъ осуществиться безъ пролитія крови, безъ насилій. Всеобщая забастовка, это средство нравственной борьбы, это свободный и сознательный отказъ работать, обезпеченное закономъ право коалиціи, которое превращается въ орудіе борьбы. Будь, что будетъ, наши противники могутъ довести насъ до послѣдней крайности и уморить голодомъ. Мы не станемъ теперь заниматься этимъ и ломать надъ этимъ голову. Мы конечно не думаемъ исполнять законовъ капиталистическаго общества, законовъ, которые намъ завѣщало извращенное прошлое. И если будутъ страданія, то они не для громадной пролетарской арміи, разрывающей свои цѣпи.

Методъ борьбы, который мы пропагандируемъ, имѣетъ большое воспитательное значеніе. Чтобы отказаться отъ работы съ полнымъ сознаніемъ своей отвѣтственности требуется высокое моральное развитіе, такъ какъ надо умѣть подняться выше своихъ эгоистическихъ интересовъ, надо принести ихъ въ жертву будущимъ поколѣніямъ и человѣческому прогрессу. Поэтому необходимо уничтожать всѣ преграды, которыя стоятъ на пути нашего моральнаго освобожденія. Я уже упрекалъ парламентскую тактику въ томъ, что она вычеркнула изъ своей программы всѣ вопросы, относящіеся къ освобожденію индивидуальности, къ уничтоженію религіи и другихъ препятствій на пути нашей духовной эмансипаціи. Наша пресса, къ сожалѣнію, не исполняетъ въ этомъ отношеніи своей обязанности. Если хотите прочитать статью, проникнутую истиннымъ свободнымъ вдохновеніемъ, статью, которая захватила бы все ваше существо и заставила бы учащеннѣе биться сердце, — не ищите ея въ соціалистической литературѣ. Вы можете встрѣтить ее, и то изрѣдка, въ анархистской прессѣ. Я не прибѣгну къ тому, чтобы настоятельно рекомендовать эту прессу: читайте прессу анархистовъ,

читайте произведенія Петра Крапоткина, Жана Грава, Элизе Реклю и другихъ. Вы найдете тамъ зачатки для того самаго свободнаго индивидуальнаго развитія, которымъ въ настоящее время соціалъ-демократы совершенно пренебрегаютъ. Мы должны побѣждать низменныя страсти, которыми обладаемъ, между тѣмъ какъ теперь, въ тѣхъ случаяхъ, когда пролетаріатъ достигаетъ матеріальнаго улучшенія, онъ предается грубымъ наслажденіямъ. А классовая борьба могла бы вестись съ большимъ жаромъ, съ большей силой, съ болѣе яркимъ выраженіемъ индивидуальности, гораздо быстрѣе былъ бы достигнутъ моральный прогрессъ, еслибы увеличившіяся средства пролетаріата были употреблены на моральное развитіе. Рабочіе, которые возвращаются домой пьяными и бьютъ дома своихъ женъ и дѣтей, такіе рабочіе не могутъ дать міру хорошихъ классовыхъ борцовъ. И въ этомъ смыслѣ можно упрекнуть соціалъ-демократію въ недостаточномъ вліяніи на массы. Нужно пробуждать и развивать культурныя потребности, нужно работать надъ моральнымъ усовершенствованіемъ. Нашъ горизонтъ долженъ непрестанно расширяться, чтобы мы могли сдѣлаться опасными противниками капиталистическаго государства. Тѣмъ, кто утверждаетъ, что всеобщая забастовка невозможна при существованіи арміи, находящейся въ распоряженіи государства, я отвѣчу, что именно обязанность профессіональнаго движенія ввести антимилитарное воспитаніе пролетаріата. Есть страны, въ которыхъ профессіональныя организаціи раздаютъ каждому изъ своихъ членовъ при вступленіи въ казармы антимилитаристическія брошюры. Они устраиваютъ спеціальныя учрежденія для покровительства рабочимъ во время ихъ пребыванія въ полку и съ минуты ихъ освобожденія для введенія ихъ въ организаціи. Такъ поддерживаемый рабочій не теряетъ своего классоваго самосознанія. Солдаты будутъ тѣмъ, чѣмъ мы ихъ сдѣлаемъ. Пусть рабочіе не бьютъ своихъ дѣтей, пусть даютъ свободное и дѣйствительно нравственное воспитаніе безъ угнетенія побоями чувства самоуваженія, и изъ этихъ дѣтей выйдутъ люди, которые въ полку не позволятъ безропотно оскорблять себя и которые сумѣютъ противостоять приказанію стрѣлять въ своихъ.

Я кончилъ. Пропагандировать теперь всеобщую забастовку, это значитъ подвергаться враждѣ и нападкамъ даже тѣхъ, съ

кѣмъ до сихъ поръ приходилось сражаться плечо къ плечу; но такова участь всѣхъ послѣдователей новой идеи. Я убѣжденъ, что идея всеобщей забастовки сдѣлаетъ свое дѣло. Всеобщая забастовка, это средство уничтожить господство капитализма. Эта идея должна проникнуть во всѣ рабочія организаціи. Она должна стать очереднымъ вопросомъ на съѣздѣ партій: не слѣдуетъ, чтобы повторилась постыдная дрезденская комедія, чтобы увидали, какъ партія, имѣющая больше чѣмъ три милліона голосовъ и способная, казалось, серьезно работать надъ уничтоженіемъ капиталистическаго государства, тратитъ на съѣздѣ почти все время на борьбу съ духомъ нетерпимости болѣе фанатической партіи,—такой вопросъ достоинъ быть обработаннымъ какимъ-нибудь публицистомъ для буржуазныхъ листковъ. Между тѣмъ, дѣло этихъ людей, какъ, впрочемъ, и всякое стремленіе ревизіонистовъ, заключается въ необходимой и естественной важности парламентаризма, и если кто и виновенъ, такъ это сама партія, не желающая измѣнить своей тактики, несмотря на измѣненія, происшедшія въ послѣдніе годы въ нашемъ положеніи и въ положеніи нашихъ противниковъ. Еще разъ—нѣтъ! парламентская дѣятельность — не классовая дѣятельность, не пролетарская. Идея всеобщей забастовки должна стать руководящей идеей рабочаго движенія, она должна соединить политическія и профессіональныя группы и быть лозунгомъ всего рабочаго класса.

Всеобщая забастовка! Это не пустой звукъ, произнесенный сегодня и забытый завтра, но основа профессіональной организаціи, идея, во имя которой рабочіе будутъ работать надъ индивидуальнымъ развитіемъ, развитіемъ своихъ дѣтей и своихъ товарищей по борьбѣ; она ясно гласитъ: пролетаріи, ваша участь, участь вашего класса въ вашихъ рукахъ, она зависитъ отъ вашихъ моральныхъ силъ! Основывайте прочную организацію, сознайте свое могущество, и вы разорвете ваши цѣпи! И вы заставите восторжествовать надъ писанными конституціями, плодами извращеннаго прошлаго, неписанные законы человѣческой свободы!

Резолюція, вотированная послѣ бесѣды д-ра Фридберга.

Ложное пониманіе сущности государства, и въ особенности преувеличенная оцѣнка парламентаризма, мало-по-малу совлекли пролетаріатъ съ дороги настоящей классовой борьбы. Раздѣленіе рабочаго движенія на политическое и экономическое, приведшее къ обособленію профессіональныхъ движеній и къ отказу ихъ отъ всѣхъ революціонныхъ стремленій, нанесло смертельный ударъ классовой борьбѣ.

Необходимымъ слѣдствіемъ парламентской дѣятельности явилось омраченіе соціалистическаго идеала; онъ пересталъ находиться въ революціонной оппозиціи съ капиталистическимъ государствомъ и пересталъ требовать полнаго освобожденія человѣческой личности; съ другой стороны, профессіональное движеніе ограничило свой горизонтъ приниженными требованіями, оно оцѣниваетъ слишкомъ высоко матеріальныя блага, поэтому соціалистическое воспитаніе нѣмецкаго пролетаріата было совершенно ложнымъ и, хотя онъ и сталъ немного богаче матеріально, но дѣйствительнаго могущества ничуть не увеличилъ.

Настоящую силу пролетаріата составляетъ какъ можно большее число борцовъ, вдохновленныхъ истинно-свободнымъ и революціоннымъ стремленіемъ; такихъ борцовъ можетъ образовать только проникнутое соціалистическимъ духомъ профессіональное движеніе, система переложенія труда, а не парламентаризмъ.

„Интеллектуальное и моральное развитіе человѣческой личности".

„Автономная организація потребленія и, если возможно, производства".

„Прямая дѣятельность съ полной отвѣтственностію каждаго".

„Забастовки, первое мая, бойкотъ".

Вотъ предварительныя условія освобожденія пролетаріата. Это освобожденіе, т. е. уничтоженіе классоваго государства, совершится само собой посредствомъ всеобщей забастовки. Пролетаріатъ свергнетъ господство капитализма и его орудіе—государство посредствомъ благородной борьбы, а не кровавой и насильнической революціи.

Вотъ причины, по которымъ свободный союзъ нѣмецкихъ профессіональныхъ движеній заявляетъ:

Что для него парламентская дѣятельность имѣетъ только одну косвенную пользу; но она же требуетъ и расхода матеріальныхъ и моральныхъ силъ, превышающаго результаты. На воспитаніи пролетаріата и на экономической борьбѣ нужно сосредочить всѣ свои силы и, слѣдовательно, нужно развивать экономическія организаціи и внушать имъ высокій революціонный идеалъ, чтобы сдѣлать возможной всеобщую забастовку въ короткій срокъ.

Это предложеніе было роздано на Международномъ соціалистическомъ съѣздѣ въ Амстердамѣ.

Эмиль Пуже.

СИНДИКАТЪ.

Пер. съ франц. Э. Ивинской.

CLEARED

Преисподняя заработной платы.

Какое положеніе занимаетъ въ современномъ обществѣ рабочій-пролетарій?

Вотъ чему обучаютъ въ свѣтской школѣ.

Заинтересованнымъ самимъ приходится по этому вопросу пополнять свое образованіе, которымъ такъ охотно пренебрегаетъ буржуазія. Впрочемъ, для этого не нужно ни большихъ знаній, ни огромной мозговой силы.

Соціальные вопросы не являются труднымъ и отвлеченнымъ предметомъ. Право, не нужно быть очень большимъ начетчикомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что человѣческія существа должны быть обезпечены и не должны быть обречены на жизнь каторжниковъ отъ колыбели до могилы.

Небольшая доля прозорливости и пониманія убѣждаетъ рабочаго, что еще многаго не достаетъ для этого! Его судьба зависитъ отъ произвола *хозяина*. Его «завтра» никогда не обезпечено. И если онъ находитъ сегодня патрона (на обогащеніе котораго онъ работаетъ), соглашающагося принять его, онъ еле перебивается; но если этотъ патронъ по различнымъ причинамъ расчитываетъ его, тогда этотъ рабочій сталкивается лицомъ къ лицу съ нищетой... Всѣ ужасы безработицы подавляютъ его!

Законъ (уложеніе, составленное сводомъ „основныхъ“ принциповъ 1789 года) — не въ насмѣшку ли? — объявилъ бѣдняка равнымъ богачу. И вотъ этотъ бѣднякъ въ качествѣ свободнаго человѣка таскаетъ всюду свой скелетъ въ поискахъ за эксплуататоромъ, который бы согласился принять его добровольнымъ рабомъ. Если же онъ брыкается, отказываясь проституировать свои мускулы, свой мозгъ въ пользу буржуа, то онъ избавляется отъ положенія пролетарія только затѣмъ, чтобы попасть въ когти нищеты.

Не является ли такое положеніе исключительнымъ?

Увы, нѣтъ! Это участь всѣхъ рабочихъ, это приговоръ народу XX вѣкомъ!

Поэтому можно придти къ заключенію, что между необезпеченнымъ существованіемъ пролетарія, существованіемъ рабовъ въ древніе и крѣпостныхъ въ средніе вѣка нѣтъ существенной разницы.

Конечно, современный пролетарій пользуется (въ очень слабой дозѣ) умственнымъ и промышленнымъ прогрессомъ, опредѣляющимъ современный характеръ соціальнаго общежитія: онъ ѣстъ на тарелкахъ, которыя показались бы роскошными древнему рабу; онъ освѣщаетъ свое жилище керосиномъ, свѣчами, газомъ, электричествомъ,—всѣми способами освѣщенія, которые очень далеки отъ дымящихъ свѣтильниковъ или смоляныхъ факеловъ среднихъ вѣковъ.

Но всѣ эти чудеса человѣческаго генія — и много другихъ, которыхъ перечислить невозможно, — если и могутъ быть приправами къ благосостоянію и счастью, то, во всякомъ случаѣ, не являются существенными элементами его. Чтобы быть счастливымъ, не достаточно наслаждаться видомъ, или даже управлять, обливаясь потомъ, автомобилями, желѣзными дорогами, телеграфами, телефонами и проч.

Счастіе, состоящее изъ поднятія уровня благосостоянія, истекаетъ изъ нормальнаго равновѣсія между интенсивностью производства и возможностью потребленія, — равновѣсія, позволяющаго наслаждаться жизнью безъ превратностей и заботъ. Счастіе состоитъ изъ ясности духа, покоющейся на увѣренности въ обезпеченности существованія въ настоящемъ и будущемъ; оно состоитъ въ томъ, чтобы не подчиняться никому, ни патрону, ни управляющему и чувствовать себя морально и матеріально независимымъ, свободнымъ отъ всѣхъ цѣпей и порабощеній, исходящихъ отъ чужой воли.

Наука же, какъ бы ни былъ чудесенъ ея прогрессъ, не измѣняетъ соціальныхъ отношеній, ставящихъ работника въ зависимость отъ капиталиста. Эти отношенія всегда тѣ же, что и отношенія хозяина и раба. Очевидно, въ теченіи вѣковъ подъ давленіемъ духа возстанія, они измѣнились, по крайней мѣрѣ по формѣ.

Номинально пролетарій—свободный человѣкъ, а древній

рабъ былъ живымъ товаромъ, которымъ торговали, средневѣковый же крѣпостной былъ безличной вещью, привязанной къ почвѣ и претерпѣвающей измѣненія вмѣстѣ съ вотчиной, въ которой онъ прозябалъ. Но это освобожденіе, фиктивное и установленное закономъ, не освободило пролетарія отъ экономическаго рабства. Даже въ нѣкоторомъ отношеніи его судьба болѣе сомнительна, чѣмъ судьба древняго раба; коммерческая стоимость послѣдняго заставляла собственника въ своихъ же собственныхъ интересахъ цѣнить и сберегать свой товаръ, чтобы избѣгнуть потерь.

Въ наши дни капиталистъ уже не является собственникомъ рабочаго. Онъ только наниматель его. Благодаря этому, отвѣтственность эксплоататора доводится до минимума. Онъ платится только рискомъ найма, да еще при несчастныхъ случаяхъ и непредвидѣнныхъ нарушеніяхъ контракта и проч. Наниматель рабочихъ всегда найдетъ въ законѣ статьи для избѣжанія отвѣтственности. Затѣмъ, когда съ годами уменьшается продуктивная сила рабочаго, патронъ не получаетъ ни малѣйшаго ущерба: онъ просто даетъ расчетъ этому обезцѣненному рабочему, несмотря на то, что этотъ несчастный втеченіе продолжительнаго времени способствовалъ созданію его богатства.

Итакъ, въ современномъ обществѣ у пролетарія никогда нѣтъ обезпеченнаго на-завтра куска хлѣба, ибо даже чрезвычайное стараніе не обезпечиваетъ его отъ бѣдствій, которыя постоянно передъ его глазами: безработица, болѣзнь, старость. И онъ не можетъ даже обольщаться. И не можетъ даже надѣяться, что благодаря аккуратности, экономіи, покорности и другимъ смягчающимъ „добродѣтелямъ“, которыми его начинили воспитатели, онъ сумѣетъ избѣжать несчастнаго стеченія обстоятельствъ, вытекающаго изъ неправильнаго строя, бьющаго слѣпо и безъ разбора. Дѣйствительно, его заработокъ такъ недостаточенъ, что онъ тратитъ его по мѣрѣ полученія для удовлетворенія своихъ нуждъ. Съ другой стороны, его положеніе всегда непрочно, такъ какъ онъ вполнѣ зависитъ отъ хозяина, который безъ всякихъ колебаній можетъ завтра же выбросить его на улицу.

Какъ образуется капиталъ.

Огроменъ контрастъ между необезпеченнымъ, неопредѣленнымъ и лишеннымъ радостей существованіемъ рабочаго съ одной стороны, и жизнью капиталиста, сотканною изъ бездѣлья и излишествъ, съ другой.

На первый взглядъ можетъ показаться, что счастливая жизнь этихъ привиллегированныхъ является результатомъ ихъ индивидуальныхъ усилій и личныхъ заслугъ; въ дѣйствительности же она вытекаетъ изъ скопидомства, скряжничества и жадности капиталиста въ томъ случаѣ, когда состояніе не свалилось имъ съ неба, благодаря слѣпому случаю рожденія или по наслѣдству. Индивидуальныхъ усилій и личныхъ заслугъ слишкомъ мало для пониманія, какимъ образомъ составились огромныя богатства. Не сдѣлается капиталистомъ и скопитъ лишь незначительное состояніе тотъ, кто ограничится экономіей личнаго заработка, вмѣсто того, чтобы увеличить его въ торговой или промышленной области эксплоатаціей себѣ подобныхъ.

Чтобы сдѣлаться капиталистомъ, необходимо экономить на чужомъ трудѣ.

Что же такое капиталъ?

Накопленный трудъ, кристаллизированное богатство.

Но — какая ужасная несправедливость! — чтобы *продукты труда*, т. е. *богатство*, благодаря накопленію пріобрѣли характеръ капитала, необходимо, чтобы это накопленіе было въ рукахъ другого, а не того, кто является дѣйствительнымъ его творцомъ. Рабочій, занимаясь переработкой естественныхъ продуктовъ по вкусамъ и потребностямъ человѣческихъ желаній, создаетъ богатство. Еслибы это богатство оставалось безличнымъ, общественнымъ, оно представляло бы общее достояніе. И, безконечно умноженное благодаря усиліямъ всѣхъ членовъ общества, оно было бы источникомъ всеобщаго благосостоянія.

Но, къ несчастью, пока этого еще нѣтъ. Богатство, созданное трудомъ, захвачено въ самыхъ истокахъ, концентрировано и индивидуализировано эксплоататорами или же оно съ эгоистическою цѣлью превращается въ капиталъ. Изъ этого слѣдуетъ,

что по своему основанію капиталъ походитъ на продуктъ воровства.

Вотъ каковъ процессъ: паразиты,—потому ли, что они плуты, или оттого, что владѣютъ небольшимъ состояніемъ, составленнымъ личными усиліями,—обогащаются на счетъ труда, который они крадутъ у настоящихъ производителей, чтобы образовался капиталъ. Это „образованіе“ они устраиваютъ очень просто. Они—промышленники; положимъ, что каждый изъ нихъ ежедневно пользуется рабочими; изъ каждыхъ 15-ти франковъ, они оставятъ въ свою пользу 10 подъ предлогомъ общихъ издержекъ, на покрытіе основного капитала и проч., а остатокъ они раздѣлятъ по 100 су между рабочими въ видѣ заработной платы. Они коммерсанты и продадутъ за 8 франковъ то, что стоитъ 3. Нельзя установить оттѣнковъ и видовъ преступныхъ и беззаконныхъ предварительныхъ вычетовъ, которыми паразитное меньшинство пользуется во вредъ производительной массѣ. Соціальное воровство проявляется съ одинаковой интенсивностью во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Землевладѣльцы эксплоатируютъ крестьянъ, обрабатывающихъ землю, такъ же, какъ и хозяева промышленныхъ производствъ эксплоатируютъ рабочихъ, и такими же эксплоататорами является длинный рядъ купцовъ, коммерсантовъ, комиссіонеровъ и проч.

Эквивалентность собственности и авторитета.

Тщательное разсмотрѣніе экономическихъ условій доказываетъ, что общество раздѣляется на два класса, настолько же различныхъ, насколько и враждебныхъ:

съ одной стороны—воры-капиталисты, хозяева, собственники;

съ другой стороны—обокраденные, подчиненные, фабричные и ремесленники, служащіе, рудокопы и крестьяне.

Но общество нельзя представить въ такой простой схемѣ: вотъ—воры, вотъ—обворованные.

Въ сравненіи съ обокраденными, число воровъ ничтожно. Если-бы они для сохраненія своихъ привиллегій расчитывали только на физическую силу или даже на личный авторитетъ, ихъ царствованіе было бы очень коротко. Поэтому, чтобы возмѣстить количественную слабость, они придумали хитрость.

Чтобы обезпечить себя отъ попытокъ своихъ жертвъ къ возстаніямъ, они постарались обосновать свой грабежъ при помощи принциповъ: принципа *собственности* и принципа *авторитета*... Собственность—это авторитетъ надъ вещами, авторитетъ — это только собственность, владѣніе человѣческими душами...

Грабители такимъ образомъ стали привиллегированными. И благодаря невѣжеству и темнотѣ народа, всякое посягательство на нихъ они окрестили преступленіемъ противъ всего человѣчества.

Какъ неизбѣжное слѣдствіе—революція въ принципахъ повлекла нарожденіе соціальнаго слоя паразитовъ, посредниковъ-сутенеровъ, назначеніе которыхъ состоитъ въ признаніи, оправданіи и защитѣ привиллегированныхъ.

Сутенеры и сами привиллегированные, благодаря запутанности неправильнаго общественнаго строя, работали надъ тѣмъ, чтобы удержать обокраденныхъ подъ ярмомъ.

Только въ эпохи грубаго невѣжества, когда нечего было опасаться народнаго духа изслѣдованія, запутанность паразитныхъ учрежденій была проще. Она развивалась параллельно съ уровнемъ народной сознательности. И вотъ что объясняетъ тотъ фактъ, что въ наше время гораздо значительнѣе, чѣмъ когда либо прежде, число общественныхъ сутенеровъ.

Впрочемъ, чтобы добиться лучшаго пріема, эти паразиты — священники, судьи, военные и проч. — сумѣли придать тѣмъ учрежденіямъ, въ которыхъ они гнѣздятся, видъ полезности и, такимъ образомъ, вселить въ наивныхъ вѣру, что общественная жизнь неразрывно связана съ механизмомъ угнетенія и усиленнаго давленія. Такъ была оправдана и узаконена подчиненность человѣка: собственность и авторитетъ стали палладіумомъ порабощенія.

Тщетно было бы пытаться установить моментъ появленія въ человѣчествѣ этихъ двухъ враждебныхъ ему типовъ, которые символизируются этими двумя принципами: собственности и авторитета. Одинъ не происходитъ отъ другого, они равноцѣны; въ первобытныя времена они смѣшивались другъ съ другомъ, и если со временемъ они и раздѣлились, такъ это произошло подъ давленіемъ того, что именно вызвало въ человѣчествѣ раздѣленіе труда. А это раздѣленіе происходило одина-

ково, какъ въ производительной дѣятельности общества, такъ и въ учрежденіяхъ порабощенія. Вотъ почему нельзя совмѣстить отрицаніе собственности съ утвержденіемъ авторитета или, наоборотъ, авторитета съ утвержденіемъ собственности.

Собственность! Авторитетъ! И то, и другое является выраженіемъ одного и того же принципа, который конкретно осуществляетъ и признаетъ подчиненность человѣка. Различны лишь точки зрѣнія: съ одной стороны—рабство является преступленіемъ, содѣяннымъ собственностью, съ другой стороны—авторитетомъ. Въ жизни эти принципы—упрощенный намордникъ для народа — вылились въ учрежденія угнетенія, только фасадъ измѣнился отъ времени. И теперь подчиненіе, необезпеченность, усиленный трудъ, голодъ и проч. остаются удѣломъ рабочаго класса, какъ ни измѣнились режимъ собственности и вліяніе авторитета, какъ ни преобразовалась отъ этого поверхность всего общественнаго строенія.

Вотъ почему, преисподняя заработной платы—безысходная гіена: въ ней прозябаетъ громадное большинство лишенныхъ благосостоянія и свободы. И въ этой гіенѣ, несмотря на демократическія декораціи, процвѣтаютъ въ изобиліи нищета и страданія.

Какъ освободиться?

Насталъ день, когда смутное раздумье охватило рабочаго, который былъ кастрированъ предразсудками и лишенъ зрѣнія буржуазнымъ воспитаніемъ и оттого до сихъ поръ добровольно носилъ капиталистическое ярмо съ тупой апатіей рабочаго скота.

Съ этого дня инстинктъ возмущенія — единственный инстинктъ прогресса—сталъ взрывчатымъ подъ чрезмѣрнымъ давленіемъ, сковывавшимъ его мыслительныя способности, и преобразилъ рабочаго. Онъ сознался свою слабость, онъ увидѣлъ каковы результаты обособленія и эгоизма, которые проповѣдуетъ ему буржуазія. Съ этого дня у него явилось желаніе вступить въ сношеніе съ себѣ подобными, чтобы какъ-нибудь помочь своему личному безсилію, такъ какъ онъ далъ себѣ отчетъ, что его слабость станетъ силой благодаря организованной дѣятельности и солидарнымъ усиліямъ.

Кромѣ того, сама форма эксплоатаціи привела его къ организаціи. Промышленность соединила его съ такими же рабочими въ мастерскихъ, на заводахъ и фабрикахъ. Что же можетъ быть естественнѣе, какъ соединиться со своими товарищами? И этотъ безсознательный союзъ способствовалъ возмущеніямъ, тоже безсознательнымъ. Дѣйствительные успѣхи дали толчекъ къ образованію корпоративныхъ организацій.

Слѣдовательно, рабочій, сознаніе котораго просыпается, понимаетъ необходимость объединенія и вполнѣ естественно прибѣгаетъ къ профессіональному союзу.

Существенно-важная организація.

Корпоративная группа, дѣйствительно, является единственнымъ центромъ, который по своему устройству отвѣчаетъ стремленіямъ, вдохновляющимъ пролетарія. Она единственное собраніе человѣческихъ существъ, исходящихъ изъ союзнаго сходства интересовъ,—такъ какъ смыслъ ея существованія въ самой формѣ производства, съ которой она беретъ образецъ и которой она является лишь продолженіемъ.

Что же такое синдикатъ? Союзъ рабочихъ, соединенныхъ профессіональными узами. Это профессіональное упорядоченіе проявляется въ зависимости отъ среды: то въ болѣе узкихъ рамкахъ ремесла, то въ громадныхъ предѣлахъ промышленности двадцатаго вѣка, и охватываетъ пролетаріатъ различныхъ производствъ, объединенный стремленіемъ къ одной и той же общей цѣли. Какую бы форму ни выбрали борцы, какую бы ни внушили обстоятельства, будетъ ли это профессіональный союзъ ограниченный ремесломъ или охватившій всю промышленность, сходство конечной цѣли развивается въ каждомъ. Она состоитъ:

1-ое) въ постоянной борьбѣ съ эксплоататорами; заставить ихъ уважать завоеванныя улучшенія; подавить всѣ попытки регресса; затѣмъ, стараться подавить эксплоатацію требованіемъ частичныхъ улучшеній, какъ-то: уменьшеніе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы, улучшеніе гигіеническихъ условій и проч. Измѣненія эти хотя и мелочны, но они существенно важны въ завоеваніи привиллегій капиталистовъ, причемъ послѣднихъ они истощаютъ.

2-ое) въ стремленіи синдиката такъ усилить солидарность, чтобы въ возможно короткій срокъ подготовить экспропріацію капиталистовъ—единственный фундаментъ, на которомъ возможно произвести полное переустройство общества. Только послѣ этого законнаго соціальнаго возрожденія, можетъ быть уничтожено всякое проявленія паразитизма. Только тогда, когда никто не будетъ принужденъ работать въ пользу другого и заработная плата будетъ уничтожена, производство станетъ общественнымъ и по своему назначенію, какъ оно теперь является по своему характеру. Съ того времени, какъ экономическая жизнь совокупностью усилій совершенно перестроится, эксплоатація нетолько прекратится, но и окажется немыслимой. Итакъ, благодаря синдикату соціальный вопросъ проявляется съ такой чистотой и въ такой рѣзкой формѣ, что его очевидность ясна даже менѣе прозорливымъ; профессіональная группа безъ всякихъ затумариваній раздѣляетъ демократію между пролетаріатомъ и буржазіей. Благодаря этой профессіональной группѣ общество является такимъ, какъ оно есть,—съ одной стороны рабочіе — *обокраденные*, съ другой—эксплоататоры—*воры*. Синдикатъ это есть существенно важная группа, ассоціація по премуществу, такъ какъ это единственная организація, которая показываетъ при полномъ и постоянномъ освѣщеніи антагонизмъ интересовъ и показываетъ, что общество раздѣляется на два класса различныхъ и враждебныхъ. Поэтому-то синдикатъ долженъ занимать первое мѣсто среди общественныхъ союзовъ; ему должно подчиниться, такъ какъ онъ самый полезный, единственный и необходимый.

Не интересоваться синдикатомъ, рѣшиться не признавать его или держаться въ сторонѣ отъ него, для рабочаго равносильно не интересоваться своей собственной участью. Поэтому логично, что присоединяются къ профессіональной организаціи всѣ тѣ, кто не согласенъ унижаться до эксплоатаціи людей и подчиняться смиренно нуждѣ. Только здѣсь они могутъ встрѣчаться и трудиться сообща въ увѣренности, что ихъ усилія не пройдутъ безслѣдно. Въ синдикатѣ, дѣйствительно, нѣтъ возможности колебаться и шататься, такъ какъ онъ—союзъ, основанный на сходствѣ интересовъ, полезности, общности.

Этотъ характеръ абсолютной полезности не развивается ни въ какихъ другихъ формахъ группировки. Каждая можетъ

имѣть свои полезныя стороны, сохраняя остальные недостатки и неправильности, отнимающіе у нея характеръ необходимости.

Союзъ по сродству.

Къ той же категоріи полезныхъ организацій, неизбѣжность которыхъ не всякому ясна, относится организаціи по сродству. Въ продолженіе долгаго времени различныя революціонныя и соціалистическія школы считали таковыя основой организацій, а нѣкоторые даже не колеблясь провозгласили ихъ болѣе важными, нежели синдикатъ. Союзъ по сродству—по идеѣ, по сходству убѣжденій, но не по общности интересовъ. Это *соціальный кружокъ*, *научная группа*, *народный университетъ* и проч.

Въ этихъ союзахъ интеллектуальная связь, нравственная общность, сходство стремленій, одинаковость надеждъ и взглядовъ на будущее. Но недостаетъ матеріальной основы, которая могла бы сообщить длительную жизнеспособность этимъ союзамъ. Будучи только результатомъ мозгового творчества, а не осязаемыхъ интересовъ, они рискуютъ исчезнуть изъ жизни, когда стремленія, объединяющія ихъ, перестанутъ находиться въ гармоническомъ согласіи, или когда осуществленіе ихъ затянется слишкомъ долго и истощитъ энергію.

Этимъ симптомамъ разложенія нужно приписать застой союзовъ по сродству. Они въ періоды чрезвычайнаго общественнаго подъема могутъ развиться до значительной степени. Но это явленіе искусственное, такъ какъ ихъ ростъ вполнѣ зависитъ отъ принятія ихъ членами модныхъ теорій. Изъ этого слѣдуетъ, что ихъ ростъ затруднителенъ. И потому, что въ этихъ союзахъ отсутствовали всѣ матеріальные интересы, у нихъ замѣчается тенденція къ утонченностямъ, къ удовлетворенію отвлеченностью и обособленію отъ народной массы.

Чтобы дойти до такого союза, ужиться въ немъ и пожелать примкнуть къ нему, необходимо пережить интеллектуальную эволюцію, понять отвратительный характеръ современнаго общества и захотѣть его перестроить. Полуинтеллигентный рабочій, который проникнетъ туда, рискуетъ не получить удовлетворенія отъ диспутовъ, которые тамъ ведутся и смыслъ которыхъ онъ еще не въ состояніи уловить. Вѣроятно, благодаря отсутствію

побудительнаго осязательнаго интереса, онъ разочаруется и не вернется въ эту среду.

Такой опытъ показываетъ правдоподобность конца: союзы по сродству существуютъ вотъ уже четверть вѣка и несмотря на интенсивную пропаганду, очагомъ который они были, не имѣли правильнаго роста, ихъ развитіе и ихъ жизнеспособность зависили отъ дѣятельности личности до такой степени, что, когда она отсутствовала или прекращалась, союзъ замиралъ. Однако, все же нельзя отрицать, что дѣло этихъ союзовъ было плодотворно. Въ прошлый періодъ они во многихъ мѣстахъ пробудили народное самосознаніе и тѣмъ самымъ облегчили зарожденіе союзовъ иного порядка, начиная съ синдикатовъ. Итакъ, эта критика союзовъ по сродству только простое указаніе, что дѣятельность этихъ союзовъ, какъ бы она ни была хороша, имѣетъ не болѣе, какъ второстепенное значеніе. Они не могутъ соперничать съ дѣятельностью профессіональныхъ союзовъ, которые благодаря своему экономическому основанію — единственно способны измѣнить условія труда, подготовить и довести до благополучнаго конца общественное переустройство.

Автономія профессіональнаго союза.

Насколько бы ни былъ синдикатъ выше другихъ формъ организаціи, изъ этого не слѣдуетъ, что его жизнь существенно независима отъ той, какую сообщаютъ ему члены. Вотъ почему послѣдніе, чтобы совершить актъ сознательныхъ профессіоналистовъ, должны активно преслѣдовать задачи синдиката. Съ ихъ стороны было бы полнымъ незнаніемъ того, что составляетъ силу этого союза, еслибы они предположили, что стали лучшими членами, поддерживая синдикатъ только матеріально. Конечно, хорошо дѣлать правильные взносы, но это самая малая часть того, что должно дѣлать для самого себя, а слѣдовательно и для синдиката: но необходимо знать, что значеніе синдиката оцѣнивается не по размѣру его финансовыхъ сбереженій, а по росту совокупной энергіи его членовъ. Личность—основное ядро синдиката. Только для членовъ синдиката не представляются тѣ понижающія явленія, которыя свойственны демократической средѣ и которыя выражаются въ чрезмѣрномъ почетѣ при все-

общей подачѣ голосовъ и являются стремленіемъ къ подавленію и умаленію человѣческой личности. Въ демократической средѣ выборщикъ можетъ пользоваться своей волей для одного только акта—отреченія: онъ призванъ „подавать свой голосъ“ за кандидата, котораго онъ желаетъ имѣть „представителемъ“.

Принадлежность къ синдикату не требуетъ ничего подобнаго. И самый чуткій не сумѣетъ открыть малѣйшаго покушенія на личную индивидуальность: членъ синдиката остается всегда, чѣмъ онъ былъ раньше, и впослѣдствіи онъ такъ же самостоятеленъ, какъ и былъ до того. Вступая въ какой-нибудь союзъ, рабочій заключаетъ съ равными по желанію и силѣ товарищами договоръ, который можетъ быть расторгнутъ во всякую минуту. И ни въ какой моментъ желаніе, которое у него возникаетъ, и дѣйствіе, которое онъ захочетъ предпринять, не получаетъ медлительнаго характера, не будетъ отреченіемъ отъ индивидуальности, чѣмъ отличаются и характерны политическія голосованія. Синдикату, напримѣръ, потребуется образовать синдикальный совѣтъ и поручить ему административныя функціи. Нельзя сравнивать это соединеніе съ избраніемъ, потому что въ такихъ случаяхъ голосованіе только средство для раздѣленія труда: оно не сопровождается никакими полномочіями. Функціи синдикальнаго совѣта точно распредѣлены: онѣ чисто административны. Совѣтъ дѣлаетъ то дѣло, которое ему подлежитъ, никогда не превышая своихъ полномочій, подчиняясь имъ и всегда считаясь съ ними.

То же можно сказать и обо всѣхъ постановленіяхъ, принятыхъ синдикатомъ. Всѣ постановленія ограничиваются частнымъ и опредѣленнымъ актомъ, тогда какъ въ демократической области избраніе означаетъ, что выбранный получилъ отъ своего выборщика полную свободу вездѣ дѣйствовать и рѣшать всѣ вопросы по своему личному усмотрѣнію... безъ всякаго ограниченія даже въ случаяхъ возможнаго несогласія со стороны его выборщиковъ, оппозиція которыхъ, въ чемъ бы она не выражалась, не имѣетъ значенія, пока полномочіе остается въ силѣ.

Слѣдовательно, немыслимы никакія параллели, а тѣмъ болѣе сближенія работы синдиката съ обманчивою политическою дѣятельностью.

Въ нормально функціонирующемъ синдикатѣ личность син-

дикалиста господствуетъ неограниченно. Благодаря тому, что ея автономность оберегается, она единственно въ этой средѣ можетъ достигнуть максимума своего расцвѣта.

Конечно, возможно, что въ нѣкоторыхъ современныхъ организаціяхъ полнота жизни не достигается. Но эта пріостановка въ развитіи никогда не должна являться для рабочихъ—каково бы ни было ихъ умственное развитіе—достаточной причиной держаться въ сторонѣ отъ синдиката. Напротивъ! Всякій, кто понимаетъ превосходство профессіональной организаціи, въ которой онъ дѣйствуетъ какъ единица, долженъ способствовать ея органической эволюціи. Еслибы синдикатъ былъ учрежденіемъ со строгими рамками, гдѣ настоящее принужденіе кастрировало бы рабочія массы, то могло бы развиться нѣкоторое отвращеніе къ нимъ. Только это не такъ. Синдикатъ является жизненнымъ союзомъ. Онъ—постоянно измѣняющееся продолженіе индивидуальностей, составляющихъ его, и онъ отливается по типу умственныхъ запросовъ его членовъ. Отъ нихъ зависитъ не позволить ему окостенѣть подъ вліяніемъ демократическаго наркоза.

Было бы слишкомъ большой ошибкой переложить отвѣтственность за промахи, возможныя въ нѣкоторыхъ профессіональныхъ союзахъ, на самый принципъ синдиката. Вотъ несомнѣнное положеніе: если ошибки случаются въ профессіональныхъ союзахъ, такъ только по тому, что масса членовъ синдиката до сихъ поръ еще проникнута демократизмомъ и вноситъ въ профессіональную среду политическія заблужденія, подъ властью которыхъ она находилась слишкомъ долго. Поэтому-то предусмотрительнымъ борцамъ, замѣчающимъ такія ошибки, не слѣдуетъ изъ-за нихъ охладѣвать къ синдикату и обособляться, но надо удвоить свои усилія и, дружески указавъ опасность, стараться уничтожить ее.

Впрочемъ, эти ошибки, являющіяся регрессивными стремленіями, искореняются свойственной синдикату активностью: добровольно, посредствомъ нормальнаго развитія, сглаживаются разграниченія, пережитки демократизма. Грустно, что это такъ; но нѣтъ никакой возможности соединить эти двѣ доктрины. Синдикализмъ и демократизмъ два противоположныхъ полюса, другъ друга взаимно исключающіе. Примѣры—въ изобиліи, и каждый

можетъ ихъ запомнить. Во всѣхъ экономическихъ союзахъ, куда проникла политика, замѣчается дезорганизація и упадокъ.

Въ то время, какъ демократизмъ—излишнее соціальное бремя, паразитное и внѣшнее выраженіе, синдикализмъ—логическое проявленіе жизненнаго развитія. Это—раціональный союзъ человѣческихъ личностей. И вотъ почему вмѣсто того, чтобы подавлять ихъ индивидуальность, онъ ее развиваетъ и увеличиваетъ.

Синдикатъ—школа воли.

Сократовское „познай самого себя" дополняется въ примѣненіи къ синдикату слѣдующимъ изрѣченіемъ: „дѣлай свои дѣла самъ". Поэтому синдикатъ является школой воли. Его видная роль истекаетъ изъ совокупности воли его членовъ. И если онъ является высшей формой ассоціаціи, то только потому, что онъ сгустокъ рабочихъ силъ, ставшихъ дѣятельными благодаря ихъ непосредственной работѣ, высшему проявленію воли, активности пролетарскаго класса.

Буржуазія старалась проповѣдывать народу терпѣніе и покорность, заставляя его вѣрить, что прогрессъ совершится какимъ-то чудомъ, безъ участія съ его стороны, благодаря чисто внѣшнему вмѣшательству государства. Это было только вѣчнымъ продолженіемъ, только въ менѣе отрицательной формѣ, тысячелѣтнихъ религіозныхъ вѣрованій. Въ то время, какъ правящіе хотѣли поддержать эту нелѣпую иллюзію или не менѣе нелѣпый религіозный миражъ, рабочіе создавали незамѣтно, но съ непобѣдимой стойкостью, организацію освобожденія, какой и является синдикатъ.

Эта организація, настоящая школа воли, установилась и развилась въ теченіе девятнадцатаго столѣтія. Благодаря ей, благодаря экономическому основанію рабочіе могли противостоять прививкѣ политическаго яда и отвергнуть всякую попытку разъединенія.

Профессіональные союзы образовались въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка несмотря на запрещенія, которыми ихъ подавляли. Преслѣдованіе было немилосердно; оно направлялось противъ тѣхъ, кто имѣлъ мужество вступить въ члены синдиката.

Поэтому приходилось ухитряться избѣгнуть репрессій. Чтобы соединяться безъ риска, рабочіе маскировали свои ассоціаціи сопротивленія болѣе успокоительной внѣшностью, какъ напримѣръ, придавая имъ характеръ взаимопомощи.

Благотворительные союзы все-таки не могли обмануть буржуазію, которая отлично знаетъ, что какъ просто успокоительное средство, они, ни въ какомъ случаѣ, не въ состояніи исцѣлить отъ нужды. Надежда на милосердіе—снотворная припарка, годная только на то, чтобы помѣшать эксплоатируемымъ задумываться надъ своей горестной судьбой и искать спасенія. Вотъ почему союзы взаимопомощи всегда допускались, если и не поощрялись правящими.

Рабочіе сумѣли воспользоваться терпимостью правящихъ по отношенію къ такимъ союзамъ; они соединились подъ предлогомъ взаимопомощи на случай болѣзни, для устройства убѣжищъ и проч. Въ то же время они преслѣдовали болѣе жизненную цѣль: они занимались улучшеніемъ условій своего существованія и стремились къ борьбѣ противъ хозяйскихъ требованій. Ихъ тактика не всегда могла обмануть власть, которая, по предупрежденію хозяевъ, часто уничтожала сомнительныя общества взаимопомощи.

Позднѣе, когда, привыкшіе къ выступленію за самихъ себя, рабочіе почувствовали себя достаточно сильными, чтобы пренебречь закономъ, они сбросили маску взаимопомощи и откровенно называли свой союзъ *обществомъ сопротивленія.*

Красивое названіе! Выразительное, ясное. Въ немъ самомъ содержится программа дѣйствій. Оно доказываетъ, насколько, при всей юности союзовъ, рабочіе чувствуютъ потребность не идти дорогой политикановъ, а также ни въ какомъ случаѣ *не* связывать собственныхъ интересовъ съ интересами буржуазіи, а наоборотъ, стать противъ нея и въ оппозиціи.

Замѣчательно, что дѣтскій лепетъ классовой борьбы въ интернаціональномъ союзѣ рабочихъ могъ дать такую чистую и опредѣленную формулу, что „освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ".

Эта формула — блестящее доказательство рабочей силы, очищенной отъ всякой примѣси демократизма. Она служила руководящей идеей всякаго пролетарскаго движенія. Впрочемъ,

ноа была только категоричнымъ и открытымъ признаніемъ стремленій и броженій народа. То, что исчерпывающе опредѣляетъ народъ, — это теоретическое согласованіе въ профессіональномъ движеніи; второстепенно и неважно заявленіе, подчеркнутое Интернаціоналомъ.

Установивъ принципъ, что рабочіе должны расчитывать только на свои собственныя силы, декларація Интернаціонала пополнила требованія необходимыя для пролетаріата, указывая, что только своей непосредственной дѣятельностью онъ добьется осязательнаго результата; она прибавила:

Слѣдуетъ принять во вниманіе:

что экономическая зависимость отъ владѣльца средствъ производства, т. е. источниковъ жизни, первопричина политической, моральной и матеріальной подчиненности;

что экономическое освобожденіе рабочихъ—основная цѣль, которой политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство.

Слѣдовательно, Интернаціоналъ не ограничился выставленіемъ требованій только автономіи рабочихъ. Онъ пополнилъ свою декларацію, утверждая, что политическая агитація и измѣненія формы правленія не должны вліять на рабочихъ такъ, чтобы заставить ихъ позабыть экономическую дѣйствительность.

Современное профессіональное движеніе является лишь логическимъ слѣдствіемъ Интернаціонала; согласіе абсолютное, и мы продолжаемъ ученіе нашихъ учителей въ той же плоскости.

Только тогда, когда Интернаціоналъ предъявлялъ свои первыя требованія, рабочая воля была еще слишкомъ мало прозорлива для того, чтобы экономическое сознаніе господствовало безъ возможныхъ отклоненій.

Рабочій классъ долженъ былъ испытать различное вліяніе нечистоплотныхъ политикановъ, которые видѣли въ народѣ средство для своего успѣха, гипнотизировали его похвалами и предавали его. Съ другой стороны—онъ позволилъ увлечь себя людямъ искреннимъ и безкорыстнымъ, которые, пропитавшись демократизмомъ, придавали слишкомъ большое значеніе государственному преобразованію.

Благодаря такому двойственному вліянію, въ настоящій періодъ, „начинающійся въ гекатомбѣ 1871 года“, профессіональ-

ное движеніе долго прозябало, расшатанное въ различныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны, мелочные политиканы старались завладѣть синдикатами, чтобы при ихъ помощи возвыситься съ другой стороны, соціалисты различныхъ школъ цѣплялись за него ради распространенія господства своихъ стремленій. Слѣдовательно, и тѣ, и другіе старались паредѣлать синдикатъ-союзъ по интересамъ—въ союзъ по сродству.

Профессіональное движеніе имѣло слишкомъ могучіе корни и слишкомъ настоятельную необходимость, чтобы различныя усилія могли подавить его развитіе. Теперь оно продолжаетъ дѣло Интернаціонала, дѣло піонеровъ общества сопротивленія и первоначальныхъ союзовъ. Конечно, стремленія стали болѣе важными, теоріи выяснились, но есть абсолютное тожество между движеніемъ девятнадцатаго вѣка и движеніемъ двадцатаго: одно вытекаетъ изъ другого! На лицо послѣдовательный ростъ, стремленіе всегда сознательной воли, проявленіе всегда координированныхъ пролетарскихъ силъ, которыя расцвѣтаютъ все въ болѣе увеличивающемся единствѣ стремленій и дѣятельности.

Задача профессіональныхъ союзовъ.

Задача профессіональныхъ союзовъ преслѣдуетъ двоякую цѣль: она должна стремиться самымъ тщательнымъ образомъ къ достиженію улучшеній современныхъ условій рабочаго класса, но, не позволяя поглотить себя этой второстепенной цѣли, рабочіе должны стараться сдѣлать возможнымъ въ недалекомъ будущемъ первостепенный шагъ къ полному освобожденію—экспропріаціи капиталистовъ.

Превосходство профессіональныхъ союзовъ надъ другими союзами состоитъ въ томъ, что дѣло частичнаго улучшенія и болѣе важное дѣло соціальнаго переустройства ведутся одновременно и параллельно. Вотъ почему синдикатъ отвѣчаетъ этому двоякому стремленію и развиваетъ его, не уничтожая ничьей иниціативы, не подавляя никакого порыва, не принося въ жертву настоящаго будущему, а будущее настоящему... Вотъ для всего-то этого синдикатъ и является наилучшей организаціей по преимуществу.

Современное назначеніе.

Въ настоящемъ—дѣятельность синдиката ведетъ къ завоеванію частичныхъ, постепенныхъ улучшеній, которыя далеки отъ того, чтобы быть конечной цѣлью, и могутъ быть разсматриваемы какъ средство, чтобы требовать большаго и вырвать у капиталистовъ новыя улучшенія.

Синдикатъ даетъ возможность сопротивленія хозяевамъ, геометрически пропорціональнаго сопротивленію его членовъ; онъ обуздываетъ аппетиты эксплоататора и внушаетъ ему уваженіе къ условіямъ труда менѣе драконовскимъ, чѣмъ тѣ, которыя устанавливаются при заключеніи найма разрозненныхъ пролетаріевъ. Этому неизмѣримому контрасту бронированнаго капиталомъ хозяина съ совершенно нагимъ пролетаріемъ,—они противопоставляютъ коллективное соглашеніе.

Тогда, передъ предпринимателемъ встаетъ синдикатъ, который уничтожаетъ отвратительный „рынокъ труда“ и предлагаетъ руки, до нѣкоторой степени ограничивая грустныя послѣдствія избытка безработныхъ; онъ внушаетъ капиталисту уваженіе къ рабочимъ, а также, смотря по своимъ силамъ, требуетъ въ свою пользу нѣкоторыхъ крохъ привиллегій.

Этотъ вопросъ частичныхъ улучшеній послужилъ поводомъ, чтобы попытаться ввести разногласіе въ профессіональныя организаціи. Политиканы, живущіе только смѣшеніемъ идей, огорчаемые возростающимъ отвращеніемъ синдиката къ ихъ личностямъ и ихъ опасному вмѣшательству, попытались внести въ экономическую семью раздоръ, благодаря которому они завербовываютъ выборщиковъ. Они постарались создать раздоръ и раздѣлить синдикатъ на два лагеря, распредѣляя рабочихъ на реформистовъ и революціонеровъ. Чтобы вѣрнѣе дискредитировать этихъ послѣднихъ, они окрестили ихъ именемъ „приверженцы всего или ничего“, или ложно обвинили ихъ, называя противниками современныхъ возможныхъ улучшеній. Эти нарицанія были превосходны по своей глупости. Не найдется ни одного рабочаго, каковы бы ни были его развитіе и стремленія, который по принципу или изъ-за тактики заупрямился бы работать

для хозяина впродолженіе восьми часовъ вмѣсто десяти и за семь франковъ вмѣсто шести.

И вотъ такимъ-то идіотскимъ вздоромъ политиканы надѣются отдалить рабочій классъ отъ экономической организаціи, и убѣдить его не устраивать самому своихъ дѣлъ и самостоятельно работать для завоеванія благосостоянія и свободы. Они расчитываютъ на ядъ клеветы, чтобы разрушить синдикаты, чтобы возродить на ихъ лонѣ пустую болтовню, которая исчезла съ тѣхъ поръ, какъ оттуда была изгнана политика.

Вотъ что придаетъ кажущуюся основательность этимъ попыткамъ: синдикатъ, выздоровѣвшій благодаря жестокимъ урокамъ опыта отъ мечтаній вмѣшаться въ государственное управленіе, питаетъ къ нимъ законное недовѣріе. Рабочіе знаютъ, что государство, дѣятельность котораго заключается въ томъ, чтобы быть жандармомъ капитала, по своей природѣ стремится наклонить балансъ въ сторону хозяина. По этому, если какая-нибудь реформа является къ нимъ законнымъ путемъ, они не накидывается на нее съ жадностью лягушки на красную тряпку, скрывающую крючекъ; они принимаютъ ее съ мудрою осторожностью, тѣмъ болѣе, что такая реформа не можетъ осуществиться, если рабочіе недостаточно организованы, чтобы заставить силой примѣнить ее. Синдикаты тѣмъ болѣе не довѣряютъ правительственнымъ подаркамъ, что они не разъ испытывали ихъ оттѣнокъ. Они питаютъ очень скудное уваженіе къ такимъ подаркамъ, какъ: *высшій совѣтъ труда и совѣты труда*—учрежденіямъ, придуманнымъ единственно съ цѣлью отвлечь и подавить профессіональное движеніе и организаціи. Такъ же они не чувствуютъ ни малѣйшаго энтузіазма по отношенію къ обязательному третейскому суду и регламентаціи забастовокъ, самымъ яркимъ результатомъ чего является лишеніе рабочихъ возможности сопротивляться. Такъ же помощь юридическая и и коммерческая, подаренная сверху рабочимъ организаціямъ, ровно ничего не стоитъ въ ихъ глазахъ, такъ какъ они видятъ въ этомъ желаніе отвлечь ихъ отъ соціальной борьбы и переманить на капиталистическую почву, гдѣ прекратится классовая борьба при помощи изворотливости и денегъ. Но изъ того, что синдикаты питаютъ жестокое недовѣріе къ благосклонности правительства, вовсе не слѣдуетъ, чтобы они отказыва-

лись отъ пріобрѣтенія частичныхъ улучшеній. Вотъ почему, вмѣсто того чтобы ждать ихъ отъ усмотрѣнія власти, они вырываютъ ихъ непосредственной борьбой—своей прямой дѣятельностью.

Если, какъ иногда случается, улучшеніе, которое они требуютъ, зависитъ отъ закона, синдикаты добиваются его при помощи внѣшняго давленія на общественную власть, но не стараются провести въ парламентъ спеціальныхъ депутатовъ—дѣтская игра, которая можетъ тянуться цѣлые вѣка, пока не создастся желанное большинство для желательной реформы.

Когда же улучшеніе зависитъ прямо отъ капиталиста, профессіональный союзъ выражаетъ свою волю могучимъ давленіемъ. Средства различны, хотя всегда исходятъ изъ принципа непосредственной дѣятельности. Смотря по обстоятельствамъ, они прибѣгаютъ къ забастовкѣ, къ саботтажу, бойкоту, лебелю.

Но какимъ бы ни было пріобрѣтенное улучшеніе, оно всегда является уменьшеніемъ привиллегій капиталистовъ, частичной экспропріаціей. Однако, когда, не удовлетворившись политиканскимъ словопреніемъ, анализируютъ процессъ профессіональной дѣятельности, исчезаетъ субтильное различіе реформистовъ и революціонеровъ и приходится заключить, что дѣйствительно реформистами-работниками являются профессіоналисты революціонеры.

Переустройство будущаго.

Кромѣ политической защиты, синдикаты должны еще подготовить будущее.

Производительная группа должна быть основной ячейкой новаго общества. Невозможно дѣйствительно совершить преобразованіе соціальнаго строя на иныхъ основахъ. Поэтому необходимо, чтобы производители приготовлялись къ завладѣнію и реорганизаціи производства, которыя выпадаютъ на ихъ долю и которыя только они способны довести до благополучнаго конца.

Мы хотимъ произвести соціальную революцію, а не политическую. Это два разныхъ явленія. Это двѣ тактики, ведущія въ противоположныя стороны.

Для цѣли, которую мы преслѣдуемъ, всякое разсѣяніе на по-

литической почвѣ, это—уклоненіе отъ полезной цѣли. И дѣйствительно, если предположимъ, что благодаря парламентской агитаціи большинство выборщиковъ поднимется и что изъ этого произойдетъ захватъ власти соціалистическимъ правительствомъ, что же изъ этого получится? Развѣ это правительство сумѣло бы декретами и законами произвести соціальное переустройство?—въ этомъ не сомнѣваться. Оно сдѣлало бы то, что видѣли во время коммуны въ 1871 году, когда революціонное собраніе объявило декретомъ, что рабочіе могутъ взять себѣ мастерскія, оставленныя хозяевами, но этотъ декретъ остался мертвой буквой, такъ какъ рабочіе не были подготовлены экономическимъ развитіемъ.

Можетъ быть, возразятъ, что предположеніе о неспособности соціалистическаго правительства произвести общественное переустройство слишкомъ пессимистично. Но оно является логическимъ выводомъ изъ необходимости политической агитаціи: на этой почвѣ не столько стараются выучить своихъ выборщиковъ умѣть думать, сколько выдрессировать умѣло подавать голосъ. Доказательство въ томъ, что завоеванія соціалистовъ позже снова попали въ большинствѣ случаевъ въ руки буржуазіи. Какъ бы ни были неопрятны средства, употребляемыя реакціонерами, чтобы добиться успѣха, нужно признать, что они все-таки показываютъ, что среди выборщиковъ, которые такъ измѣнились, мало развито соціалистическое сознаніе.

Абсолютно необходимо освоиться съ дѣломъ экономическаго преобразованія. Это возможно только въ синдикатѣ. Только тамъ можно изслѣдовать какимъ образомъ и въ какихъ условіяхъ должны дѣйствовать кооперативные союзы рабочихъ, чтобы, во-первыхъ, уничтожить капиталистовъ, а во-вторыхъ, преобразовать производство и обезпечить распредѣленіе продуктовъ на коммунистическихъ началахъ.

Пока не будетъ совершено дѣло предварительной подготовки, чтобы образовалось достаточно могущественное активное меньшинство для уничтоженія силы буржуазіи, до тѣхъ поръ всякая надежда на полное освобожденіе немыслима.

Пока рабочіе не свыкнутся со всеобщей забастовкой, которая при современныхъ условіяхъ является единственнымъ сред-

ствомъ уничтожить капиталистическій и государственный строй, они должны будутъ оставаться въ положеніи пролетаріевъ.

Слѣдуетъ сильно проникнуться важностью, какую должна будетъ получить экспропріирующая всеобщая забастовка. Нужно понять, что слѣдствіемъ ея будетъ измѣненіе общественнаго строя, его внѣшней организаціи и коренное измѣненіе основъ.

Большія государственныя отягощенія, которыя кажутся теперь необходимыми, какъ, напр., министерства, администрація будутъ отброшены. Жизнь уйдетъ отъ нихъ, потому что новыя организаціи позаботятся о возможно рѣдкихъ случаяхъ общественныхъ сношеній, которыя создавали иллюзію ихъ полезности. Главными организаціями будутъ большія профессіональныя федераціи, на долю которыхъ выпадетъ впредь регулированіе производства и удовлетвореніе спроса потребителей.

Между прочимъ въ центрахъ рабочей активности биржа труда замѣнится муниципалитетомъ, станетъ коммунистическимъ очагомъ и уничтожитъ нынѣшній муниципальный центръ — думу. Господствующей въ этомъ новомъ экономическомъ союзѣ будетъ экономическая децентрализація, которая расцвѣтетъ на развалинахъ капитализма, и децентрализація государственная и муниципальная.

Это—проблеммы соціальнаго преобразованія. Необходимо, чтобы ихъ изучалъ синдикатъ. Каждый долженъ задать себѣ вопросъ: „что дѣлать намъ въ случаѣ всеобщей забастовки?“ Каждый, смотря по ремеслу и по производству, можетъ варьировать отвѣтъ касающійся процесса дѣятельности, но всѣ должны сходиться у единой цѣли: развиваться и приготовляться къ плодотворной революціи. И было бы жаль пренебречь этой гимнастикой настолько же образовательной, насколько спекулятивной; необходимо ее преслѣдовать съ такою же тщательностью, какъ и повседневныя, временныя улучшенія. И дѣйствительно, это превосходное соотношеніе между двумя формами задачи синдиката: поднять значеніе профессіональныхъ организацій.

Синдикатъ, какъ мы его разсмотрѣли, является союзомъ преобразованія, а не застоя. Еслибы онъ ограничился дѣломъ взаимопомощи, онъ могъ бы заботиться только о ранахъ и объ

убійствахъ жизни, что является слабостью, неспособной разрушить капиталистическій строй. Соціальное преобразованіе не могло бы осуществиться.

Но это не такъ. Прежде всего и больше всего синдикатъ—союзъ борьбы. Его постоянное занятіе—отысканіе причинъ соціальнаго зла, ихъ изученіе, борьба съ ними до полнаго уничтоженія. Эта боевая задача внушена непреложной необходимостью; съ синдикатомъ, какъ и съ личностью: онъ не можетъ существовать въ полной изолированности. Чтобы увеличить свои силы, онъ долженъ войти въ соглашеніе съ себѣ подобными и завязать сношенія съ другими синдикатами.

Впрочемъ, экономическая организація общества вынуждаетъ синдикатъ къ расширенію дѣятельности. Корпорація не имѣетъ ничего противъ устойчивой загородки, гдѣ возможно скрыться и отрѣшиться отъ всего міра; она открыта для всѣхъ и, если вслѣдствіе узости взгляда какая-нибудь привиллегированная корпорація занимается лишь собою, внѣшній приливъ быстро дастъ ей почувствовать, что солидарность необходимое условіе жизни.

Этотъ неизбѣжный союзъ синдикатовъ осуществляется на биржѣ труда и посредствомъ корпоративныхъ федерацій. Условія и результаты этихъ координированныхъ усилій будутъ предметомъ обсужденія слѣдующей брошюры: „Партія труда“.

Приложеніе.

Функціи синдиката.

Къ теоретическимъ соображеніямъ, изложеннымъ выше, было бы небезполезно прибавить нѣсколько краткихъ практическихъ указаній въ небольшомъ объемѣ:

Какъ взяться за дѣло, чтобы организовать синдикатъ?

Ничего нѣтъ проще. Нѣсколько товарищей по иниціативѣ, соединенные такимъ желаніемъ, вырабатываютъ положеніе, по возможности самое краткое, и вносятъ его въ мэрію. Кромѣ того еще требуется формальность: оставить въ мэріи списокъ именъ администраторовъ, которые должны быть французской національности. (Можно довести при желаніи администрацію до самаго простого устройства: секретарь, кассиръ; но въ большинствѣ слу-

чаевъ она пополняется синдикальнымъ совѣтомъ, въ которомъ можетъ быть любое число членовъ).

Можно основать синдикатъ, вовсе не заботясь о законѣ 1884 года противъ синдикатовъ. Достаточно сорганизоваться и дѣйствовать, пренебрегая уставомъ и именами администраторовъ. До послѣднихъ лѣтъ были многочисленные, покорные закону синдикаты и если ихъ численность уменьшилась, такъ только потому, что синдикаты почувствовали себя довольно сильными, чтобы пренебрегать закономъ.

Способъ объединенія. Смотря по средѣ, синдикаты устраиваются по профессіи или по опредѣленному производству. Обыкновенно онъ группируетъ рабочихъ какой-нибудь профессіи и сходной съ нею. Подъ предлогомъ неяснаго разграниченія закономъ, что рабочіе государства и муниципалитета могутъ вступать въ члены, стѣсненія были перенесены въ группы товарищей. Пусть они не волнуются, что они внѣ закона, пусть они объединятся, пусть будутъ сильны и власти станутъ уважать ихъ организацію.

Въ такихъ громадныхъ предпріятіяхъ, какъ горнозаводство, или огромныхъ эксплоатаціяхъ, какъ желѣзная дорога, синдикатъ долженъ объединить рабочихъ всѣхъ категорій. Способъ объединенія здѣсь указанъ формой патроната и дѣйствительно ясно, что эксплоатируемые такихъ большихъ предпріятій, не имѣли бы совершенно силы сопротивляться и требовать чего-либо, еслибы они образовали частичный синдикатъ.

Одинъ вопросъ волнуетъ борцовъ, — какъ объединяться: по ремеслу или по производству? Первому изъ этихъ двухъ способовъ можно поставить въ упрекъ предпочтеніе духа тѣлу, но каковы бы ни были преимущества каждаго, во всякомъ случаѣ нужно избѣгать, чтобы синдикатъ не ступилъ на скользкій путь союза по сродству убѣжденій. Въ такого рода союзахъ, гдѣ соединяются рабочіе различныхъ ремеслъ, господствуетъ политика и неправильное распредѣленіе труда, несмотря на синдикальный этикетъ, являются соціальными группами, въ которыхъ сродство преобладаетъ надъ интересами. Слишкомъ долго политика была краеугольнымъ камнемъ синдикатовъ. Борцы должны слѣдить, чтобы не повторились ошибки прошлаго.

Что же касается нерегулярныхъ синдикатовъ, то они объединяютъ товарищей по сходству мнѣній и открываютъ двери

всѣмъ опасностямъ прошлаго. Если бы всѣ рабочіе такъ поступали, не было бы вовсе синдикатовъ, а были бы соціальныя группы. Съ другой стороны, будничная работа отодвигается отъ нихъ слишкомъ далеко и они принимаютъ участіе въ дѣлѣ экспропріаціи только отвлеченно, а не съ профессіональной точки зрѣнія.

Паи. Чтобы синдикатъ имѣлъ возможность вести пропаганду, ему нужны люди, а также деньги; необходимы членскіе взносы. Въ какомъ размѣрѣ? Не менѣе 50-ти сантимовъ, лучше 1 франкъ въ мѣсяцъ. Незначительный расходъ, легко пополнимый.

Не надо однако обольщаться до такой степени, чтобы думать, что солидная профессіональная касса можетъ защищать отъ произвола капиталиста. Это исключеніе. Въ большинствѣ случаевъ частичная забастовка достигаетъ цѣли благодаря поддержкѣ со стороны всѣхъ синдикатовъ. Поэтому лучшей синдикальной кассой является солидарность и готовность помочь товарищамъ въ борьбѣ... Тѣ которые даютъ, въ свою очередь получатъ, когда имъ будетъ нужно. Слѣдовательно, синдикальная касса прежде всего должна быть основана, во-первыхъ—для пропаганды, во-вторыхъ—для солидарности.

Общія собранія. Синдикальный совѣтъ исполняетъ постановленія общаго собранія синдиката, которому онъ всегда подчиняется. Всѣ члены должны посѣщать собранія. Если они отсутствуютъ, они должны соглашаться съ принятымъ рѣшеніемъ. Иначе не можетъ быть, чтобы не попасть въ опасность демократизма, гдѣ малосознательные и слабые поглощаютъ энергичныхъ. Рѣшенія общихъ собраній должны быть окончательными, каково бы ни было число присутствующихъ. Собраніе можетъ найти полезнымъ по какому-нибудь важному вопросу собрать референдумъ изъ всѣхъ членовъ, но нужно, чтобы того захотѣло общее собраніе. Если бы, напримѣръ, синдикальный совѣтъ, не желая исполнять принятаго рѣшенія, по собственному желанію собралъ референдумъ, онъ устроилъ бы маленькое синдикальное coup d'etat. Онъ ввелъ бы въ синдикальную организацію политическую систему, подавляющую сознательную иниціативу массой компактнаго и стаднаго большинства.

Взаимопомощь. Отъ необходимости, которая заставляла прежніе синдикаты маскировать свою экономическую дѣятельность

взаимопомощью, до сихъ поръ уцѣлѣли нѣкоторыя тенденціи. Есть синдикаты, которые занимаются взаимопомощью. Оказываютъ помощь больнымъ, имѣютъ сберегательныя кассы и проч. Въ нихъ заключена опасность, которой должны остерегаться товарищи. И не потому, что взаимопомощь по своей основѣ что-нибудь дурное, а потому, что она можетъ отвлечь синдикатъ отъ его дѣятельности. Синдикатъ исключительно боевая организація и было бы желательно, чтобы ни одно дѣло взаимопомощи не касалось его, чтобы оно имѣло свои спеціальные источники. То же можно сказать о кооперацiяхъ потребленія и, въ особенности, производства. Если хотятъ заниматься имъ, пусть это будетъ наряду съ синдикатами. Дѣйствовать иначе, значитъ рисковать профессіональной организаціей, отклонить ее отъ правильнаго пути и затмить характеръ соціальной борьбы, которая является ея raison d'être.

Эмиль Пуже.

ОСНОВЫ СИНДИКАЛИЗМА

Перев. съ франц. Э. Ивинской.

Опредѣленіе Синдикализма.

Слово *синдикализмъ* получило въ послѣднее время болѣе широкое толкованіе, чѣмъ это опредѣлено этимологіей. Конкретный смыслъ, который оно имѣло до сихъ поръ, остается. Это слово употребляютъ, когда говорятъ про „членовъ профессіональныхъ организацій". Но кромѣ этого туманнаго и безцвѣтнаго значенія, съ помощью небольшой натяжки оно можетъ такъ же хорошо примѣняться къ понятію *желтыхъ* синдикалистовъ, равно какъ и *красныхъ* и пріобрѣтаетъ новый и очень важный смыслъ.

Слово *синдикализмъ* стало энергическимъ терминомъ, обозначающимъ „моментъ" сознательности рабочаго класса. Этого названія требуютъ работники, отбросившіе болѣзненныя и ложныя представленія и сознавшіе, что улучшенія, какія бы они ни были, частичныя и общія, зависятъ исключительно отъ силы и воли народа. На развалинахъ стадныхъ надеждъ и суевѣрныхъ вѣрованій въ чудеса, укрѣпляющихъ вѣру въ божественное, а равно какъ и въ государственное провидѣніе, они выработали священное и истинно гуманное ученіе, основывающееся на доказательствѣ и толкованіи дѣйствительныхъ соціальныхъ явленій.

Синдикалистъ это, конечно, членъ группы рабочихъ, составляющихъ синдикатъ. Но здѣсь говорится о такихъ синдикатахъ, которые чрезвычайно суживаютъ кругъ своей дѣятельности, которые предоставляютъ своей группѣ только право споровъ и пререканій съ предпринимателями да второстепенныхъ и временныхъ требованій, но которыя никогда не предъявляютъ запроса по поводу хорошо или дурно устроенной эксплоатаціи рабочихъ. Здѣсь говорится и не о синдикатѣ, который по мнѣнію нѣкоторыхъ является первоначальной школой, гдѣ воспитываются и вербуются борцы, чтобы добиваться якобы важныхъ цѣлей— какъ завоеваніе общественной власти.

Для *синдикалиста* синдикатъ — самая лучшая организація,

отвѣчающая всѣмъ требованіямъ, всѣмъ стремленіямъ и этимъ самымъ удовлетворяющая всѣ нужды.

Это такая организація, о какой мечтаютъ „реформаторы"; она позволяетъ изо дня въ день вести борьбу съ патронами за улучшенія и за частичныя требованія.

Но это еще не все! Эта организація способна также хорошо вести дѣло экспропріаціи капиталистовъ и реорганизаціи общества, что соціалисты, отуманенные довѣріемъ къ государству, считаютъ захватомъ собственности у политической власти.

Слѣдовательно, для *синдикалиста* синдикатъ не является условнымъ товариществомъ, смыслъ существованія котораго, ограниченный современной средой, не касался бы абстракціи этой среды. Для него синдикатъ—первостепенная и существенная группировка; она должна зародиться самостоятельно и развиться во всякой средѣ, и все это независимо отъ всѣхъ предвзятыхъ теорій.

И дѣйствительно, что же можетъ быть болѣе естественнымъ чѣмъ сближеніе, взаимное пониманіе и соединеніе эксплоатируемыхъ одной и той же профессіи для непосредственной и осязательной защиты общихъ интересовъ?

Съ другой стороны, если предполагать упадокъ капиталистическаго общества и расцвѣтъ на его развалинахъ коммунистическаго или какого-нибудь другого, то очевидно, что даже въ такомъ случаѣ въ этой новой средѣ окажется самой нужной и самой подходящей та группировка, которая соединитъ людей, занимающихся одинаковымъ трудомъ, исполняющихъ сходныя обязанности.

Итакъ, синдикатъ — корпоративная группировка, является основной клѣткой каждаго общества.

Въ настоящее время синдикатъ для *синдикалиста* — учрежденіе борьбы и требованій со стороны рабочихъ къ хозяевамъ. Впослѣдствіи онъ будетъ основаніемъ, на которомъ воздвигнется нормальное общество, освобожденное отъ эксплоатаціи и угнетенія.

Борьба рабочихъ въ XIX вѣкѣ.

Предвѣстники Синдикализма.

Зародышъ синдикализма не явился плодомъ системы научныхъ догадокъ, системы, возникшей изъ разныхъ частей въ ка-

комъ-нибудь мозгу; соціологическое опытное изслѣдованіе не можетъ этого допустить; синдикализмъ развивается изъ наблюденія историческихъ фактовъ и ихъ проницательнаго толкованія. Можно сказать, что оно—слѣдствіе и вѣнецъ столѣтней борьбы, которую ведетъ рабочій классъ противъ буржуазіи.

Въ теченіе всего девятнадцатаго столѣтія пролетаріатъ старался отдѣлить свою дѣятельность отъ чисто политической дѣятельности буржуазныхъ партій. Это были чрезвычайныя старанія, такъ какъ буржуазія, чтобы безпрепятственно управлять, нуждалась въ согласіи или, по крайней мѣрѣ, равнодушіи пролетаріата; она постаралась не только побѣдить и избить его, но и смягчить воспитаніемъ, разсчитаннымъ на отвращеніе отъ изученія экономическихъ вопросовъ, и старалась направить его дѣятельность на обманчивыя надежды демократизма.

Нельзя достаточно настаивать на томъ пунктѣ, что дѣло автономной рабочей организаціи всегда было и есть!—хотя его и отрицаютъ изо всѣхъ силъ обскуранты, реакція, а также силы демократіи, которыя въ новомъ и лицемѣрномъ видѣ являются только продолженіемъ стараго общества, гдѣ горсть паразитовъ процвѣтаетъ благодаря поддержкѣ вынужденнаго труда безсознательнаго народа.

Буржуазія посредствомъ государства, обязанность котораго (независимо отъ формы) состоитъ въ обереганіи привиллегій капиталистовъ, принялась за дѣло подавленія и измѣненія стремленій рабочаго класса. Поэтому-то пролетаріатъ во время своихъ освободительныхъ попытокъ, которыя онъ пережилъ, не могъ не замѣтить сходства между правительствами, какія бы названія они ни носили; онъ переходилъ отъ одного режима къ другому, не чувствуя существенныхъ перемѣнъ, отмѣченныхъ съ важностью исторіей. Всѣ правительства отнеслись къ нему враждебно и неблагосклонно. Если ему и удалось получить нѣкоторое облегченіе своей жалкой участи, то этимъ онъ обязанъ не ихъ чувству справедливости или состраданію, но спасительному страху, который онъ сумѣлъ имъ внушить. Ихъ иниціативѣ онъ обязанъ только драконовскими законами, мѣрами произвола и дикими репрессіями.

Антагонизмъ между государствомъ и рабочимъ классомъ является характерной чертой всего девятнадцатаго столѣтія.

Онъ пріобрѣтаетъ свое значеніе, если замѣтимъ, что правительство, довольно легко согласившееся предоставить народу политическія права подъ видомъ кости для глоданія, въ то же время оказалось совершенно несговорчивымъ, когда дѣло коснулось экономическихъ свободъ и уступило только народному давленію.

Столь различное отношеніе со стороны правителей объяснимо. Признаніе политическихъ правъ за народомъ не приноситъ имъ никакого ущерба, само-собой разумѣется, что эти бездѣлушки не подвергаютъ опасности принципа авторитета и не подкапываютъ капиталистическую основу общества.

Дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ, когда приходится коснуться вопроса объ экономическихъ свободахъ. Онѣ для народа—реальное благо и могутъ совершиться только за счетъ привиллегій. Поэтому весьма понятно, что государство, поддерживаемое капитализмомъ, отказывается до послѣдней крайности и не уступаетъ ни одной частицы экономическаго улучшенія.

Въ доказательство этой постоянной борьбы рабочаго класса съ государствомъ можно было-бы привести перечисленіе народныхъ мучениковъ, но ограничимся нѣсколькими историческими вѣками, чтобы доказать несомнѣнность и постоянство этого антагонизма.

Менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ взятія Бастиліи (въ іюнѣ 1791) буржуазія посредствомъ своего Учредительнаго Собранія отняла у рабочаго класса право союзовъ, которое тотъ только что завоевалъ при помощи революціи *).

Рабочіе видѣли въ революціи только зарю своего экономическаго освобожденія. Они думали, что сжигаютъ всѣ корабли, когда сжигали лишь заставы на пути. (12 іюля 1789 г.).

Не лишнимъ будетъ прибавить, что на другой день послѣ сожженія парижскихъ заставъ Бастилія была взята приступомъ, не потому что она была политической тюрьмой, а потому что она была опасна возставшему Парижу, какъ затѣмъ въ 1871 г. стало Mont Valérien.

Рабочіе, вѣря на-слово дифирамбамъ памфлетистовъ, думали, что освободились отъ оковъ стараго режима. Они начали сговариваться и группироваться, чтобы бороться противъ эксплоатаціи

*) Законъ Шапелье, вотированный 17 іюня 1791.

хозяевъ и быстро составили схему важнѣйшихъ требованій. Буржуазія сейчасъ же поспѣшила доказать имъ, что революція была *политической*, а не *экономической*. Она выработала репрессивные законы, а такъ какъ рабочимъ недоставало сознательности и опыта, такъ какъ ихъ движеніе было неясно и еще несвязно, то и подавить его не представляло труда.

Было бы несправедливымъ думать, что законъ Шапелье былъ только „опытомъ", и что тѣ, кто его вотировалъ, не знали о его соціальной важности. Чтобы заставить насъ принять такое фантастическое толкованіе, утверждаютъ, что революціонеры того времени не подняли противъ него ни одного протеста. Ихъ молчаніе доказывало только то, что они не знали о соціальной сторонѣ революціи, переживаемой ими, и были только настоящими *демократами*. Впрочемъ, нечего удивляться отсутствію прозорливости съ ихъ стороны даже въ такой значительной степени, такъ какъ даже теперь мы встрѣчаемъ людей, считающихъ себя соціалистами, когда на самомъ дѣлѣ они только простые *демократы*.

Есть и еще доказательство того, что члены парламента знали, что дѣлали: нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ сентябрѣ 1791 г Учредительное собраніе пополнило законъ Шапелье, который запрещалъ союзы только промышленнымъ рабочимъ. Собраніе же запретило ихъ и сельскохозяйственнымъ.

Но не одно Учредительное Собраніе высказывало свою ненависть къ рабочему классу. Всѣ учрежденія, слѣдовавшія за нимъ, старались сузить оковы, прикрѣпляющія рабочаго къ хозяину. Еще больше, находя недостаточнымъ такое положеніе, при которомъ рабочіе не могутъ спорить и защищать свои интересы, буржуазныя учрежденія ухитрились увеличить горе пролетаріата, отдавая его въ полную зависимость полицейской власти.

Даже Конвентъ отнесся не съ большей симпатіей къ рабочему классу. Въ „Нивозѣ" II-го года онъ составилъ законъ „противъ союзовъ рабочихъ на разныхъ мануфактурахъ за забастовку какъ при помощи переписки, такъ и при посредствѣ выборныхъ".

Такое отношеніе Конвента, революціонность котораго такъ восхваляется, доказываетъ намъ достаточно ясно, что политическія мнѣнія не имѣютъ ничего общаго съ экономическими интересами. Это еще больше подчеркивается тѣмъ, что—несмотря

на всѣ измѣненія формъ правленія, начиная отъ демократизма до Конвента, отъ самодержавія Наполеона I до монархизма Карла X, до конституціонализма Луи-Филиппа, никогда не уменьшалась суровость законовъ, изданныхъ противъ рабочихъ.

Во время консульства (въ XXI в. — 1803 году) было выковано новое звено порабощенія: таблица, которая установила зависимость рабочаго класса. Затѣмъ юрисконсульты съ своимъ знаніемъ крючкотворства хитраго и канальскаго, выработавшіе Кодексъ, отъ котораго мы страдаемъ и сейчасъ, устроили такъ хорошо и такъ много оковъ и такъ опутали и стиснули пролетаріатъ, что Людовикъ XVIII и Карлъ X, наслѣдники этого багажа, не сумѣли ничего прибавить.

Однако, не смотря на суровыя запрещенія законовъ, рабочіе входили въ соглашенія, группировались и подъ прикрытіемъ анонимовъ—вродѣ взаимнаго страхованія—устраивали зачаточные профессіональные союзы и организовали сопротивленіе. Такъ было до тѣхъ поръ, пока союзы и забастовки не размножились, и либеральное правительство Луи-Филиппа потребовало карательныхъ мѣръ за ассоціаціи (въ 1834 г.) Но толчекъ былъ данъ! Эта вновь явившаяся суровость закона не подавила рабочаго движенія. Несмотря на законъ, *общества сопротивленія* размножились, и за нимъ послѣдовалъ періодъ усиленной агитаціи и многочисленныхъ забастовокъ.

Революція 1848 года примкнула къ этому движенію. И что доказываетъ господство экономическихъ понятій въ февральскіе дни, такъ это немедленное первенство экономическихъ вопросовъ надъ другими. Къ несчастью у профессіональныхъ группъ не хватало опытности. Къ несчастію также городскіе рабочіе пренебрегали крестьянами и наоборотъ! Такъ что въ 1848 г. крестьяне не пошевелились, не понимая рабочаго движенія; такъ же точно въ 1852 г. рабочіе ничего не поняли въ народномъ возстаніи крестьянъ, подавленномъ Наполеономъ III. Несмотря на причины пораженій они не были единственны! — все что было тогда получено въ области улучшенія, все было добыто рабочей силой: Люксембургская Комиссія только высказала желанія рабочихъ, а временное правительство воплотило ихъ въ законную форму.

Въ первые моменты революціи испуганная буржуазія оказа-

лась уступчивой и, чтобы спасти капиталъ, была готова принести въ жертву нѣсколько крохъ своихъ привиллегій. Но вскорѣ успокоенная столько же прививкой народу политическаго гноя, сколько и непостоянствомъ профессіональныхъ организацій, она проявила тѣмъ больше ярости, чѣмъ сильнѣе былъ ея ужасъ. Избіенія въ іюлѣ 1848 г. были для нея первымъ удовлетвореніемъ. Немного спустя, въ 1849 г., представители народа,—чтобы лучше отмѣтить, что они только представители буржуазіи,—составили законъ противъ союзовъ, такъ что послѣдніе остались запрещенными и даже наказанными за безпокойства, причиненныя закономъ 1810 года.

Но, какъ реакція Людовика-Филиппа не сумѣла подавить рабочаго движенія, такъ же оказались безсильными и республиканская реакція и наполеоновское правительство, послѣдовавшее за ней.

Игнорируя всѣ правительственныя мѣры, въ частности и запрещеніе организацій, профессіональныя группы стали развиваться, увеличиваться количественно и силой и такъ успѣшно, что своимъ давленіемъ на общественную власть, они вырвали законную санкцію завоеванныхъ революціоннымъ могуществомъ улучшеній свободы.

Такимъ образомъ тѣмъ, что мы называемъ *непосредственной активностью*, право союзовъ было вырвано въ 1864 г. у цезаризма. Рабочіе всѣхъ профессій стали группироваться, стали объединяться, стали дѣлать забастовки, игнорируя совершенно законъ.

Среди другихъ своимъ революціоннымъ темпераментомъ выдѣлялись наборщики, и одна изъ ихъ забастовокъ (въ 1862 г. въ Парижѣ) была рѣшающимъ событіемъ, повлекшимъ признаніе права союзовъ. Правительство, — слѣпое, какъ всѣ ему подобныя,—вообразило, что убьетъ агитацію однимъ большимъ взмахомъ: прибѣгнувъ къ массовымъ арестамъ, оно заточило въ тюрьму весь забастовочный комитетъ, а также самыхъ дѣятельныхъ изъ среды забастовщиковъ.

Этотъ взрывъ произвола вмѣсто того, чтобы терроризировать, возбудилъ общественное мнѣніе; вспыхнуло такое негодованіе, что правительство должно было уступить и признать за рабочими право союзовъ. Этимъ результатомъ мы обязаны исклю-

чительно *внѣшнемудавленію*. Было мудрено приписать его заслугамъ депутатовъ-соціалистовъ, хотя бы и потому, что въ парламентѣ ихъ не было.

Завоеваніе права союзовъ явилось стимуломъ для профессіональныхъ организацій, которыя съ этого момента развились чрезвычайно быстро и стали непобѣдимыми, и государство, сознавая, что ничего болѣе не остается дѣлать, признало императорскимъ циркуляромъ синдикальную свободу въ 1868 году.

„Для организаціи рабочихъ палатъ въ синдикаты, администрація должна предоставить полную свободу самимъ заинтересованнымъ“...

Къ этому времени сталъ развиваться народный союзъ рабочихъ и окончательно развернулся къ 1864 г.; послѣ многихъ безплодныхъ предварительныхъ попытокъ онъ сталъ господствовать въ западной Европѣ и открылъ рабочему классу новые горизонты.

Горизонты эти омрачились большимъ кризисомъ въ 1871 г Остановимся на этомъ историческомъ обзорѣ, чтобы не забѣгать слишкомъ далеко впередъ и постараемся извлечь логическія слѣдствія.

Изъ обзора историческихъ возстаній видно, что на зарѣ современнаго режима 1791 года, правительство, въ качествѣ защитника привиллегій буржуазіи, отрицало и отказывалось признать экономическія права рабочаго класса, старалось уничтожить его индивидуальность, не разрѣшая ему никакихъ взаимныхъ сношеній и, такимъ образомъ, отдавало его на произволъ эксплоататоровъ.

Потомъ мы видимъ, что рабочій классъ вышелъ изъ хаотическаго состоянія, въ которомъ буржуазія хотѣла его удержать, мы видимъ, что онъ началъ группироваться на экономической почвѣ, отбросивъ всю абстрактность политическихъ предубѣжденій. Мы также видимъ, что правительство, какое бы оно ни было, пыталось заглушить пролетарское движеніе; но не будучи въ состояніи достигнуть своей цѣли, оно рѣшилось подтвердить улучшенія и свободы, завоеванныя рабочими.

Итакъ, во всѣхъ этихъ волненіяхъ и соціальныхъ переворотахъ красной нитью проходитъ не только различіе, но и противоположность интересовъ эксплоататоровъ и эксплоатируемыхъ,

правящихъ и управляемыхъ, между ними ведется классовая борьба въ прямомъ смыслѣ этого слова.

Отсюда также вытекаетъ вкратцѣ изложенное выше объясненіе *синдикальнаго* движенія, освобожденнаго отъ всякаго парламентскаго осквернения и доказаннаго рабочей группировкой на солидной экономической почвѣ—основѣ всякаго реальнаго прогресса.

Союзъ для жизни.—Основа соціальнаго соглашенія. Обзоръ съ исторической точки зрѣнія доказываетъ, что профессіональное движеніе является нормальнымъ слѣдствіемъ борьбы рабочаго класса въ девятнадцатомъ вѣкѣ; остается только сдѣлать оцѣнку этого движенія съ двухъ точекъ зрѣнія: философской и соціальной.

Разберемъ же сначала первый вопросъ.

Человѣкъ—общественное животное. Онъ не можетъ и никогда не могъ жить обособленно. Трудно представить себѣ, чтобы онъ могъ жить, не составляя обществъ. Какъ бы ни были зачаточны первыя человѣческія общества, они все-таки были союзами.

То, что утверждаетъ Ж. Ж. Руссо, теоретикъ демократическаго рабства, будто человѣкъ до своего соединенія въ общества жилъ въ „естественномъ состояніи“ и могъ выйти изъ него, только отрекшись при посредствѣ „соціальнаго договора“ отъ части своихъ естественныхъ правъ,—неправда. Этотъ вздоръ, нынѣ вышедшій изъ моды, былъ въ большомъ ходу въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Онъ именно вдохновлялъ революціонныхъ буржуа 1789—93 годовъ, онъ же сталъ и юридической основой учрежденій, которыя насъ давятъ.

Какъ бы ни были ложны софизмы Ж. Ж. Руссо, они могутъ дать философскій оттѣнокъ принципу авторитета и быть теоретическимъ выразителемъ буржуазныхъ интересовъ. Вотъ почему буржуазія сдѣлала ихъ своими; ей только нужно было соединить ихъ съ „Декларацiей правъ человѣка“ и съ кодексомъ, чтобы получить превосходный требникъ эксплоатаціи и господства.

Не вѣрно также и то, что проповѣдуютъ дарвинисты: общество это—вѣчный военный лагерь, а *борьба за существованіе* единственный регуляторъ человѣческихъ отношеній. Эта теорія настолько же отвратительна, насколько и ложна; она придаетъ оттѣнокъ научнаго лицемѣрія чистѣйшей эксплоатаціи. Она объясняетъ, что эксплоататоръ это *сильный*, развившійся благо-

даря стеченію нормальныхъ условій, а эксплоатируемый это— *слабый* —жертва рока (тоже естественная), онъ долженъ прозябать или погибнуть, смотря по тому, въ которомъ изъ этихъ двухъ рѣшеній заинтересованы *сильные*.

Эта теорія могла имѣть успѣхъ только благодаря произвольному и ложному толкованію дарвиновскихъ идей. Во всякомъ случаѣ, если бы она и была вѣрна, то могла бы привиться только къ нѣкоторымъ. Вѣдь одни считаютъ войну случайнымъ уродствомъ; для другихъ, живущихъ обществами, война не только уродство, но и соглашеніе, необходимая современная потребность.

Вотъ, что слѣдуетъ изъ животной природы человѣка. Если бы на зарѣ первыхъ лѣтъ существованія онъ никогда не соединялся съ себѣ подобными, онъ никогда и не вышелъ бы изъ животнаго состоянія. *Соціальность* является для человѣка не только необходимымъ условіемъ прогресса, но также и *жизни*.

Эта основа жизни далека отъ умаленія личной индивидуальности; наоборотъ, она—средство развитія и роста своего могущества и благосостоянія. Изслѣдованіе реальныхъ условій *жизни* съ человѣчной точки зрѣнія приводитъ насъ къ отрицанію теорій, пущенныхъ въ ходъ господствующими классами; эти теоріи имѣютъ только одно назначеніе: облегчить и оправдать эксплоатацію и угнетеніе народныхъ массъ.

Дѣйствительно, несмотря на теоретическіе оттѣнки — обѣ доктрины (демократическая Ж. Ж. Руссо въ концѣ восемнадцатаго вѣка и буржуазный дарвинизмъ девятнадцатаго) приходятъ къ одному заключенію: онѣ проповѣдуютъ самопожертвованіе и учатъ, что «свобода одного ограничивается свободой другого».

Благодаря имъ духъ самопожертвованія, вышедшій изъ моды и дискредитированный въ своемъ религіозномъ выраженіи, снова возродился, становясь соціальнымъ принципомъ. Эти доктрины напѣваютъ, будто только потому, что человѣкъ соглашается жить обществомъ, онъ приноситъ въ жертву часть своихъ естественныхъ правъ. Эту жертву онъ приноситъ на алтарь авторитета собственности и, въ награду за такой отказъ, пріобрѣтаетъ надежду наслаждаться правами, оставшимися отъ его жертвоприношенія.

Современные народы, попавшіе въ ловушку этихъ метафизикъ (одна подъ видомъ науки, другая подъ маской демокра-

тизма),—согнули спину и согласились на самопожертвованіе. И они такъ были убѣждены и настроены, что даже граждане, желающіе теперь дѣйствительно освободиться, принимаютъ за аксіому, что *свобода каждаго ограничивается свободой другого.*

Эта лживая формула не выдерживаетъ критики. Она—только постоянное и вѣчное проявленіе антагонизма среди людей. Если бы она была вѣрной, то прогрессъ былъ бы невозможенъ, такъ какъ жизнь превратилась бы въ постоянную борьбу разъяренныхъ звѣрей, и человѣкъ-звѣрь не имѣлъ бы другого способа удовлетворить свои нужды, какъ только истребляя себѣ подобныхъ; это была бы постоянная борьба, даже война, и безграничная жестокость.

Однако, несмотря на всѣ преступныя теоріи, представляющія общество, какъ военный лагерь, и людей, какъ неспособныхъ жить, не истребляя себѣ подобныхъ, не разрывая ихъ на части и не пожирая другъ друга, всетаки существуетъ прогрессъ и идея солидарности процвѣтаетъ. Это потому, что инстинкты соціальной основы побѣждаютъ борьбу за жизнь. На такой выводъ возражаютъ, что государство содѣйствовало прогрессу и что его вмѣшательство было умиротворяющимъ и облагораживающимъ. Вотъ ссылка, вполнѣ относящаяся къ приведенному выше софизму. „Порядокъ", созданный государствомъ, состоялъ только въ подавленіи и угнетеніи, въ пользу привиллегированнаго меньшинства, громадной народной массы, ставшей болѣе податливой благодаря убѣжденію, которое ей постарались внушить, что отреченіе отъ части своихъ естественныхъ правъ было первымъ актомъ „соціальнаго соглашенія".

Буржуазному опредѣленію свободы, освящающей рабство и нужду, необходимо противопоставить обратную формулу, которая бы дѣйствительно выражала соціальную истину, исходила изъ основного принципа «союза для борьбы» и гласила: *свобода каждаго увеличивается на основаніи свободы всѣхъ.*

Это опредѣленіе, очевидность котораго неизбѣжна, только и можетъ объяснить прогрессивное развитіе человѣческихъ обществъ. Экспансивная сила принципа союза ради существованія обладаетъ динамическимъ могуществомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ раздѣленныя силы репрессіи и гнета паразитическаго меньшинства.

шинства. Вотъ почему общества прогрессируютъ! Вотъ почему они не были только лагерями избіенія, развалинъ и траура!

Въ нашихъ интересахъ проникнуться такимъ опредѣленіемъ свободы, чтобы стать окончательно противниками прививки буржуазныхъ софизмовъ и чтобы наконецъ понять, что слово *общество* обозначаетъ двигательный принципъ человѣчества и *союзъ для борьбы—Ассоціацію.*

Будемъ подразумѣвать, что *общество* это собраніе личностей, составляющихъ его; у него нѣтъ независимой, собственной жизни внѣ ихъ; вѣдь не можетъ быть и рѣчи о преслѣдованіи какого-либо другого общественнаго блага, чѣмъ личное счастіе человѣческихъ существъ, составляющихъ общество.

Группировка по производству. Зародышъ общества.

(Гражданскія и демократическія основы).

Если союзъ для борьбы и союзъ для жизни признаны соціальными основами, то изъ этого слѣдуетъ, что строеніе общества основано на группировкахъ, а чтобы индивидуальная личность могла безпрепятственно процвѣтать и всегда подниматься по восходящему пути, необходимо, чтобы форма группировокъ вполнѣ отвѣчала экономическимъ функціямъ.

Эти функціи представляются человѣческому существу въ двухъ неоспоримыхъ формахъ:

во 1-хъ *потребительной*;

во 2-хъ *производительной.*

Кто хочетъ быть потребителемъ, долженъ стать производителемъ. Таковъ нормальный процессъ.

Потребитель.—Человѣческое существо должно имѣть возможность быть потребителемъ по своему желанію и должно посредствомъ этой функціи возвышать свои потребности, которыя и обязаны удовлетворяться въ предѣлахъ возможности. Потребленіе является мѣриломъ соціальнаго развитія; чѣмъ оно интенсивнѣе для каждаго, тѣмъ выше уровень благосостоянія.

Нужно, чтобы въ современномъ обществѣ потребленіе было организовано по этимъ указаніямъ. Далекое отъ того, чтобы быть

свободнымъ, оно подчиняется запрещеніямъ и стѣсненіямъ, которыя устраняются только посредствомъ денегъ. А такъ какъ „деньги“ захвачены правящимъ классомъ, то только онъ, благодаря своимъ привиллегіямъ, потребляетъ столько, сколько ему вздумается. Напротивъ, рабочій, сдѣлавшій годными къ употребленію естественные продукты въ пользу капиталиста, отъ котораго онъ получаетъ плату, не имѣетъ возможности потреблять въ достаточномъ количествѣ.

Это непозволительная несправедливость. Чудовищно, чтобы люди, исключая дѣтей, стариковъ и больныхъ, могли потреблять, ничего не производя. Чудовищно также, что настоящіе производители лишены возможности потребленія.

Хотя потребленіе стоитъ раньше производства, такъ какъ потреблять начинаютъ гораздо раньше, чѣмъ могутъ производить, но въ общественныхъ организаціяхъ необходимо переставить термины и поставить производство въ началѣ.

Производитель—основа всего, онъ выполняетъ существенную органическую функцію, благодаря которой продолжаетъ жить общество. Онъ—основное ядро экономической жизни, это ея соглашеніе, союзъ съ производителями, дѣятельность которыхъ совершается на одномъ съ ея дѣятельностью уровнѣ, т. е. одна и та же промышленность, одно и то же ремесло и однородныя усилія затягиваютъ узы солидарности и закрѣпляютъ общественные союзы.

Такое вынужденное и логическое соединеніе производителей воплотилось *въ группировкѣ по производствамъ*, которая и является краеугольнымъ камнемъ общества. Ни въ какомъ другомъ союзѣ не выразилась такъ ярко его необходимость, онъ одинъ сталъ соціальнымъ ядромъ экономической дѣятельности. Для того, чтобы дѣятельность группировки по производствамъ могла протекать нормально, нужно, чтобы она поддерживала ростъ личности и не соглашалась никогда и ни подъ какимъ предлогомъ на умаленіе своей автономіи. Конечно, признаніе первоначальной роли, которую играетъ въ обществѣ производитель и его составная часть, группировка того же имени, понятіе относительно недавнее. Сходство интересовъ и общность стремленій между производителями, организованными соотвѣтственно ихъ потребностямъ, по профессіональной дѣятельности и стремленіямъ, ни-

когда еще не были такъ осязательны, какъ теперь. Пониманіе соціальныхъ явленій было сужено невѣжествомъ, не считая, конечно, и того, что экономическое развитіе не получило еще такой рѣзкой опредѣленности, какой оно достигло въ наше время. Другая причина узости этого положенія вытекала изъ пережитка главенствующей роли, которую раньше игралъ семейный союзъ. Въ моментъ образованія человѣчества, когда оно состояло только изъ охотничьихъ и пастушескихъ племенъ—семья дѣйствительно исполняла основную задачу общественнаго ядра. Явленіе—объясняющееся тѣмъ, что въ отдаленные годы производство, какъ промышленное, такъ и сельскохозяйственное, не выходило за предѣлы семейной обстановки; такимъ образомъ, эти семейныя соединенія удовлетворяли сами свои примитивныя нужды, обмѣнъ же измѣняющій условія существованія еще не явился.

Теперь же эти условія претерпѣли такое измѣненіе, что стало невозможнымъ считать семью органическимъ ядромъ. Это равнялось бы узаконенію рабства, такъ какъ все больше развивается послѣдовательное удаленіе отъ авторитета, цѣпляющагося за силу и старшинство главы семьи.

Впрочемъ, никто не думаетъ объ этой перестановкѣ. Буржуазія совсѣмъ въ другомъ направленіи, на зарѣ своей революціи 1789 года, пыталась уничтожить мозолящія ей глаза стремленія народа къ соціализаціи. Желая пользоваться для работы тѣломъ послушнымъ, ловкимъ, податливымъ и лишеннымъ возможности сопротивляться, она разрушила всѣ дѣйствительно солидарныя корпоративныя связи, подъ предлогомъ искорененія всѣхъ привиллегій ремесла, которымъ прежній режимъ благосклонно дозволялъ процвѣтать. Затѣмъ, чтобы пополнить пустоту, образованную ею въ народномъ сознаніи, чтобы избѣжать возрожденія ассоціацій на экономическомъ основаніи, чего она опасалась, она маневрировала такъ, чтобы противопоставить узамъ дѣйствительной солидарности, вытекающей изъ сходства интересовъ, фиктивныя узы, исходящія изъ гражданственности и демократизма. Религія, до сихъ поръ служившая могущественнымъ оружіемъ для униженія и укрощенія стремленій къ улучшенію, возбуждающихъ народъ, теперь была отброшена на задній планъ. Не потому, что буржуазія отрицала сдерживающее могущество этой „уздечки“, но она считала ее устарѣвшей и

отжившей свое время. Она прониклась вольтерьянствомъ и, уничтожая духовенство, внушала рабочему классу не менѣе унизительныя суевѣрія, чѣмъ христіанство. „Господство народа", „Родина" стали модными идолами.

Патріотическая узда.

Въ гражданскомъ направленіи буржуазія старалась возбудить патріотическую сентиментальность. Идеализированныя узы, соединяющія людей, случайно родившихся среди измѣнчивыхъ границъ опредѣленной территоріи, стали считаться самыми священными. Учили совершенно серьезно, что самый прекрасный день въ жизни патріота это тотъ день, когда онъ будетъ имѣть удовольствіе позволить задушить себя ради родины.

Это хвастовство придумывалось, чтобы отуманить народъ и помѣшать ему сдѣлать философскую оцѣнку моральнаго гноя, который ему прививали. Благодаря трубамъ, барабанамъ, воинственнымъ пѣснямъ и шовинистическому треску его выучили защищать то, чего у него не было: *отечество*. Патріотизмъ является, для всѣхъ патріотовъ безразлично, только участіемъ въ доли соціальнаго имущества, и нѣтъ ничего глупѣе, какъ патріотъ безъ имущества. И вотъ это то разрѣшается пролетаріату, у котораго нѣтъ ни клочка національной земли; изъ этого видно, что его патріотизмъ—это дѣйствіе безъ причины, слѣдовательно, патологическій случай.

Во время прежняго режима военная карьера была такимъ же ремесломъ, какъ и другія (только болѣе варварскимъ), и армія, гдѣ очень мало наигрывали на патріотической гитарѣ, была шайкой корыстолюбцевъ, „выступающихъ за страну". Послѣ революціи выдумали для народа *налогъ кровью*, *обязательную воинскую повинность*...

Это было развитіе гипотезы, что родина должна быть «дѣломъ всѣхъ», она же продолжала оставаться «дѣломъ нѣсколькихъ», и эти нѣсколько—расхитители родины, благодаря новой системѣ, рѣшили проблемму, какъ заставлять другихъ охранять свои привиллегіи. Здѣсь въ дѣйствительности проявляется ужасное противорѣчіе. Національныя узы—осязательной формой которыхъ является милитаризмъ,—и которыя, какъ намъ говорятъ,

привлекаютъ къ защитѣ общихъ интересовъ, достигаютъ совершенно противоположнаго результата: онѣ подавляютъ стремленія рабочаго класса.

Совсѣмъ не идеалистическія границы, оберегаемыя арміей, раздѣляютъ народы на англійскій, французскій, нѣмецкій и проч.; это преимущественно *граница богатства*, чтобы отдѣльно держать бѣдняковъ въ нуждѣ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что гражданскія чувства—въ высшей степени антисоціальны; принять ихъ какъ основу соціальнаго общества,—это значитъ предаваться варварству.

Демократическая узда.

Въ демократическомъ направленіи буржуазія также оказалась вѣроломной. Захвативъ политическую власть, обезпечивающую ей и экономическое господство, она не позаботилась разрушить сплетенія угнетенія, которыя до сихъ поръ дѣйствовали на пользу аристократовъ. Она ограничилась тѣмъ, что перештукатурила фасадъ государства такъ, чтобы измѣнить видъ и заставить народъ принять его за новое учрежденіе.

Въ обществѣ же дѣйствительными являются только экономическія функціи, вполнѣ полезныя лицамъ и группамъ. Слѣдовательно, каждая внѣшняя кристаллизація, каждое новое политическое начинаніе только паразитное и угнетающее народъ—и потому вредное наслоеніе.

Но объ этомъ народъ не зналъ. Его легко можно было обмануть.

Буржуазія съ намѣреніемъ помѣшать расцвѣту экономическаго могущества, заключающагося въ зародышѣ въ свободѣ ассоціаціи, которую она только что постаралась задушить,—направила народъ къ миражу политической власти, ея безсильныя проявленія не могли стѣснять капиталистической эксплоатаціи.

Обманъ такъ хорошо удался, что понятіе политическаго равенства, самое обманчивое изъ всѣхъ, въ теченіи столѣтія служило успокоительнымъ средствомъ для народныхъ массъ. Не требуется, повидимому, слишкомъ большой прозорливости, чтобы понять, что капиталисты и рабочіе, землевладѣльцы и бѣдняки не равны. Равенство не могло осуществиться только потому

что тѣ и другіе снабжены одинаковыми избирательными карточками.

Обманъ продолжается! Обманъ продолжается въ такой степени, что даже теперь есть лучшіе изъ народа, продолжающіе вѣрить этой химерѣ.

Это жертвы поверхностной ломки: обаяніе идеализированныхъ ими народныхъ массъ, которыхъ они сравнивали съ количественной слабостію правящаго меньшинства, заставило ихъ предположить, что достаточно будетъ развить эти массы, чтобы восторжествовалъ народъ въ силу естественнаго большинства.

Они не замѣтили, что демократическая группировка на основѣ всеобщей подачи голосовъ, не есть однородное и постоянное соединеніе, и что его невозможно подчинить постоянной дѣятельности. Эта группировка сближаетъ на короткое время гражданъ, не связанныхъ сходствомъ интересовъ,—напримѣръ, рабочаго и хозяина,—и когда они соединяются, то имѣютъ возможность обсуждать только отвлеченности или иллюзіи.

Внутреннее разслоеніе парламентовъ, ихъ незнаніе народныхъ стремленій, а также ихъ безсиліе настолько общеизвѣстны, что на этомъ безполезно останавливаться. Результатъ получается не лучше, когда дѣло коснется послѣдствій всеобщей подачи голосовъ въ муниципальныхъ рамкахъ. Нѣсколько краткихъ примѣровъ хорошо докажутъ это! Вотъ ужъ около четверти вѣка сельскіе муниципалитеты по большей части находятся въ рукахъ крестьянъ, крупные собственники не противятся этому захвату, зная, что благодаря роковому стеченію обстоятельствъ въ современной средѣ и стѣсненіямъ, созданнымъ центральной властью, ничего не можетъ быть нарушено въ ихъ нѣдрахъ.

Въ рабочихъ районахъ, подъ соціальнымъ давленіемъ, муниципалитеты добились той же побѣды, но польза для рабочихъ была незначительна. Эти муниципалитеты, уничтоженные правительствомъ, не могли выполнить своихъ программъ — и послѣдовали обманы! Затѣмъ другая опасность: пролетаріатъ этихъ центровъ направилъ всю свою энергію на политическую борьбу, пренебрегая экономической организаціей. Такъ что патроны, эксплуататорская жестокость которыхъ безгранична, сумѣли извлечь пользу, не встрѣчая на своемъ пути активнаго и могущественнаго профессіональнаго блока.

На сѣверѣ (въ Рубэ, Арментьерѣ и пр.), гдѣ есть или были соціалистическіе муниципалитеты, заработная плата ужасно низка. Въ Арденахъ тоже самое; тамъ были основаны многочисленные профессіональные союзы, но совершенно поглощенные политикой они потеряли силу для борьбы съ предпринимателями.

Ко всѣмъ этимъ недочетамъ демократизмъ прибавляетъ, если это только возможно, еще одинъ самый важный: прогрессъ, какъ доказываетъ все историческое прошлое, былъ слѣдствіемъ революціоннаго меньшинства. Демократизмъ же требуетъ подавленія меньшинства въ пользу стаднаго и консервативнаго большинства.

Слѣдовательно, демократизмъ со своей всеобщей подачей голосовъ, съ политическимъ господствомъ стремится укрѣпить экономическое рабство рабочаго класса.

Совращеніе экономическаго движенія съ вѣрнаго пути могло быть только временнымъ. Профессіональная группировка не есть результатъ искусственной культуры; она зарождается и развивается подъ вліяніемъ внутренней и притомъ роковой необходимости во всякой средѣ. Она встрѣчается и въ древности, и въ средніе вѣка, и въ наше время. И установлено, что вездѣ ея развитіе было подавляемо привиллегированными людьми, боявшимися могущественнаго распространенія одной группировки; они предпринимали по отношенію къ ней запретительныя мѣры, но никогда имъ не удавалось ее искоренить.

Нечего удивляться, что профессіональный союзъ обладалъ интенсивной жизнеспособностью; полное его уничтоженіе невозможно только потому одному, что, уничтожая его, пришлось бы уничтожить одновременно все общество. И дѣйствительно, профессіональная группа истекаетъ и нормально развивается изъ способа производства. Союзъ же для производства неизбѣженъ; невозможно однако, чтобы рабочіе, собранные для какого-нибудь производства, ограничили свои соглашенія и отношенія только полезнымъ для хозяина и безъ того получающаго прибыль отъ ихъ общей эксплуатаціи. Такъ какъ для удовлетворенія интересовъ капиталистовъ ихъ собрали въ одну связку, то только

при неподвижности моллюсковъ можно было бы не нарушить въ своихъ сношеніяхъ поставленныя хозяевами границы.

Роковымъ образомъ рабочіе, одаренные долей здраваго смысла, не могли не замѣтить преступнаго антагонизма, который дѣлаетъ изъ нихъ производителей—непримиримыхъ враговъ предпринимателя: они тѣ, кого обкрадываютъ, хозяинъ же воръ.

Слѣдовательно, между ними несогласіе настолько коренное, что только политики или покровители хозяевъ могутъ болтать о „согласіи капитала съ трудомъ".

Между прочимъ, эксплоатируемые не могли вскорѣ не замѣтить, что хозяйская хищность становится тѣмъ болѣе требовательной, чѣмъ слабѣе стойкость рабочихъ. Изъ этого легко заключить, что разрозненность получающихъ плату доказываетъ максимумъ ихъ слабости. Слѣдовательно, агломераты для производства выучили уже эксплоатируемыхъ оцѣнивать благодѣянія союзовъ,—оказались необходимыми только желаніе и иниціатива, чтобы создать группировку пролетарской защиты—*синдикаты*.

Они вскорѣ оцѣнили ихъ значеніе: буржуазія, не боявшаяся совершенно „народа-избирателя", была принуждена „народомъ, организованнымъ въ профессіональные союзы" признать право союзовъ и профессіональной свободы.

Послѣ первыхъ же результатовъ были сдѣланы повторительныя попытки отвлечь рабочій классъ отъ профессіональной солидарности. Несмотря на это, роль профессіональнаго союза выяснялась и пріобрѣтала первостепенное значеніе—это отнынѣ можно опредѣлять такъ:

Въ современной средѣ его постоянное назначеніе защищать корпорацію отъ всевозможнаго уменьшенія жизненныхъ силъ, т. е. противъ всякаго уменьшенія платы, увеличенія рабочаго дня и проч.; затѣмъ, прибавивъ къ защитѣ нападеніе, онъ сталъ заботиться, чтобы увеличивалась сумма корпоративнаго благосостоянія—это можетъ осуществиться только нѣкоторымъ захватомъ привиллегій капиталистовъ и составляетъ нѣчто вродѣ частичнаго отчужденія.

Кромѣ безпрестанныхъ стычекъ, профессіональный союзъ стремится къ полному освобожденію, гдѣ онъ и является существеннымъ дѣятелемъ; оно будетъ состоять въ обладаніи общественными богатствами, нынѣ захваченными буржуазіей и въ

преобразованіи общества на экономическихъ началахъ такимъ образомъ, чтобы посредствомъ минимума производительныхъ усилій получался максимумъ благосостоянія.

Право профессіональныхъ союзовъ.

Вотъ организованный профессіональный союзъ. Въ какой-нибудь опредѣленной корпораціи незначительное меньшинство смѣльчаковъ имѣли мужество возстать противъ капиталистовъ и создать группировку съ цѣлями сопротивленія.

Каково же будетъ отношеніе этой горсти борцевъ? Будутъ-ли они бояться насмѣшекъ, если не всѣхъ, то большинства своихъ корпоративныхъ товарищей, и поэтому не предъявятъ своихъ требованій?

Это было бы такъ, если бы они перенесли на экономическую почву политическіе предразсудки о большинствѣ.

Но такъ какъ нужды борьбы гораздо могущественнѣе демократическихъ софизмовъ, то логика жизни увлекаетъ ихъ по новымъ путямъ, не согласнымъ съ политическими формулами, которыми ихъ пропитали. И борцамъ не нужно очень большой дозы сознательности, чтобы поступать такъ; достаточно того, чтобы формула и обструкція ихъ не парализовали.

Въ одномъ важномъ случаѣ политикъ Басли отдалъ честь профессіональнымъ принципамъ и требовалъ ихъ примѣненія. Само собой разумѣется, что у него это было чистѣйшей уловкой и такимъ маневромъ онъ старался возмѣстить утрату революціонныхъ стремленій. Это случилось въ 1901 г. на съѣздѣ рудокоповъ въ Ленсѣ, гдѣ разрабатывался вопросъ о всеобщей профессіональной забастовкѣ. Чтобы подавить движеніе, Басли предложилъ прибѣгнуть къ референдуму и, разрывая съ демократическими теоріями, заставилъ рѣшить, что количество неголосовавшихъ прибавляется къ большинству.

Очень удивили бы этого политикана, казавшагося себѣ очень ловкимъ, объяснивъ ему, что вмѣсто того, чтобы воспользоваться хитростью (результатъ которой оконфузилъ его), онъ дѣйствовалъ какъ революціонеръ и проникся теоріями профессіональныхъ союзовъ. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ Басли пренебрегъ мнѣніемъ безсознательныхъ и призналъ, что они человѣ-

ческіе нули, примыкающіе къ правой сознательныхъ единицъ, существа инертныя, скрытыя силы которыхъ приходятъ въ движеніе только подъ ударами энергичныхъ и смѣлыхъ.

Такой взглядъ является отрицаніемъ демократическихъ теорій, требующихъ равенства правъ для всѣхъ людей и проповѣдующихъ, что народное господство развивается благодаря всеобщей подачѣ голосовъ. Басли не далъ себѣ въ этомъ отчета! Находясь въ экономической средѣ, онъ проникся ея атмосферой и забылъ на время свои политическія теоріи.

Полезно, впрочемъ, замѣтить, что никогда демократизмъ не былъ въ ходу среди профессіональныхъ группъ. Но когда этого требовали общественныя нужды, борцы профессіональныхъ союзовъ давали согласіе, которое подсказывалъ имъ здравый смыслъ. Ихъ дѣятельность предшествовала образованію профессіональныхъ принциповъ.

Никогда профессіональные рабочіе не думали, чтобы имъ прежде нужно было высмѣять мнимую разрозненность корпорацій, потомъ приступить къ совѣщанію по правиламъ и затѣмъ подчинить ихъ дѣятельность желаніямъ большинства. Они собирались въ возможно большемъ числѣ и выражали свои желанія, не обращая никакого вниманія на несознательныхъ.

Ничего не можетъ быть естественнѣе. Мы должны различать право теоретическое и абстрактное, которымъ демократизмъ хочетъ ослѣпить насъ, отъ реальнаго, осязаемаго права,—оно является совокупностью нашихъ интересовъ, требованіе которыхъ исходитъ изъ личнаго самосознанія.

Право каждой личности возставать противъ угнетенія и эксплуатаціи неотъемлемо. Окажется-ли правымъ передъ всѣми тотъ, чье право требовать и возставать остается невыраженнымъ? Если нравится толпѣ гнуть спину подъ ярмомъ и лизать ноги своихъ хозяевъ,—пусть. Если человѣкъ, гнушающійся своей приниженностью и не желающій ее переносить, возстаетъ и возмущается, онъ одинъ будетъ правъ передъ всѣми! Его право ярко, подлинно и неоспоримо—а право приниженной толпы, поскольку оно остается *правомъ рабства*, не имѣетъ для него никакого значенія и не можетъ ему противопоставляться.

Для нея же право пріобрѣтетъ осязательныя формы и ста-

нетъ уважаемымъ только съ того момента, когда, усталая повиноваться и работать для другихъ, она подумаетъ о возстаніи.

Слѣдовательно, каждый разъ, какъ образуется какая-нибудь группа, гдѣ соединяются сознательные люди, они не должны считаться съ неподвижностью массы. Достаточно достойно сожалѣнія и то, что несознательные отказываются пользоваться своими правами; и было бы чрезмѣрнымъ признавать за несознательными странную привиллегію уничтожать какъ требованіе права, такъ и осуществленіе его сознательными.

Весьма естественно, что хотя теорія не была обработана *a priori*,—проникнувшись такими руководящими идеями, синдикаты организовались, стали дѣйствовать и дѣйствуютъ до сихъ поръ.

Изъ этого слѣдуетъ, что *право профессіональныхъ союзовъ* не имѣетъ ничего общаго съ *демократическимъ правомъ*.

Демократическое право — это выраженіе безсознательнаго большинства, составляющаго блокъ для подавленія сознательнаго меньшинства; ради догмата народнаго господства, исходящаго изъ братства и равенства, они дошли до того, что признали экономическое рабство и угнетеніе людей иниціативы, прогресса, науки и свободы.

Право профессіональныхъ союзовъ совершенно противоположно.

Оно исходитъ изъ индивидуальнаго господства, изъ автономіи человѣческаго существа, приводитъ къ союзу для жизни,— къ солидарности. Такимъ образомъ его логическимъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ является реализація свободы и соціальнаго равенства.

Согласятся, что благодаря ихъ индивидуальному могуществу, усиливающемуся въ синдикатахъ вслѣдствіе сношенія съ равными ему силами, рабочіе не медлятъ въ проявленіи своихъ желаній, соглашеній и корпоративной цѣльности: они думаютъ и дѣйствуютъ отъ своего имени,—какъ будто ихъ блокъ дѣйствительно составленъ изъ этой цѣльности. Пользуясь логическими выводами, они пришли къ тому, что думаютъ и дѣйствуютъ, какъ будто они совокупность рабочаго класса, всего народа.

Впрочемъ, насколько профессіоналисты-борцы имѣютъ осно-

ваніе считать себя синтезомъ стремленій и желаній всѣхъ, видно изъ того, что напримѣръ, въ случаѣ конфликта съ хозяиномъ, когда этого требуютъ обстоятельства, необъединенные рабочіе прибѣгаютъ къ синдикатамъ, чтобы объединиться на время и бороться рядомъ съ товарищами, подготовившими борьбу своимъ терпѣніемъ и энергіей.

Не объединенные, не сознательные не могутъ же оскорбляться такимъ родомъ моральной опеки, которую присваиваютъ себѣ «сознательные». Борцы не насилуютъ ничьей доброй воли и тѣмъ кто не можетъ переносить, чтобы на нихъ смотрѣли, какъ на пренебрегаемую величину, остается только покориться этой подчиненности, или выйти изъ своего уединенія и стряхнуть свою неподвижность при вступленіи въ синдикатъ.

Сверхъ того, тихоходы не были бы желанными при взаимномъ обвиненіи, такъ какъ они пользуются результатами добытыми ихъ сознательными и борющимися товарищами и они получаютъ барыши, не принявъ участія въ борьбѣ.

Это раздѣленіе среди всѣхъ прибылей борьбы немногихъ доказываетъ превосходство *профессіональнаго права надъ демократическимъ*. Какъ мы далеки отъ буржуазнаго убожества, которое утверждаетъ, что каждый кузнецъ своего счастья. Въ рабочемъ классѣ каждый сознаетъ, что борясь для себя, онъ работаетъ для всѣхъ, и никому не приходитъ въ голову подыскивать мотивы для праздности и взаимныхъ обвиненій.

Рабочіе не признаютъ узости и скупости буржуазіи, порождающей подъ предлогомъ индивидуальнаго расцвѣта нищету и смерть и истощающей источники жизни; они убѣждены, что союзъ для жизни одно изъ условій общественнаго прогресса, они сливаютъ свои интересы съ общими интересами. Вотъ почему они дѣйствуютъ не отъ своего личнаго имени, а отъ имени корпораціи, судьба которой въ ихъ рукахъ. Благодаря логической послѣдовательности, они не ограничиваютъ своей дѣятельности корпоративнымъ кругомъ, но они распространяютъ ее на весь рабочій классъ и они ставятъ всеобщія требованія. Когда же имъ удается вырвать какое нибудь улучшеніе у капитализма, они хотятъ, чтобы всѣ воспользовались барышами—всѣ!—и не объединенные, и несознательные, и даже *желтые*.

Это чувство широкаго братства, это глубоко человѣчное по-

ниманіе соціальнаго союза возвышаетъ красоту синдикализма. Его превосходство надъ демократическими принципами, порождающими только мерзость, братоубійственную борьбу и соціальную рознь, неоспоримо. Итакъ, профессіональное право опредѣляется, какъ выраженіе новаго права, глубоко гуманнаго, пробуждающаго народное сознаніе, оно на мѣсто отживающихъ догматовъ готовитъ соціальное возрожденіе: расцвѣтъ такого общества, въ которомъ на мѣсто репрессивнаго режима закона, былъ бы возстановленъ режимъ свободнаго соглашенія, заключеннаго заинтересованными и отмѣняемаго или совершенствующагося по ихъ усмотрѣнію; на мѣсто капиталистическаго производства—экономическій федерализмъ, осуществленный группировкой по производствамъ, обезпечивалъ бы за человѣкомъ максимумъ благосостоянія и свободы.

Заключеніе.

Было бы вѣрнѣе сказать: «введеніе въ сущность».

Дѣйствительно, на предшествующихъ страницахъ я пытался опредѣлить руководящія стремленія синдикализма. Самое главное остается еще сдѣлать: показать согласіе профессіональной дѣятельности съ профессіональными теоріями при помощи фактовъ и примѣровъ, доказать, что, даже иногда безсознательно, синдикатъ вдохновляется этими стремленіями.

Показать также, что примѣненіе къ дѣлу этихъ руководящихъ стремленій имѣетъ замѣчательное вліяніе на современное общество и что вмѣсто прежней организаціи, охваченной дряхлостію, развивается зародышъ новаго общества, гдѣ человѣкъ будетъ развиваться безъ стѣсненій на лонѣ автономныхъ союзовъ.

Объ этомъ будемъ говорить въ послѣдующихъ брошюрахъ.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.